

АЛЕКСАНДР
ЛЕОНТЬЕВ
МАРИНА
ЛЕОНТЬЕВА

ДРЕВНЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ
РУСИ



ИСТОКИ МЕДВЕЖЬЕЙ РУСИ



История Руси берет свое начало от древнейших времен, когда на земле появился первый медведь. Этот мифический герой, известный как Медведь-Патриарх, был предком всех русских народов. Он жил в лесах и горах, охраняя природу и помогая людям в их борьбе с опасностями дикой природы. Медведь-Патриарх был не только защитником, но и провидцем, способным предсказывать будущее. Он учил людей земледелию, строительству деревень и городов, а также мудрости и добродетели. С тех пор медведь стал символом силы, храбрости и честолюбия у русского народа.



АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ
МАРИНА ЛЕОНТЬЕВА

ИСТОКИ МЕДВЕЖЬЕЙ РУСИ



МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Л 47



Леонтьев А. И., Леонтьева М. В.

Л 47 Истоки медвежьей Руси / А. И. Леонтьев, М. В. Леонтьева. — М.: Алгоритм, 2007. — 240 с.

ISBN 978-5-9265-0371-2

То, что медведь — символ России, знают практически во всем мире. «Русский медведь» такое же устойчивое словосочтание, как и «римский орел» или «британский лев». Медведь изображен на гербах многих российских городов. Он герой народных сказок. Но все это только отголоски того мистического почитания, которым этот зверь пользовался у наших языческих предков. О том, как возник культ медведя на Руси, как развивался и как повлиял на русское национальное самосознание, — эта книга.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9265-0371-2

© Леонтьев А. И., Леонтьева М. В., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Вместо введения

Прежде чем рассказать о культе медведя у русского и других народов, представить свою точку зрения на вопрос о происхождении Руси, ее исторических корнях, хотелось бы сделать небольшое отступление. Как-то раз, в трудные послереформенные 90-е годы нам пришлось по долгу службы побывать в старинном северном городе Каргополе, расположенным недалеко от живописного озера Лача, у истоков реки Онеги. Впервые этот древний город упоминается в летописных источниках в 1146 году.

Нам давно было известно, что Каргополь славился не только своими церквами и соборами, но и замечательными народными умельцами. Прогуливаясь по городу, мы вдруг неожиданно услышали красивый, чистый, переливчатый свист, — недалеко от собора местные жители торговали какими-то, на первый взгляд, непонятными поделками. Чтобы привлечь малочисленных туристов, они приставляли ко рту диковинных раскрашенных уточек, петушков, фантастических животных, изготовленных из глины, — и по улицам Каргополя раздавался хрустальный звончательный перелив. Оказывается, мне посчастливились встретиться с мастерами, которые могли творить знаменитую каргопольскую глиняную игрушку, ставшую теперь своеобразным символом города.

Когда-то славившийся богатой торговлей и удивительной красотой Каргополь, начиная с XVIII столетия, после петровских «преобразований» на севере, оказался

в стороне от торговых путей, соединявших Архангельск, побережье Белого моря с крупными городами России, и превратился в заурядный провинциальный городок. Часть населения подалась на отхожие промыслы, другие принялись осваивать гончарное дело.

Считается, что гончарный промысел Каргополя, известный ныне не только в России, но и за рубежом, привился в здешних краях поздно — в середине XIX века. Однако по археологическим раскопкам (найденным остаткам керамической посуды) известно, что гончарным ремеслом в этих краях активно занимались еще во времена неолита, т. е. в III—II тысячелетии до н. э. Так что правильнее, на наш взгляд, говорить не о зарождении, а возрождении этого древнего промысла в Каргополье.

Откуда появились первые мастера в окрестных деревнях, кто их научил гончарному делу — неизвестно. Не ошибемся, если скажем, что это трудоемкое ремесло никогда и не исчезало в здешних краях, глина кругом была изумительная, как масло растекалась в искусных руках. Наверняка это древнее искусство никогда и не умирало на Севере. Знаменитого умельца 30—40-х годов И.В. Дружинина и, тем более, легендарного мастера глиняной игрушки Ульяну Бабкину, а также династию Шевелевых не надо представлять — их знают не только в России, но и в дальних зарубежных странах.

В долгие зимние вечера из-под рук мастеров на гончарном круге выходило много всякой посуды: горшки, кринки, миски-ладки, рукомои и роговики для топленого масла. Не просто ремесленниками были эти умельцы, они и толк в красоте понимали. После обжига на живом огне, в горне или прямо в русской печи, готовые горшки и крынки по старинным рецептам обваривали в горячей болтушке — «солодяге» — растворе овсяной или гороховой муки, чтобы красно-коричневый черепок по-

крылся черными пятнышками-колечками или делали зеленую свинцовую поливу, а затем отвозили их огромными партиями на продажу. Большим спросом пользовались гончарные изделия местных мастеров.

Из остатков приготовленной глины, чтобы не пропадала зря, лепили на утеху ребятне, а позднее и на продажу, знаменитые каргопольские игрушки. В них отражались три темы: образы животных, людей и сказочные персонажи.

Вообще-то, эти сюжеты традиционны для всего севера России, но из них всегда поражал один — фигурка медведя, похожая на человека. Самое интересное, что у каргопольских игрушек существовало удивительное сходство с богояврскими деревянными игрушками из Подмосковья, особенно с излюбленными для здешних мастеров очеловеченными медведями. Медведь — любимый персонаж богояврской игрушки. Его делали в различных вариантах: танцующим с гармошкой, медведь в бане, теперь даже додумались изображать этого зверя, играющего на компьютере. Лепили медведей и другие знаменитые российские мастера — дымковские. Медведи были любимым сюжетом умельцев еще одного творческого центра изготовления глиняной игрушки — Филимонова. Здесь изготавливались медведи с зеркалами, стоящие, как человек, на задних лапах. В каргопольской коллекции Московского музея народного искусства тоже можно увидеть разных медведей: играющих на рожке, на гармошке, держащих чашу.

«Почему же медведю такой почет?» — задали мы тогда в Каргополе вопрос старику, торговавшему глиняными игрушками. Дед на меня хитро посмотрел и загадочно сказал: «Медведь-то, баженный, ведь наши тотем, прародитель и предок человеческий». Сознаюсь, не сразу дошел до меня смысл этих слов, а только спустя много лет.

Свидетельством особо почтительного отношения народных мастеров к сюжету медведя как знаку предка, *то-тему*, служит тот факт, что глиняное изображение медведя, в отличие от других глиняных поделок, как правило, не озвучивалось, т. е. медведь никогда не превращался в игрушку-свистульку.

В былые времена наши предки свистом пытались отгонять «нечистую силу». Позднее такие игрушки превратились в детскую забаву. В этих простеньких свистульках сохранились отголоски древних языческих верований: наши пращуры верили в магическую охраняющую силу свиста. Но тем не менее никогда не делали игрушку-медведя, в которого можно было бы посвистеть, т. к. его особо почитали и уважали с незапамятных времен.

Так что медведь — один из самых распространенных и древних сюжетов народной скульптуры, уходящий глубокими корнями в далекое-далекое прошлое. По наблюдениям ученых, образ медведя и в русском фольклоре и в изобразительном народном искусстве — один из наиболее любимых и постоянных. Почему это так, и какую роль сыграл культ медведя в формировании и развитии русской народности — вот те вопросы, на которые мы хотели ответить в этой книге.

Глава 1

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ У ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ И У НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ

Первобытный человек, перенося на мир животных отношения своих родовых общин, неразрывно связанных друг с другом брачными союзами, представлял этот звериный мир как бы в виде второй и вполне равноправной половины своей собственной общины. Отсюда стал развиваться *тотемизм*, т.е. представление о том, что все члены данного рода происходят от определенного животного, растения или другого *тотема* и связаны с данным видом животных нерасторжимой связью.

Само слово *тотем*, вошедшее в науку, по одной версии, заимствовано из языка североамериканского индейского племени — *алгокинов*, у которых *ототем* значит «его род»¹. По другой же версии, слово *ототеман* на языке индейцев племени *оджибве* означает тоже «его род»². *Тотем* — это чаще всего животное или растение (реже — неодушевленный предмет или явление природы), являющееся объектом почитания или культа группы людей (племени), считающих его своим покровителем и верящих в общее происхождение и кровную близость с ним. Каждый род носил имя своего тотема. Тотем нельзя было убивать и употреблять в пищу. Кстати, позднее это пере-

¹ Всемирная история. Т.1. — ГИПЛ. — М., 1956. — С. 68.

² Новая иллюстрированная энциклопедия. Т.18. — М.: Мир книги, 2001.

станет быть правилом. При исполнении некоторых обрядов обычай предписывал съесть немного мяса тотема для укрепления магической связи с ним.

Звери и люди, согласно тотемическим представлениям, имели общих предков. Звери, считали доисторические люди, если хотели, могли снять свою шкуру и стать людьми. Предоставляя людям по собственной воле свое мясо, они умирали. Но если человек сберегал их кости и выполнял необходимые обряды, звери снова возвращались к жизни, «обеспечивали» таким образом, обилие пищи, благополучие первобытной общины.

Поэтому к тотему относились как к доброму и заботливому предку и покровителю, который оберегает людей — своих родственников — от голода, холода. Кстати, тотемом считалось только настоящее животное, птица, насекомое или растение. Затем достаточно было их более или менее реалистичного изображения, а позже тотем мог обозначаться любым символом, словом или звуком.

Делались попытки связать происхождение тотемов с древнейшей традицией изображения промысловых животных, игравших важную роль в жизни рода, племени. Но такая гипотеза едва ли состоятельна, как совершенно справедливо замечают сибирские ученые Т.Н. Троицкая и В.И. Соболев, поскольку трудно представить, чтобы древние считали ценной промысловой добычей того же кузнечика или летучую мышь. Например, у многих племен Австралии в качестве тотемов выступали обычные здесь кенгуру, страус, опоссум (крупная сумчатая крыса), дикая собака динго, ящерица, ворон, летучая мышь¹.

¹ Троицкая Т.Н., Соболев В.И. Наш край в древности и средневековье.

Тотем, являясь предметом культа у первобытных народов мира, как уже говорилось, составлял основу *тотемизма* — одну из древнейших форм религии, основывавшейся на совокупности верований, мифов, обрядов, обычаяев, основная черта которого, как указывалось, — вера в сверхъестественную связь, в общее происхождение и кровную близость между родовой группой и каким-либо животным или растением.

Стоит сразу подчеркнуть, что тотем не обожествлялся, его не наделяли свойствами и качествами бога в нашем понимании, люди просто верили в свое родство с ним. Родственник, но не бог, на которого надо молиться. Значительно позднее ему стали поклоняться как своему идолу, божеству.

Термин *тотемизм* был введен в научный оборот английским путешественником Дж. Лонгом в 1791 году. Позднее более обстоятельные исследования тотемизма осуществили Дж. Мак-Леннан (1886), В. Робертсон Смит (1885), Б. Спенсер и Ф. Гиллен (1899), а также хорошо известный российским читателям по своей знаменитой книге «Золотая ветвь» английский этнограф и фольклорист Джеймс Джордж Фрэзер (1854—1941). В своей четырехтомной монографии «Тотемизм и экзогамия» (1914) Дж. Фрэзер, характеризуя отношения человека к своему тотему, пишет: «Он рассматривает животных и растения или любые объекты, являющиеся тотемами, как своих друзей и родственников, отцов, братьев и т.п.». Причем это заходило так далеко, пишет далее Фрэзер, что древний человек рассматривал тотем «как свою ровню, как существо той же породы». Если тотем был вид животного (например, медведь), прачеловек смотрел на себя и своих сородичей как на животных того же вида, с

другой стороны, он рассматривал животное как человека, принадлежащего к его роду¹.

Пытались истолковать и объяснить тотемизм десятки ученых, подводя под него различные теории и концепции. Так, среди психологических концепций наибольшей известностью пользуется психоаналитическая версия австрийского психолога Зигмунда Фрейда (1856—1939), изложенная им в книге «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» (1913). З. Фрейд предложил понимание тотемизма как одной из ранних форм религии первобытного общества, на основе которой были выработаны первые этические (культурные) ограничения, так называемого *табу* — запрет убийства и инцеста (кровосмешения), с которых собственно, как он считал, и началось строительство культуры.

Слово *табу*, пришедшее в науку из Полинезии, в переводе означало *запрет*. Оно сохранилось до настоящего времени у некоторых племен Африки и Австралии. По этому обычаю некоторые существа, вещи, предметы, явления люди из суеверия называли не настоящими именами, а иносказательно, намеками. Например, животных, на которых охотились, полагалось обозначать описательно, т.к. прямое их наименование сулило охотнику неудачу или даже смерть.

По любопытной версии З. Фрейда, непосредственным импульсом образования тотемизма явились реальные события в жизни первобытной орды, над которой, якобы, властвовал сильный и жестокий самец. Постоянное давление им естественных, в первую очередь, конечно, сексуальных устремлений своих сыновей, в конце концов,

¹ Семенов Ю.И. Как возникло человечество. — М.: Наука, 1966. — С. 335

привело их к сговору и бунту против отца, в ходе которого последнему не повезло — он был убит и, вдобавок, с удовольствием съеден сородичами. Поэтому З. Фрейд полагал, что тотем является символом (заместителем) убитого и съеденного праотца, вина за убийство которого («первозданный грех») сохраняется бессознательно и передается из поколения в поколение. Т.е. тотемизм как бы отражает «отцовский комплекс», считал З. Фрейд, — люди поклоняются тотему, как правило, животному, считая его своим предком и покровителем, потом приносят в жертву (убивают), съедают, а затем оплакивают.

Самое интересное, по мнению австрийского психо-лога, тотемизм является предпосылкой и источником последующих религий, и в первую очередь — иудаизма и христианства.

По мере исторического развития большинство народов утратило тотемические представления. Однако кое-где тотемизм процветает и сегодня. Живуч он оказался среди примитивных племен Азии, Африки и особенно Австралии, которую вообще называют классической страной тотемизма.

Когда-то тотемизм был широко распространен в Индии. До сих пор у индийских племен, живущих изолированно в горных и лесных районах и не приобщенных к индуизму, сохраняется деление на роды, носящие названия растений и животных. Их мифы изобилуют сюжетами о происхождении первых людей от различных животных, о чудесных превращениях людей в растения, зверей и птиц, о браках между людьми и животными. Культ священных животных (коров, слонов, крокодилов, обезьян), часто имеющий тотемические корни, вошел в индуизм. Главных богов индуистского пантеона обязательно сопровождают священные животные. Так, Шива изобра-

жается с быком, Ганеша (сам в виде слона) — с крысой, Вишну — с птицей и т.д. Вероятно, это были тотемы древних родовых и племенных групп¹.

В религиозных представлениях древних греков следы тотемизма хранят мифы о кентаврах, часто встречающиеся мотивы превращения людей в животные и растения (например, миф о Нарциссе). Вспомним и русские народные сказки, где в одной из них рассказывается о превращении Иванушки за содеянное зло в получеловека с головой медведя. И пока он не совершил ряд добрых поступков, не смог снова вернуть человеческий облик.

Следы тотемизма сохранились до настоящего времени и у исторически цивилизованных народов. Они обнаруживаются в запрете на убийство коров в Индии, табу на свиней в Израиле и у мусульман — это все отдаленные отголоски древнейших времен, когда эти животные были священными тотемами. Как увидим дальше, табу на отдельных животных, особенно медведя, сохранялось на севере России на начало XX века и даже позднее.

В современных обществах тотемы существуют до сих пор, хотя они воспринимаются немного другим образом. Например, тотемом «племени», которое называется Соединенные Штаты Америки, является белоголовый орел. Тотемами американских штатов являются животные, символизирующие каждый штат. К примеру, тотемом штата Калифорния служит медведь гризли, а штата Мичиган — росомаха. Следы тотемизма сохранились и в современных символах наций: у англичан — лев, у французов — петух, у итальянцев — волчица. И конечно, не надо забывать, что у России существует собственный тотем — это медведь. Упоминание о животных-totемах можно встретить в на-

¹ Троицкая Т.Н., Соболев В.И. Наш край в древности и средневековье.

званиях спортивных клубов и общественных организаций. Недаром ведь символом «Единой России» является медведь, уверенно шагающий на восток.

* * *

В 1864 году в пещере Ля-Мадлен, расположенной во Франции, были обнаружены первые изображения животных (мамонт на костяной пластинке), спустя 11 лет уже в Испании неожиданно открыты изумившие исследователей пещерные росписи Альтамиры с изображениями зверей, а за ними последовали другие открытия. Особенно выразительны были находки в глубине пещеры Монтеспан (Франция) в виде лепных фигур животных, в том числе медведя, вокруг которых на глинистом полу уцелели покрытые сталагмитовой коркой отпечатки босых ног первобытного человека. Голова у изображения медведя отсутствовала, на ее месте находилось лишь довольно глубокое отверстие, а между лапами лежал череп медвежонка, должно быть прикрепленного прежде к глиняной фигуре посредством деревянного стержня, вставленного в отверстие¹. На стенах другой пещеры под названием «Трех братьев», изображены играющие и прыгающие медвежата, выполненные резными штрихами, и поражающие наше воображение художественной реалистичностью².

Самое поразительное, что это удивительное пещерное искусство первобытного человека специалисты отнесли к среднему палеолиту, т. е. ко времени 35—100 тысяч лет назад, получившему позднее название мустьеरской культуры по пещере Ле-Мустье (Франция).

¹ Всемирная история. Т.1. — ГИПЛ. — М., 1956. — С.62

² Окладников А.П. Утро искусства. — Л., 1967. — С. 111—112.

Именно мустьерскую эпоху, время обитания неандертальцев, специалисты считают периодом зарождения первых религиозных представлений у первобытных людей. Древнейшие религиозные верования охотников каменного века возникли из почитания сил природы и, прежде всего, из культа зверей. Охота на мамонта, носорога или *пещерного* медведя с примитивными дротиками и копьями, как главный источник существования древних людей этого периода, обусловила зарождение грубого культа зверя и охотничьей магии. Дикие животные с самого начала заняли в сознании первобытного человека и в первобытной религии важное место.

Первые слабые зачатки такого первобытного культа зверя могут быть обнаружены, судя по находкам во Франции и в альпийских пещерах, как уже было сказано, в конце мустьерского времени. О его развитии наглядно свидетельствуют памятники пещерного искусства, содержанием которого почти исключительно являются образы зверей: мамонтов, носорогов, быков, оленей, львов и особенно медведей¹. По подсчетам французского исследователя А. Леруа-Гурана, в 66 осмотренных им пещерах имеется 36 палеолитических изображений медведей².

Необычный интерес представляют знаменитые мустьерские «медвежьи пещеры», в которых медвежьи кости составляют 95—99 % всех костных останков, а количество особей доходит до 800-1000 медведей в одном месте³. В пещерах Михнитц и Минерв найдено даже несколько сотен тысяч аккуратно сложенных черепов *пещерного* медведя⁴.

¹ Всемирная история. Т.1. — ГИПЛ. — М., 1956. — С.69.

² Васильевский Р.С., Окладников А.П. Звери в камне // Сборник «Первобытное искусство». — М.: Наука, 1980. — С. 233.

³ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1981.

⁴ Дублянский В.Н. Занимательная спелеология. — Урал LTD, 2000.

По мнению французского исследователя Констебля, открытие *культа медведя* принадлежит немецкому ученному Эмилю Бехлеру. С 1917 по 1923 год в пещере Драхенлох, расположенной в Швейцарских Альпах на высоте две с половиной тысячи метров, он проводил археологические раскопки. Передняя часть этой пещеры, уходящей глубоко в гору, вероятно, иногда служила неандертальцам временным жилищем. А в глубине ее Бехлер обнаружил сложенный из камней кубический «ларь» размером по граням около метра, сверху закрытый большим плоским камнем. Внутри лежало семь медвежьих черепов, повернутых мордой ко входу. Обследуя пещеру дальше, учений обнаружил в нишах стен еще шесть черепов этого зверя, рядом с некоторыми из них лежали кости (обратите внимание!) конечностей. Хотя позже выяснилось, что они не все принадлежали костям того же медведя, что и череп. О том, что их положил туда явно человек, свидетельствовал интересный факт — одна такая кость была засунута под скуловую дугу черепа. Найдка в Драхенлохе оказалась не единственной, на юге Франции (в Регурдю) была обнаружена прямоугольная яма, прикрытая каменной плитой весом почти в тонну, хранившая кости более двадцати медведей¹.

Подобное хранилище черепов пещерного медведя было обнаружено в пещере Ветерника (Хорватия). В ее гроте археологами найдено тридцать пять черепов, шесть из которых лежали друг за другом у стены лицевыми kostями в сторону входа в пещеру, образуя группу, окруженную лопatkами пещерного медведя, а в одном из очагов находился череп медведя с обгоревшей поверхностью. Комплекс в пещере Ветерника был отнесен к началу позд-

¹ Вотяков А.А., Вотяков А.А. Теоретическая география. — М., 1997.

него палеолита¹. В другой пещере Петерсхеле, но только уже в Германии, в нишебразном углублении в одном из боковых отделений были найдены также определенным образом подобранные кости медведя, прикрыты сверху камнями. Рядом с ними в небольших углублениях в стене были размещены медвежьи черепа. В другой большой нише ученые обнаружили положенные вместе пять черепов и кости конечностей (лап)².

Сходные находки были сделаны в пещерах Швейцарии, Зальцофен (Австрии), Клюни (Франция) и в Югославии. В пещере Клюни, например, были обнаружены пять медвежьих черепов, расположенных по кругу, причем три из них были положены на каменные плиты. В пещере Зальцофен также найдено пять медвежьих черепов, но расположенных в нишебразных углублениях. Каждый из них помещен на каменную плиту, окружен со всех сторон камнями и прикрыт легким слоем древесного угля. Тут же находились другие кости медведя. К этой же серии должны быть отнесены находки, сделанные в 40-е годы прошлого столетия советским археологом А.В. Добровольским в правом кармане пещеры возле села Ильинки Одесской области. В этой пещере было раскопано 836 медвежьих костей, среди них выделялась челюсть медведя, которая стояла зубами вверх на четырех плитках известняка и упиралась верхним концом в свод пещеры. И, наконец, там же был найден череп медведя, как в пещере Драхенлох, обложенный камнями³.

¹ Кабо В. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытности духовности // <http://aboriginals.narod.ru//aitari.htm>

² Семенов Ю.И. Как возникло человечество — М.: Наука, 1966. — С. 414—415.

³ Семенов Ю.И. Как возникло человечество — М.: Наука, 1966. — С. 416.

Труднодоступность этих пещер, и то, что древние люди не обитали там постоянно, свидетельствуют о том, что «медвежьи» пещеры являлись, скорее всего, святыми медвежьего культа, связанного с магией возрождения. Поэтому все описанные выше находки были справедливо расценены учеными не иначе как имеющие ритуальный характер, как связанные с магическим отношением к медведю.

Более того, ученые пришли к единодушному мнению, что предметом культа был вымерший теперь вид Ursus Spelacous, так называемый *пещерный* медведь — могучий зверь с широкой грудью, который был значительно массивнее самого большого сейчас медведя на Земле — гризли — и имел в длину от кончика носа до хвоста почти три метра.

Почему же именно медведю принадлежит особое, главное место в пещерном искусстве древнейшего человека?

Если же почитать книгу Ж. Рони-старшего «Борьба за огонь», то сразу возникает и другой вопрос, за что, за какие заслуги неандертальец особо чтил своего главного врага, зачем ваял его в лепных скульптурках и рисовал на стенах пещер?

В мустерьскую эпоху можно выделить два основных вида медведей: *пещерного* медведя — огромного великанна, который мирно жил в пещерах, пасся на своих пастбищах и питался исключительно растительной пищей и *серого* медведя — страшного хищника и главного врага неандертальца. Поэтому логика подсказывает, что древний человек все же должен поклоняться, в первую очередь, *пещерному* медведю, а никак не серому убийце.

Кстати, по этому поводу немецкий зоолог Г. Вендт в увлекательной книге «Я искал Адама» выдвинул смелое предположение: во время похолодания, вызванного оледенением, травы и коренья, которыми в основном пита-

лись медведи, стали доступными только два-три месяца в году. Остальное время медведи проводили в пещерах, которые постепенно становились их тюрьмой. Зубы работали мало и у молодых медведей за долгую зиму вырастали так, что смыкали им пасть. На большинстве черепов *пещерных* медведей последнего периода их существования найдены следы воспаления челюстей. Изменения костной ткани свидетельствуют о том, что животные, обитавшие в сырых пещерах, болели рахитом, артритом, а также актиномикозом — болезнью, которая сейчас поражает овец, коз, коров...

Как ни удивительно, предположение Г. Вендта нашло свое подтверждение в 90-е годы прошлого столетия. Новая методика анализа коллагена костей ископаемых животных, разработанная парижскими учеными, показала высокое содержание в костях *пещерных* медведей стабильного изотопа C^{13} и пониженное — C^{15} . Это свидетельствует, что действительно *пещерные* медведи были вегетарианцами.

Выходит, что этот медведь был для неандертальцев, как остроумно заметил по этому поводу автор научно-популярной книги В.Н. Дублянский, чем-то вроде «живой кладовой с пищей». Огромных мишек содержали в пещере как домашних животных, и когда нуждались в мясе, их забивали, как это делаем мы сейчас с коровами, свиньями. Вот отсюда якобы и пошел культ медведя, спасителя и сохранителя племени от голода, такой же естественный, как земледельческий и скотоводческие культуры, возникшие значительно позднее¹. Назовем это остроумное объяснение одной из версий особого почитания медведей первобытными людьми.

¹ Дублянский В.Н. Заниматальная спелеология. — Урал LTD, 2000.

Продолжая тему культа пещерного медведя, французский исследователь Констебль пишет: «*Медвежьи кости в неандертальских каменных ларях были не просто трофеями, вроде шкур и голов, украшающих кабинеты современных охотников за крупной дичью. Если известные примеры охотничьей магии могут служить аналогией, неандертальцы отнюдь не тешили свое тищеславие, а преследовали куда более серьезные цели. Ритуалы, связанные с медведем, все еще существуют, — во всяком случае, существовали до самого недавнего времени — у ряда охотничьих народов, обитающих по всему северу от Лапландии и Сибири до арктической глуши Нового Света*». Как увидим дальше, это было не голословное заявление ученого.

Шли столетия, постепенно пещерный медведь вымер, а его место занял меньший по размеру, но значительно более подвижный и опасный — бурый медведь, культ которого сохранился у народов Севера до конца XIX века.

* * *

В середине прошлого столетия советскими учеными были обнаружены изображения медведей в виде петроглифов (наскальных изображений) на севере Сибири, в долине р. Ангары. Правда, они уже относились к эпохе неолита (около 8—3 тыс. лет до н. э.). Во время экспедиции академик А.П. Окладников обнаружил на «Пещерном утесе» около с. Верхняя Буреть на левом берегу Ангары изображение медведя, выполненное красной краской¹.

В 1973 г. на севере Норвегии, в Финмарке, в местечке Альта были обнаружены наскальные рисунки. Свое на-

¹ Васильевский Р.С., Окладников А.П. Звери в камне // Сборник «Первобытое искусство». — М.: Наука, 1980. — С. 234.

именование они получили по Альта-фиорду, на берегах которого древние люди оставили более 3000 петрографических изображений. Многие из них с большим мастерством выполнены при помощи молотка и резца и хорошо сохранились. Хотя на них преобладают фигуры северных оленей, лосей и самих людей, но есть и изображения медведей, птиц, рыб.

Грубый рисунок медведя, относящийся к неолиту, выбит на камне в районе притока реки Камы — Вишеры¹. А совершенно недавно на скалах вдоль северного побережья реки Вуокса в Ленинградской области юные любители природы обнаружили ритуальный комплекс. После того как скалу очистили от мха, на ней проявилось изображение медведя, у лап которого лежит человек. Еще на этой же скале проступают выбитые в граните изображения человека и огромного змея. Находками заинтересовался Институт материальной истории Российской академии наук. По оценке ученых, наскальным изображениям не менее 8 тыс. лет².

Но все же больше известны ученым скульптурки медведя, изготовленные древними ваятелями из камня, кости, иногда глины. Их находили на севере Сибири от Урала до Тихоокеанского побережья в большом количестве. Особенно понравилась почтенному академику и известному археологу А.П. Окладникову с любовью сделанная из камня фигурка медведя из неолитического могильника у г. Томска. Она изображает медведя, стоящего на задних лапах, а передние его лапы сложены на груди. У него лобастая голова с характерной медвежьей мордой, маленькие глазки, четко обозначена пасть.

¹ Башкиров К.С. Символика Коми // <http://geraldika.ru/symbols/2475>

² Здесь жертвы приносили божествам // <http://www.vokrugsveta.com/S4/pmm/pmm32.htm>

Кроме того, на Ангаре часто встречались так называемые каменные песты, украшенные скульптурными медвежьими головами. По мнению ученых, подобные изделия не были пестами в обычном смысле этого слова. Они представляли один из вариантов широко распространенных не только в Евразии, но и в Северной Америке пестов фаллического типа, связанные с идеей плодородия. Как справедливо отметил А.П. Окладников, такие фаллические по типу песты с медвежьими головами — «*драгоценные свидетельства культа мужского предка — медведя, символизирующего активное мужское начало в обществе лесных охотников и в его космогонии, активное и в охотниччьем производстве, и в воспроизводстве человеческого рода*»¹.

Но сам по себе пест, утверждает академик, не был обыкновенным пестом в настоящем смысле слова. Судя по всему, это изделие из камня служило каким-то другим целям, вероятней всего, культу медведя. Любопытно, что очень сходные песты, украшенные на верхнем конце реалистически выполненными головами медведя, встречаются и в Северной Америке.

Полная фигурка медведя, выполненная из оленьего рога, найдена на Илиме. Медведь изображен на ней в сидячей позе, с вытянутыми задними лапами. Как отметил Окладников, сидячая поза обычна для скульптурных изображений медведя в современной этнографической скульптуре Севера (вспомним и нашу каргопольскую игрушку), причем современные изображения резко отличаются от древних, более реалистических, своей схематичностью.

¹ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I—II. — МИА, 1960. — №18. — С.283.

На основании таких находок, академик сделал важный вывод о том, что в неолите в Сибири уже существовал культ медведя, «к которому так или иначе должны восходить религиозные представления и идеи, лежащие в основе медвежьего культа у народов Сибири»¹.

Большая серия медвежьих фигурок, только уже смастеренных из обожженной глины, была обнаружена в 1974 году на неолитическом поселении на о. Сучу (р. Амур). Здесь собрано 17 целых фигурок и несколько фрагментов. Эти изображения медведей интересны тем, что они хорошо датированы радиоуглеродным методом в пределах 4—3 лет тыс. до н. э.²

Антропоморфные статуэтки медведя-человека, относящиеся к эпохе неолита, найдены археологами на территории расселения эвенков³.

Целая серия подобного рода изображений известна в другой части северо-восточной окраины России, на Камчатке. Первые находки были здесь сделаны шведской экспедицией, проведенной во время гражданской войны (1920 и 1922) на берегу южной части Авачинской губы и близ Петропавловска. Здесь при раскопках древних землянок, среди многочисленных изделий из обсидиана (улканического стекла, кстати, материала, легко поддающегося обработке), обнаружились две своеобразные фигурки, похожие на какое-то четвероногое животное. Вероятно, шведы очень спешили, шла гражданская война, поэтому раскопки производили небрежно и поверхностно⁴.

¹ Окладников А.П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // Советская археология, XIV, 1950, с. 7—19.

² Иванов С.В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура // Сб. памяти В.Г. Богораза. — М.-Л., 1937. — С.1—24.

³ Обряды добывания удачи охотнику — ИЛКЭН, №6(18), 19.07.2001.

⁴ Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология, X, 1948, с.117 — 118.

В июне 1932 года на месте их работы, в отвалах перекопанной земли, абсолютно случайно капитан рыболовного траулера Н.А. Гурьев обнаружил наконечники стрел, сланцевый топорик и фигурные поделки из кремня и обсидиана. Коллекция, собранная местными изыскателями, состояла из 43 каменных предметов. Среди них, когда археологические находки были переданы в музей Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР, особенно заинтересовали ученых три фигурных стилизованных изображения из обсидиана¹.

Один из экспертов, Д.Н. Лем, сделал описание данных археологических памятников и посчитал, что две фигурки представляют собой стилизованное и распластанное изображение человека, а одна — тюленя. Однако, на наш взгляд, он ошибался. Вероятней всего, фигурки изображают не человека, а животное, которому поклонялся неолитический человек, — стоящего на задних лапах медведя или его распластанное изображение.

Подобные фигурки, по утверждению Лема, известны также и в Соединенных Штатах Америки по находкам в долинах Миссисипи и Огайо. Археолог Т. Вилсон, обнаруживший их, говорил, что подобные странные и любопытные формы (помимо изображений зверей, были найдены фигурки птицы с распростертыми крыльями и растянутой змеи) присущи не только США, но также Англии, Швейцарии, Франции. Эти фигурки, справедливо замечает Лем, по всей вероятности, были связаны с магическими воззрениями древнейших людей².

¹ Лем Д.Н. Новые археологические памятники Камчатки // Советская этнография, №4-5, 1935, с. 218.

² Лем Д.Н. Новые археологические памятники Камчатки // Советская этнография, №4-5, 1935, с. 222.

Привлекшие наше внимание скульптурные изображения, подтверждает известный археолог С.Н. Замятнин, действительно были широко распространены на материалах обеих Америк, от Аляски до Патагонии¹.

Изготовленные из кремня, яшмы, обсидиана фигурки животных наблюдались в быту у эскимосов Аляски. Из шести вывезенных оттуда фигурок одна представляла медведя. Его изображение, сделанное из темно-серого кремня, имело в длину 3 см. В Северной Америке известны подобные находки как с западного, тихоокеанского побережья (штаты Калифорния, Орегон и др.), так и атлантического (штаты Мэн, Нью-Джерси).

Кремневые фигурки, собранные в Патагонии, хоть слабо, но также напоминают предыдущие изображения. По мнению ученых, они принадлежат к группе специальной формы наконечников стрел, имевших широкое распространение и в Северной Америке.

Точно определить время создания всех этих американских находок для ученых оказалось делом весьма затруднительным. Но все же основную их массу отнесли к доколумбовому времени; среди этих своеобразных поделок были экземпляры, восходящие к первому тысячелетию нашей эры.

* * *

Все эти мустьевские и неолитические находки черепов и костей медведей, обнаруженные в пещерах и в других местах Нового и Старого Света, наскальные рисунки,

¹ Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология, X, 1948, с. 118—121.

различные фигурки этого зверя, естественно, подвергались тщательному изучению, и ученые пытались объяснить их смысл. В конце концов, эти удивительные находки были расценены как имеющие какой-то древнейший ритуальный характер, как связанные с ритуальным отношением к медведю.

Анализируя огромную литературу по данному вопросу, советский ученый Б.А. Васильев пришел к выводу, что кульп медведя является чрезвычайно древним, относится к «дошаманскому» периоду в истории религиозных воззрений и был занесен в конце палеолита колонизационным потоком из Сибири даже в Северную Америку, что свидетельствует о палеолитической древности культа¹.

Чуть позднее, только уже в 60-х годах прошлого столетия, другой советский ученый, автор книги «Как возникло человечество» Ю.И. Семенов сделал абсолютно такое же заключение: ритуальная забота о черепе и костях медведя имела широкое распространение по всему Северному полушарию. Ее существование отмечено в Европе у древних карел и финнов, а также у саамов (лопарей), в Азии — у хантов, манси, ненцев, алтайцев, кетов, тувинцев, эвенков, якутов, других коренных сибирских народов, в Америке — у многих индейских племен².

Культ медведя у народов Севера Европы и Азии сохранился до эпохи средневековья. Об этом свидетельствуют многочисленные находки различных фигурок и изображений медведя, а также его черепов и костей в древних святилищах и могильниках.

¹ Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография, №4, 1948, с. 79—80.

² Семенов Ю.И. Как возникло человечество. — М.: Наука, 1966. — С. 418.

В просторах Онежского озера затерялся небольшой островок, называемый Оленьим. В эпоху раннего неолита он был выбран древними жителями Карелии местом своего племенного могильника. Именно на нем среди костей оленей и лосей археологами было обнаружено большое количество клыков медведей примерно от 55 особей¹.

Сразу следует отметить, что святилища с костями медведя в Восточной Европе известны, начиная с эпохи железного века, т. е. с 1 тыс. до н. э., к ним относятся костища, обнаруженные в верхнем Прикамье. Производивший раскопки на одном из них, Гляденовском могильнике, пермский историк Н.Н. Новокрещенов пишет следующее: «*В Гляденовском костище найдено 19 экземпляров бронзовых изображений медведя, но, кроме того, найдена в пепле масса необожженных медвежьих клыков очень крупных размеров, причем некоторые из них имели отверстие, из чего ясно видно, что они носились как подвески*»².

По наблюдениям ученых, в средневековые ареал святилищ с костями медведя постепенно сместился из лесной зоны к северу, в районы Северного Приуралья. Самым северным из них является Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре, на котором найдены клыки и верхняя челюсть медведя³.

Наиболее многочисленные находки останков медведя обнаружены в пещерных святилищах Северного Урала. И, наверное, наибольший интерес вызывают Канин-

¹ Гурина Н.Н. Олениостровской могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. №47. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 153—157.

² Николаев Ю.К. О русской геральдике и Гербе Пермском // <http://www.perm.ru>

³ Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири — Новосибирск: РАН СОИАЭ, 2000.

ская и Уньинская пещеры, расположенные недалеко друг от друга в верховьях реки Печоры. Они очень похожи — входы расположены в скалистом утесе на высоте нескольких метров от уровня воды в реке. Пещеры представляют собой гроты длиной до 20 м, шириной до 9 м и высотой до 5 м. Как удалось выяснить ученым, они являлись языческими святилищами *обских угров* эпохи бронзы, и в них со 2 тысячелетия до н. э. и почти до начала XX века производились ритуальные захоронения медвежьих черепов. Кроме останков медведя в пещерах были обнаружены кости и других животных — оленей, лосей, но из их общего количества всегда преобладали медвежьи. В указанных пещерах найдены кости примерно от 82 особей этого зверя¹.

В Канинской пещере особое место тоже занимали останки бурого медведя. В глубине пещеры, у правой стенки грота под нетолстым слоем земли исследователи обнаружили скопление черепов и отдельных костей медведя (не менее 23 особей). Кости были сложены грудой в два яруса на небольшом участке под выступом, что интересно, немного напоминающим медвежью голову². По мнению учёных, Канинская пещера служила местом ритуального захоронения черепов и других останков медведей.

Кроме указанных, были исследованы пещеры по восточному склону Уральского хребта. В гротах пещер на реках Лобве, Какве, Лозье археологи обнаружили огромное количество костных останков медведя, среди которых преобладали фрагменты черепов, а также нижние челюсти, клыки. Среди костей туловища значительную часть составляли, обратите еще раз на это внимание, кости лап. На юго-восточной окраине Западной Сибири, в пещерах

¹ Канивец В.И. Канинская пещера — М.: Наука, 1964. — С.124.

² Канивец В.И. Канинская пещера — М.: Наука, 1964. — С. 47.

бассейнов рек Чулым, Бирюсы и Томи, также отмечено проявление культа медведя. Здесь зафиксированы находки отдельных черепов бурого хищника и захоронения медвежьих лап¹.

Недалеко от г. Александровска Пермской области на берегу реки Чаньви находится пещера под характерным названием Медвежья, в которой обнаружены сотни медвежьих черепов. Так что существует множество подобных пещер, разбросанных по северу Европы и Азии, где совершались медвежьи ритуалы.

Учеными подмечена очень интересная особенность, связанная с культом медведя. Некоторые части тела медведя якобы были способны отгонять злых духов и приносить удачу их владельцам. Поэтому, вероятно, самыми распространенными талисманами и амулетами у древних людей были клыки медведей. Амулеты выполняли роль персональных, семейных и племенных оберегов, помогали при недугах или в других экстремальных ситуациях (опасности тогда поджидали человека постоянно на охоте, на рыбном промысле). Кроме того, не надо забывать, амулеты связывались непосредственно и с тотемно-родовой принадлежностью. Их носили на шее, в специальных футлярах, иногда обереги навешивались на одежду. Считалось, что особой силой обладали амулеты, полученные по наследству и передаваемые из поколения в поколение или освященные местными шаманами².

¹ Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири — Н.: РАН СОИАЭ, 2000.

² Табарев А.В. О наиболее ранних свидетельствах существования культа медведя в Евразии и Северной Америке. // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири — Н.: РАН СОИАЭ, 2000.

* * *

Это уважение к бурому великану живет и поныне. Даже в наше время — в век космических ракет и компьютеров — многие северные охотники, соблюдая древние обычаи, перед тем как идти на промысел зверя, надевают амулеты-обереги — клыки и когти медведя, считая, что *хозяюшко*, как его называют, охранит от всех бед и невзгод. Ту же роль оберегов играли, наверное, и лапы медведей, глиняные изображения которых так часто находили в древних святилищах и могильниках.

Как уже упоминалось, следы культа медведя сохранили ритуалы многих северных народов, в жизни которых этот зверь имел какое-то особое значение.

Так коряки убитого медведя несли к дому, его должна обязательно встретить женщина с горящими головнями в руках. Мертвому зверю приносили еду, затем его шкуру, снятую вместе с головой, набивали травой и обносили вокруг дома, т. е. провожали его душу домой, чтобы умилостивить медведя, попросить у него прощение за вынужденную охоту. Финны также старались убедить убитого медведя в том, что он сам виноват в своей гибели, справляли по нему похоронный обряд и много хорошего говорили о нем, чтобы другие сородичи, услышав какие почести оказываются убитому, сами дали себя убить¹.

Немецкий путешественник И.И. Георги (1729—1802) при описании финнов отметил, что все северные и северо-восточные народы почитают медведей и думают, что души их, как и человеческие, бессмертны. У древних финнов были особые песни, которые они пели при убиении

¹ Латынин Л.А. Образы народного искусства — М.: Знание, 1983. — Новое в жизни, науке и технике. Сер. «Искусство». — №2.

медведя¹. У саамов (лопарей) погребение медведя сопровождалось также множеством обрядов.

Бывший российский пленник швед Страленберг рассказал о культе медведя, существовавшем у вогулов: «Я видел перед жертвоприношением вогулов, языческого народа, живущего на границах между Россией и Сибирью, когда им удается убить в лесу различных медведей и когда они приносят трех из них в жертву богам. Именно в деревянной, плохо сколоченной кумирне, ставится стол — вместо алтаря, за которым рядом помещают друг подле друга трех медведей, имеющих целыми только одни головы, шкура же с них снимается и набивается; на каждой стороне мертвого зверя стоял малый с большой длинной палкой в руке. Когда все это было устроено своим порядком, пришел другой с топором и показывал вид, что намерен напасть на медведей; двое других, стоявшие с палками в руках, защищали их и оправдывались при этом, что они нисколько не виноваты в том, что они убили медведей, но что в этом виноваты стрелы и железо, которое выковали и сделали русские»².

Очень интересный медвежий ритуал подметил у остыаков Кастрен. У этого народа самым сильным видом присяги считалась клятва над головой убитого медведя. Тот, кто был обвинен в клевете, чтобы доказать обратное, разрезал ножом медвежий нос и приговаривал: «Если моя клятва ложна, то сожрет меня медведь». Подобная клятва считалась священной не только у остыаков, но и у ненцев, других северных народов. Если же погибал тот, кто да-

¹ Георги И.И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. — 1876. — Ч.1. — С.12

² Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири. — СПб., 1890, №1 — С. 108

вал клятву, то про него говорили, что он при своей жизни дал ложную присягу¹.

Обские остыки тоже очень уважали медведя. Всякий охотник при встрече с ним должен попросить извинения. Если не успел это сделать перед живым медведем, то после смертельного выстрела обязательно — перед мертвым. Когда заканчивался поток оправданий, принимались оснимывать шкуру. Но перед этим клали на живот убитого зверя семь сухих сучков. Когда делали первый надрез, снимали первый сучок, ломали и говорили, что расстегнули первую пуговицу на его шубе и сразу стреляли из ружья в воздух. Снимая второй сучок и переламывая его на туловище, снова говорили о расстегивании второй пуговицы и опять стреляли. Так надрезывали шкуру, ломая все семь сучков, приговаривая и стреляя в воздух. Затем каждый основной надрез на туловище, лапах, сопровождали выстрелами из ружья. Таким образом, всех выстрелов бывало до 30. После оснимывания шкуры, мясо не ели, а зарывали в землю, боясь, что если этого не сделать, то медведь опять может надеть на себя шкуру и отомстить за все, что над ним проделали. Потом свертывали шкуру и шли к дому. Пройдя сто сажен, останавливались и окружали того, кто ее нес. После рассказа охотника, как он победил медведя, снова делали три выстрела и шли дальше. Такое действие продолжалось до самого дома — с периодическими остановками, повторяющимися рассказами об убиенном звере и выстрелами. Вызывает изумление, как они уважали бедного медведя, — иначе не стали бы они зря тратить такое количество дефицитного пороха. Более того, всякий охотник, услышавший в лесу подобные выстрелы, сразу начинал отвечать такой же стрельбой.

¹ Этнографические наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самодедах в 1834-1844 гг. // Этнографический сборник РГО. Вып. IV. — 1858. — С. 311—312.

При приближении к стойбищу, навстречу торжественному шествию выскакивал стар и млад, спеша встретить дорого гостя. Всякий старался припасти воды в чашке, а если не успевал, то торопился взять воды в рот, и, донеся ее до медвежьей шкуры, начинал прыскать на охотника и шкуру. Шкуру при этом несли очень бережно, как мать носит грудных детей, т. е. держа обеими руками и прижимая к груди. Когда подходили к дому убившего медведя охотника, то шкуру в дверь не вносили, а вынимали в переднем углу окно и подавали через него ношу в избу. Это действие совершалось одновременно с окуриванием шкуры и беспрерывной стрельбой.

Затем хозяин клал шкуру медведя на стол, в передний угол, укладывая мырку или морду на передние лапы (вспомним бронзовые изображения пермского звериного стиля). После украшали шкуру: если медведица, то клали бисерную ленту с крестом, если же самец — то шарф или полуушалок. На улице начинались шутки, шалости, дурачества, сопровождаемые обливанием водой. Когда всех выкупают, шли по домам и переодевались в самые нарядные одежды. После чего являлись на поклонение к медведю.

Сходились все без исключения, кроме беременных женщин. О причине их отсутствия будет поведано ниже. Входящие кланялись медведю в пояс, целовали его морду и подносили подарки: надевали кольца на когти и пальцы медвежьей лапы, в глаза вставляли серебряные монеты, угождали медведя принесенными лепешками и рыбными пирогами, но только не мясом. После угощения всю ночь пели песни, в том числе и «песню медведя», которая была якобы создана медведем тогда, когда он был еще, по преданию остыков, человеком. Затем плясали, устраивали представления, кричали по-звериному. Такое празднество продолжалось три дня, во время которого выпивалось изрядное количество водки и браги. После этого

шкуру можно было выносить через двери. Медведь считался умилостивленным¹.

Существуют многочисленные свидетельства священности образа медведя у народов, населяющих таежную полосу Сибири, — хантов, кетов, селькупов и других. Одним из них является принесение клятвы с использованием медвежьей шкуры, во время которой человек кусал или, реже, поедал ее небольшой кусок.

Среди зырян (коми) почти до начала прошлого столетия было распространено такое название медведя, как «вёрса-морт» — лесной человек. Медведь, по представлению зырян, обладает всеми качествами человека; ему приписывались чисто человеческие чувства и привычки. При убийстве медведя охотник всегда просил у него прощения. И первым делом он всегда снимал с него шкуру, вынимал сердце и крестообразно его разрезал, иначе считалось, что медведь мог преобразиться в колдуна, так как колдуны якобы часто принимали образ медведя².

А в шаманской традиции бурят медведь считался самым священным зверем, он воспринимался как существо, превосходящее по магической силе любого шамана. Отдельные части тела медведя буряты наделяли особыми магическими свойствами. Так, например, череп медведя обыкновенно вешали над дверью или хранили на чердаке, чтобы защитить дом от воздействия злых духов. Лапы медведя тоже подвешивали над дверью, рассматривая их как весьма действенное средство против колдовства³. Кстати, нивхи с Сахалина точно также старательно украшенные головы убитых медведей хранили в спе-

¹ Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири. — СПб., 1890, №1 — С. 101—103.

² ИАОИРС, №20, 1910, с. 55—56.

³ Бадмаев А. Культ медведя в культуре бурят // <http://www.evrasia.org>.

циальном амбаре, являющимся своеобразной святыней рода. *Гольды и эвенки* оберегали голову медведя от собак и вешали ее на дерево¹.

У эвенков властелин тайги — медведь пользовался особым уважением. Для умилостивления убитого медведя существовал свой сложный разработанный ритуал. После того как шкура с медведя была снята и мясо съедено всем стойбищем, приступали к изготовлению чучела головы медведя. Вываренный череп зверя обтягивали шкурой, снятой с головы целиком, в глазницы вставлялись его же глаза, а в пасть помещался язык, придавая голове естественный вид. Затем голову оплели прутьями в виде корзины, уносили в тайгу и вешали на дерево, обычно на кедр, по направлению на запад. Таким способом эвенк выпрашивал у хозяина тайги прощение и удачу в промысле².

Самое интересное, что в подобных ритуалах магические действия могли производиться не только с убитым медведем, но и с его глиняным или каменным изображением. Так, например, сосуд в виде медведя наполнялся кровью, а затем кровь выливалась в костер, около которого совершались магические заклинания. Этот обряд известен еще с мустерьских времен. В пещере Монтеспан (Франция), о которой уже упоминалось, обнаружена серия крупных глиняных фигур, в том числе скульптура лишенного головы медведя, с подлинным черепом медвежонка между его передними лапами. В середине шеи глиняного медведя видно отверстие для стержня, на который насаживалась настоящая медвежья голова, делавшая зверя как бы живым. Кстати, точно такая же скульптура

¹ Клитин А.К. Субъективные заметки о буром медведе Сахалина и Курильских островов // <http://www.sakhalin.ru/rower/texts/bears.html>.

² Левин М.Г. Эвенки северного Прибайкалья // Советская этнография, №2, 1936, с. 75.

животного обнаружена на позднепалеотической стоянке древнего человека в Костенках, Воронежской области. Глиняный медведь, как и в пещере Монтеспан, будто специально был оставлен без головы.

Так что существует какая-то связь между «звериными» ритуалами эпохами палеолита и «звериными» ритуальными обрядами, существовавшими среди народов Севера и Дальнего Востока почти до настоящего времени. Однако все это явно не сводится лишь к охотничьей магии или имитации охоты, справедливо заметил автор книги «Круг и крест» В. Кабо, как это нередко интерпретируется многими исследователями¹.

* * *

Помимо большого количества черепов медведей в уже упоминаемой Канинской пещере на Печоре учеными были обнаружены также любопытные находки изображений зверей в виде металлических отливок. Одним из наиболее интересных предметов, по мнению известного исследователя Крайнего Севера В.И. Канивеца, являлось плоское литое бронзовое изображение медведя.

Оно представляло собой пластину, с оборотной стороны которой было ушко. А на лицевой отдельные детали фигуры — глаза, ноздри, пасть — показаны углублениями. Самое любопытное, что на туловище зверя схематично изображен ряд идущих друг за другом антропоморфных фигур со звериными головами. Это говорило о том, что бронзовая фигурка медведя имела какое-то культовое значение². В Нижнем Приобье, на одном из городищ, уже

¹ Кабо В. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытности духовности // <http://aboriginals.narod.ru//aitari.htm>

² Канивец В.И. Канинская пещера — М.: Наука, 1964 — С.86

встречалась точно такая же фигурка медведя с прочерченными тремя схематичными человеческими фигурами¹.

На средней Вычегде нашли еще одно плоское литое изображение медведя с тремя человеческими фигурками². Из Печорского района (дер. Усть-Щугор) И.Р. Аспелину прислали бронзовую фигурку медведя, укraшенную геометрическим орнаментом, изображение который он опубликовал в своем труде о финно-уграх. О точно такой же находке сообщил известный патриот Севера М.К. Сидоров, — в 1875 году на берегу Печоры, в устье ее притока Щугоры, был найден «Медный зверь (медведь)»³. На другом притоке Печоры, в устье речки Сопляс, был найден значительный клад старых медных «чудских образков», имевших вид птиц, медведей. К этим находкам принадлежала «полая» фигурка медведя с признаками человеческого лица на груди (около VIII в.) и массивная медная пряжка с изображением фигуры медведя из села Веслянского Яренского уезда, рисунки которых опубликованы в знаменитом атласе древностей И.Р. Аспелина. Участвовавший в научной экспедиции на Печору в 1904 году биолог Д.Д. Руднев (1879—1932) видел металлическую фигурку «пологого» медведя, найденную в Усть-Выми каким-то мальчиком, запросившим за нее баснословную сумму в 1000 рублей⁴.

Но особенно много литых бронзовых фигурок оленей, лосей, кабанов и особенно медведей ученые находили в Прикамье, северном Приуралье и Западной Сибири.

¹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени. — Табл.VI, 14.

² Спицын А.А. Шаманские изображения. — ЗОРСА. Т. VIII. Вып. 1. — СПб., 1906. — Рис. 375.

³ Сидоров М.К. Труды для ознакомления с Севером России. — 1882. — С.65

⁴ Спицын А. Древности Севера: Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губерний и области Кола. — Тотьма, 1926. — С. 9—11.

Образцом таких изображений, по словам Ф.А. Теплоухова, могла служить фигурка «ревущего медведя», найденная около с. Ильинское Пермского уезда. Она представляла собой пластинку из красной меди, до 9 см длиной, изображающую стоящего на дыбах медведя, с поднятыми передними лапами, разинутой пастью и задними лапами с вывороченными пятками наружу. На груди и на брюхе медведя были «намечены черты трех человеческих лиц»¹.

Своеобразное искусство создания предметов с изображениями животных и человека, по определению учёных, получило свое развитие в конце I тысячелетия до нашей и в начале нашей эры (VII в. до н.э. — XII в. н.э.) и было названо «пермским звериным стилем». Название это условно, его приняли первые исследователи (вторая половина XIX в.), т. к. многие подобные произведения были впервые найдены на территории древней Пермской земли, главным образом в бассейне Верхней Камы. Большинство произведений пермского звериного стиля обнаружено в могильниках и в местах, где совершались ритуальные и религиозные обряды.

Позже металлические предметы указанного стиля в значительном количестве были найдены на обширной территории Предуралья, к северу от Прикамья (реки Печора и Вычегда) вплоть до морского побережья, а также в Зауралье, на Оби и Иртыше, преимущественно по их левым притокам, текущим от Урала². В настоящее время, наряду с пермским звериным стилем, культовые изображения зверей, найденные на Печоре, Вычегде и за Уралом, отнесены к так называемому Печорскому и Обскому звериному стилю соответственно. Наиболее северные памятники аналогичного звериного стиля находятся на

¹ Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. II. — 1893. — С. 10—11

² Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. — М., 1975. — С. 3—6.

о. Вайгач и на Югорском полуострове¹. Кроме того, в 30-е годы прошлого столетия Е.А. Рыдзевская в своей статье о тотемизме у древних скандинавов говорила о существовании еще одного, «так называемого германского звериного стиля, достигшего пышного расцвета в скандинавском орнаменте» и сетовала на то, что указанный стиль является «богатейшим, до сих пор еще не разработанным источником для выявления пережитков тотемических представлений»².

Кстати, почти все исследователиpermского звериного стиля указывали на тотемическую природу происхождения его образов, но конкретных исследований в этом плане, сожалению констатировала еще в 70-е годы прошлого столетия исследовательница этого стиля Л.С. Грибова, пока немного.

В 2000 г. вышел интересный сборник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, посвященный рассматриваемому нами вопросу, в частности, роли медведя в древних и современных культурах народов Севера и Сибири. Обсуждаются в сборнике проблемы семантики (т. е. смыслового содержания) звериного стиля.

Исследователи изучили развитие основных сюжетов permского звериного стиля на протяжении I — начала II тыс. н. э. и оказалось, что большинство из них генетически связано с сюжетами предшествующих эпох (раннего железа, эпохи бронзы и даже неолита). Наиболее богатым и разнообразным считается комплекс вещей VI—VII веков. Это время исследователи назвали «золотым веком» permского звериного стиля. Первая четверть II тыс. стала

¹ Белавин А.М. Об этнической принадлежности permского средневекового звериного стиля // Труды КАЭЭ ПГПУ — ПГПУ, 2001.

² Рыдзевская Е.А. Литература по вопросу о пережитках тотемизма у древних скандинавов // Советская этнография, №3, 1936, с. 354.

временем заката своеобразного искусства металлической пластики. Более того, ученые собрали обширный материал, указывающий на сохранение тотемических представлений в верованиях финно-угорских народов, населявших эти места, вплоть до XX века. Это и многочисленные легенды о превращениях человека в зверей и птиц, и почитание определенных видов животных, в первую очередь, медведей, и связанные с ними обычаи табуации (запрета) убийства этих животных, и праздники тотемных животных и т. д. Опираясь на эти материалы Л.С. Грибова пришла к очень важному выводу, что предметы пермского звериного стиля являлись символами древних родовых групп, в которые входили и люди, и «выбранные» ими тотемные животные¹.

Как указывалось, ареал распространения предметов пермского звериного стиля очень широк, от западной Сибири до Прикамья, захватывая северное Приуралье и морское побережье. Изделия в этом стиле выполнялись древними умельцами не только в бронзовом литье, но и в резьбе по дереву и кости, в рисунках-гравировках на металлических и костяных предметах. Основной сюжетной линией являлось изображение различных животных и птиц, среди которых преобладали медведи, лоси, пушные звери (бобр), кони, лебеди, утки, змеи. Наиболее оригинальными считаются плоские и объемные металлические бляхи со сложными композициями, так называемые *сульде*, сочетающие признаки человека и животного, — человеко-лось, человеко-медведь, человеко-птица, а также группы антропо- и зооморфных образов и дру-

¹ Ильина И.В. Стиль и семантика пермского звериного стиля // Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. — Сыктывкар, 1994. — С. 225—234

гие изображения. Среди них особенно интересны находки, связанные с проявлением культа медведя, из таежной полосы Приобья и Верхнего Прикамья.

Бляхи с изображением медведей, найденные в Верхнем и Среднем Приобье, исследователи разделили на две группы: первая — профильные, с шагающим зверем. Вторая — с головами медведя, лежащими на передних лапах.

Бляхи с изображением шагающего медведя найдены чуть севернее Новосибирска и относятся к VI—VII векам н. э. На них туловище медведя сплошь покрыто изображениями голов какого-то животного, задние лапы покрыты изображениями птиц. Одна из блях полностью покрыта головами лося. Некоторые из них имели в верхней части петельки для подвешивания изделия. Что характерно, бляхи с изображением шагающего медведя, по мнению ученых, встречаются только в Приобье¹.

Вторая группа бронзовых блях с головами медведя, лежащими на передних лапах, получила название — *медведь в жертвенной позе*. На целой серии бляшек изображены три головы медведя, лежащих на передних лапах или между ними. Этот тип изображений известен на широкой территории от Прикамья до Западной Сибири включительно.

С чем это связано? Название *жертвенная поза* получено из этнографических описаний. По свидетельству Н.Л. Гондатти (1888), еще в конце XIX века на северо-западе Сибири совершались обряды, связанные с культом медведя. С убитого зверя снимали шкуру вместе с головой и лапами, приносили в дом, клали на стол в переднем углу так, что морда покоилась между лап, и испол-

¹ Троицкая Т.Н. Культ медведя в Верхнем и Нижнем Приобье в первом тысячелетии н. э. // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири — Н.: РАН СОИАЭ, 2000.

няли перед ним песни и пляски¹. Другой исследователь древностей Сибири Н.М. Ядренцев (1890) сообщал, что *вогулы* приносили в жертву трех медведей и в *кумирне* (языческое капище) на стол клали в один ряд их шкуры с головами и лапами².

По материалам могильников, в которых найдены бляхи с тремя головами медведей с вертикальным или горизонтальным их расположением, ученым удалось установить период их изготовления: VI—VII век н. э. Такие бляхи найдены в Прикамье, на Ямале, а также при реках Иртыш и Обь. Сибирская исследовательница Т.Н. Троицкая сделала вывод, что в Верхнем и Среднем Приобье, где были распространены пластины с изображениями шагающего медведя, в V—VII веках существовало свое локальное проявление медвежьего культа. Одновременно с этим на широкой территории Западной Сибири, Урала, а мы добавили бы сюда Прикамье и некоторые северные районы, например, полуостров Ямал, существовал единый культ медведя, нашедший свое отражение в пластинах с тремя головами животного. Причем в какой-то своей части он допускал определенные разнотечения, о чем говорят пластины с горизонтальным и вертикальным расположением голов, а какое-то проявление этого культа было строго канонизировано. А за этими находками стояли определенные верования, мифы, сказания. В заключение Т.Н. Троицкая резонно задается вопросом: если на широкой территории существовал культ с его строгой канониза-

¹ Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды русского географического общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — М., 1888. — С. 43—69.

² Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири, №1, СПб., 1890.

цией, то не смог ли существовать центр такого культа?¹ Очень интересный вопрос, на который, конечно, сложно сейчас ответить.

По сообщению А.В. Бауло, в 80—90-е годы прошлого столетия, на территории обитания древних обских угров в Нижнем Приобье (Тюменская область), в действующих домашних святилищах хантов и манси участниками этнографических экспедиций было сделано несколько крупных находок бронзовых изделий эпохи средневековья². Конечно, такие находки оказались неожиданными для современных этнографов. Все же чаще древнюю бронзу находили в береговых обвалах или на местах древних поселений, святилищ, в могильниках. Вероятно, этим образцам средневекового бронзового литья удалось сохраниться благодаря тому, что местное население передавало их из поколения в поколение, а в годы Советской власти прятало «святые» атрибуты в тайге и болотах.

Например, бронзовая полая фигурка медведя (размером 6,5 x 4 см) была найдена в 1998 году в п. Тугияны (р. Обь). Находилась она в доме внутри «святого» сундука в свертке из нескольких узких длинных лент светлой материи. В мифологии обских угров медведь являлся одним из крупнейших божеств. Практически любое объемное изображение медведя, будь то русская игрушка или даже стеклянная винная бутылка в виде животного, воспринималось хантами и манси в качестве облика этого духа-покровителя и попадало в состав культовой атрибутики. Проезжавший через Сибирь в Пекин в 1692 году глава русского посольства Избрант Идес описал случай, когда

¹ Троицкая Т.Н. Культ медведя в Верхнем и Нижнем Приобье в первом тысячелетии н. э. // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири — Н.: РАН СОИАЭ, 2000.

² Бауло А.Б. Древняя бронза из святилищ обских угров (новые находки) // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_top/encyc12/.

к ним на судно пришли остыаки и увидели медведя — игрушку с заводным механизмом. Когда ее завели, остыаки совершили обычные для верующих обряды и просили продать медведя, чтобы сделать из него «шайтана»¹.

В середине XIX века М.А. Кастрен отмечал, что те же остыаки, живущие по Иртышу, «подобно многим финским народам, ... питают священное уважение к медведю и величают его «прекрасным зверем», «косматым дедушкой». Еще он упомянул о том, что у него хранится «медный медведь, бывший некогда у остыаков великим, чудодейственным богом». Каждого убитого медведя они чествуют пиршеством, поют, пляшут, пьют пиво (брагу) и совершают разные старинные обряды, которые переняли у финнов и лопарей².

В тех местах была найдена и пряжка с изображением медведя с двумя зайцами. По определению ученых, она была отлита в X—XI веках в таежном Приобье. Как уже известно, эта характерная «жертвенная» поза медведя с головой, лежащей на лапах, издавна применялась на культовых пластинах еще со времен V—VII веков, только здесь она использовалась для оформления поясных застежек и у местного коренного населения — манси сохранила одно из названий медведя — «застежечный зверь»³. Пряжка была найдена в составе вещей умершего шамана. В свое время она служила в качестве оберега охотника на его поясе и, не исключено, предполагала ношение

¹ Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). — М.: Главная редакция восточной литературы издательства, 1967. — С. 94.

² Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849) // Магазин землеведения и путешествий. — М., 1860. — Т. VI, ч. II. — С. 436.

³ Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА, № 35, 1953, с. 221—241.

этого медвежьего образа с магической целью обеспечить удачу охотнику¹.

К такому же роду находок, наверное, нужно отнести и бронзовую эполетообразную застежку с изображением медведя, найденную ненцами на северной оконечности полуострова Ямал и переданную в 1928 году археологу В.Н. Чернецову, когда он там находился в научной экспедиции².

В костицах на территории бывшей Перми Великой, как уже упоминалось, находили изображения медведей разных типов: и лежащих, и сидящих и стоящих на задних лапах. Прорезные профильные фигурки бурого мишки обнаружены учеными близ селений Подбобыка, Федорово, Гусево, Фиалатово, близ поселков Ильинский, Добрянка, Кын. Обилие находок фигурок медведя в этих краях говорит об особенном почитании медведя *permьяками*, недаром на гербе Пермской области изображен этот уважаемый с древних времен зверь.

Звериный стиль просуществовал несколько веков, пока не началось его угасание. По мнению ученых, Печорский звериный стиль процветал в VI—IX веках, а окончательно исчез в X столетии; пик пермского стиля приходится на период VIII—XI веков, его использование прекратилось в XII веке. После этого начался расцвет Западносибирского звериного стиля, который продолжался до XIII столетия. Самым стойким оказался Обский стиль, который продолжал существовать, претерпевая при этом ряд изменений, вплоть до XVIII—XIX веков; угорское население все это время использовало предметы, выполненные в зверином стиле³.

¹ Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 192.

² Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Советская этнография, №4—5, 1935.

³ Белавин А.М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // Труды КАЭЭ ПГПУ. — ПГПУ, 2001.

* * *

Большинство исследователей пермского звериного стиля сходятся во мнении, что его мотивы обусловлены только тотемизмом — древнейшей первоначальной формой религии. А так как медведь был у финно-угорских народов (как выяснится дальше, и не только у них) одним из древнейших и самых почитаемых тотемов, то он являлся одновременно и главным героем мифологии этих народностей. В этой связи уместно привести высказывание ученого Л. Леви-Брюля об огромной роли мифов в жизни древних людей: «*Мифы составляют, говоря буквально, наиболее драгоценное сокровище племен. Они относятся к самой сердцевине того, что племя почитает как святыню. Наиболее важные мифы известны лишь старикам, которые ревниво оберегают их тайну... Старые хранители этих тайных знаний сидят в селении, немы, как сфинксы, и решают, в какой мере они могут доверить знания предков молодому поколению*»¹.

Вероятно, благодаря вот таким сведениям, передаваемым из поколения в поколение древними стариками-мудрецами, этими хранителями племенных и родовых тайн, до наших дней все же дошли известия, правда, облаченные уже в мифологическую форму, о том почетном и важном значении медведя, которое он играл в жизни племен, населявших северную часть Европы и Азии многие тысячи лет назад.

Так, в древней религии *венесов*, кстати, народности известной еще со времен арабских путешественников под именем *вису* и нашей летописной *веси*, медведь занимал

¹ Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. — П.: Карелия, 1983. — С. 171.

особое место. Они почитали этого зверя, называя его своим первопредком и царем всех зверей. По сообщению известного путешественника и этнографа, академика Петербургской Академии Наук И.И. Георги (1729—1802), финны северные и особенно северо-восточные уважали медведей и думали, что душа у них такая же, как у людей и также бессмертна¹. В магических песнях финских народностей говорится, что медведь родился на небе.

Медведь пользовался у лопарей (*саамов*) большим поклонением, свидетельствовал Кастрен после путешествия в Лапландию, почему и погребения его совершались обыкновенно со множеством обрядов². У другого северного народа — остыков — до начала прошлого столетия еще было живо верование, что медведь — это человек и что медвежья шкура только покров, под которым скрывается существо, имеющее человеческий вид, одаренное божеской силой и мудростью³. Остыки не только допускали в медведе человеческий ум и совесть, но и приписывали ему «высший ум», говоря: «Медведь все знает»⁴.

В мифах нанайцев, орочей, ульчей люди-медведи называются *Дуэнте* и являются духами — хозяевами тайги. Дуэнте представлялся в виде старика или огромного медведя. У них считалось, что происхождение медвежьего рода ведется от брака первого медведя с женщиной. Согласно мифам, младший брат женщины, вышедшей замуж за Дуэнте, убил его, а затем и сестру, которая заве-

¹ Георги И.И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч.1. — Изд. Миллера, 1876. — С. 12.

² Этнографические наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах в 1834—1844 гг. // Этнографический сборник РГО. Вып. IV. — 1858. — С. 250

³ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС). №20. — 1910. — С. 55—56.

⁴ Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири, №1, СПб., 1890.

щала брату воспитание медвежат, а также правила медвежьего праздника.

В обско-угрской культуре именно медведь, который, как известно, является одной из самых значимых фигур в мировоззрении сибирских угров, среди всех животных отождествлялся с человеком, почему, вероятно, так широко был распространён его культ. Ему отводится в фольклоре северных народов роль первопредка, хранителя клятвы. Особенно широко бытовали среди них так называемые *медвежьи* песни, исполняемые во время проведения медвежьих праздников. Отношение к *медвежьим* песням было чрезвычайно серьезным — женщинам и молодым мужчинам петь, а в особых случаях и слушать их запрещалось. Так, например, у народа манси в «Медвежьей песне о сыне женщины Мось» говорилось о мальчике, нарушившем ряд запретов, в результате чего тот стал медведем. И когда мать пытается обнять своего непослушного сына-медведя, тот в образе священного зверя проводит когтями «поперек следа своего» священную символическую черту, обещая при этом изорвать мать на куски¹.

В этой песне содержится глубокий смысл. По тотемическим представлениям когда-то манси принадлежали к нескольким фратриям. Из мансиjsкой мифологии известно, что герой местных преданий Консыг-ойка или Когтистый старик, — медведь — является предком фратрии Пор (Пёр). Более древний образ тотемного предка (относится к эпохе материнско-родового строя) — это медведица, которая родила первую женщину Пор. После чего была убита охотниками, которые взяли девочку с собой. Предвидя свою гибель, мать заповедала образы почитания медведя, который стал покровителем людей фратрии

¹ Люцидарская А.А. Медвежьи песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири — Н.: РАН СОИАЭ, 2000.

Пор¹. В этой *медвежьей* песне говорится о противостоянии фратрии Пор, предком которого является медведь, и другой мансиjsкой фратрии Мось, к которой в контексте данного мифа принадлежала мать мальчика, ставшего медведем². Как увидим дальше, схожие сюжеты имеются в мифологии других народов, в частности и в русских народных сказках.

В духовной культуре хантов, как и у манси, культ медведя также имел большое значение. Медведь, по преданию хантов, являлся подобием человека, его предком, предком-родственником, поэтому именовался младшим братом человека. В мифологии этих народностей медведь — посредник между Верхним (небо), Средним (земля) и Нижним (преисподня) мирами. Согласно хантыйскому мифу, он был спущен с неба в золотой колыбели его отцом, небесным богом Торумом. За нарушение отцовской заповеди — не нападать на людей и не разорять их селения, он был наказан — оставлен на земле. По другой версии, медведь прежде был богатырем, но потом покрылся шерстью оттого, что голым перелез через мшистую лесину³. Регулярно проводимый *медвежий праздник* почитания этого зверя у хантов обычно приурочивался к зимнему солнцестоянию и весеннему равноденствию или проводился по случаю добычи медведя на охоте, что происходило очень редко.

У остяков существовали подобные мифы о Верхнем, Среднем мире, о пришествии медведя — предка их народа

¹ Мифологический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 672.

² Люцидарская А.А. Медвежьи песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири — Н.: РАН СОИАЭ, 2000.

³ Головнев А. Когтистый старик // <http://www.neelov.ru/2/2004/08/10/1347>

с неба и его смерти. В одном мифе говорится, как убитый медведь после совершения над ним всех похоронных ритуалов «по дорогому концу железной цепи поднялся на верх», на небо, к своему отцу «мужу семизвездного неба»¹. В мансийском предании «Маленькая Мось-нэ — дочь медведицы» сюжет очень похож — после своей смерти медведица и медвежонок превращаются в звезды: «Теперь их души там засветились, на небе»². Думаем, нетрудно догадаться, что речь здесь идет о созвездиях Большая и Малая Медведицах — символах северного неба.

Самое интересное, что в мифологии сибирских народов образ медведя имеет особый отпечаток, объединяющий его с образом скованного цепями Прометея — героя божественного греческого пантеона, а также с образом космического стрелка — сына неба, распятого или прикованного в средоточии мира, где сходятся линии всех четырех стран света. Например, у бурят существует поверье о самой высокой горе на Ольхоне, Ижимей, на которой находится бессмертный медведь в цепях, и на которую никто не осмеливается взойти³.

* * *

Здесь будет уместным, на наш взгляд, сравнить предания северных народов с античными мифами Греции и других стран.

¹ Мифы, предания, сказки хантов и манси. — М.: Наука, 1990. — С. 80—83.

² Мифы, предания, сказки хантов и манси. — М.: Наука, 1990. — С. 331.

³ Окладников А.П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири // Советская археология, XIV, 1950, с. 17.

В греческой традиции медведь является культовым животным богини охоты Артемиды. В Аттике жрицы Артемиды во время исполнения ритуальных танцев облачались в медвежьи шкуры и назывались медведицами. По сообщению афинского грамматика Аполлодора (II в. до н. э.), спутница Артемиды нимфа Каллисто, носившая точно такой же наряд, как ее кумир, поклялась богине навсегда остаться девушкой. Но обманным путем была совращена влюбленным в нее Зевсом, принявшим облик Артемиды. Чтобы скрыть это от своей жены Геры, Зевс превратил Каллисто в медведицу, но обиженная Артемида убила ее стрелой, как дикого зверя. После гибели Каллисто Зевс унес ее сына, назвав его Аркадом (Аркасом), в город Аркадию (Apollodor, III, 8)¹. По другой версии, как поведал об этом в своих «Метаморфозах» римский поэт Овидий (43 до н.э. — 18 н.э.), став охотником, Аркад едва не убил свою мать, приняв ее задискую медведицу (Ovid, Met, II, 496). Чтобы не допустить этого, писал во II веке другой древнегреческий сочинитель, Павсаний, Зевс превратил Аркада и Каллисто в созвездия — Большую и Малую Медведицы (Paus, VIII, 3)².

Кстати, название города Аркадия происходит от древнегреческого слова *аркадес*, что значит *медвежий народ*, и древние жители этого города — *аркадийцы* — утверждали, что являются потомками Аркаса (сына Каллисто), божества земли, имя которого переводится как «медведь». Автор бессмертной «Илиады» и «Одиссеи» слепой грек Гомер считал, что в осаде Трои принимали участие многие аркадийцы; другие древнегреческие писатели также сообщали о каком-то племени, пришедшем из Аркадии. Также известно, что в этих местах медведь раньше счи-

¹ Аполлодор. Мифологическая библиотека. — М.: АСТ-Астрель, 2004. — С. 92.

² Мифологический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1991. — С. 59.

тался священным животным и был предметом таинственного культа и ритуальных жертв. Подобное же положение занимал медведь и у *сикамбров-франков*, предков знаменитой династии королей Меровингов, правивших во Франском государстве (конец V в. н.э. — 751 г.). Как и древние аркадийцы, они поклонялись ему в виде Артемиды, а точнее, ее галльской сестры Ардуины, божества Ардени (продолжение Рейнских гор), кульп которой существовал задолго до средних веков. Особые тотемические и магические силы, признаваемые за медведем в этих меровингских Арденнах, вполне объясняют то, что имя *Урсус* (*Ursus*) — «медведь» по-латыни — было дано всей этой королевской династии¹. Самое интересное, что на языке древних кельтов, слово «медведь» произносится *арт* (*arth*), откуда происходят слова *Арктика* и *арктический*, т.е. *северный*, а как мы знаем, созвездия Медведиц находятся именно в северной части небосклона. Более того, от кельтского слова *арт* произошло, вероятно, и имя знаменитого короля Артура, современника Меровингов.

Кельты — один из самых загадочных народов в европейской истории. Кстати, античные писатели отождествляли их с *гиперборейцами*, мифическим народом, населявшим таинственную Гипербoreю. А эта область располагались, как известно, на далеком Севере. Значит, кельты — народ воинов и магов, друидов-жрецов, — были выходцами из северных земель. Они остались великой загадкой для исследователей и до сих пор являются предметом острых научных споров.

Изучению кельтов посвятила всю свою научную жизнь профессор исторического факультета СПбГУ Н.С. Широ-

¹ Баджент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная кровь и Священный Грааль / Перев. О.Фадиной. — Лондон, 1982.

кова, результатом такой работы стал интереснейший научный труд под названием «Культура кельтов и нордическая традиция античности». Эта книга ценна еще тем, что в ней даются ссылки на труды ранее неизвестных да и просто недоступных рядовому исследователю зарубежных писателей и ученых. На отдельных моментах книги уважаемого профессора хотели бы остановиться, ибо в ее содержании можно найти некоторые ответы на поднятый нами вопрос¹.

Как удалось выяснить Н.С. Широковой, среди анималистических (от латинского *animal* — животное) образов, часто встречающихся в религии и мифологии кельтов, имеются два, которые сразу выводят кельтскую традицию на одно из первых мест у истоков изначальной культурной традиции всего человечества. Это — вепрь (кабан) и медведь.

Ряд археологических находок, сделанных зарубежными учеными, позволил им прийти к выводу, что кельты почитали вепря (кабана). Поэтому с определенной долей уверенности можно говорить, что вепрь являлся тотемным животным кельтов. Примером служит, например, найденная во Франции в местечке Эффини известняковая фигурка бога с изображением вепря на груди (I в. до н.э.). К этому же периоду времени относится бесчисленное количество кабаньих фигурок, исполненных в виде небольших бронзовых статуэток. В средней Европе, и особенно часто в Чехии, на рубеже II—I вв. до н. э. появлялись золотые монеты с изображением кабана. На клеймах мечей, найденных в Швейцарии, часто встречаются изображения вепрей, их же изображения украшали боевые штандарты (знамена) кельтов².

¹ Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности — СПб.: Евразия, 2000. — С. 224—237.

² Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие — Прага, 1961. — С. 133, 156—157, 177.

На территории Испании и Северной Португалии находят большие, вытесанные из камня скульптурные изображения кабанов, выполненные кельтскими мастерами¹.

В древней Ирландии вепрь (кабан) и свинья считались священными животными. Одновременно свинья часто появляется в ирландских рассказах и в качестве сакральной жертвы, которая в ритуальных целях ежегодно осенью забивалась. К числу характерных ирландских мифологических сюжетов относится охота на вепря. Так в валлийской сказке о «Кулхвче и Олвен» одним из фантастических персонажей является чудесный вепрь Тврч Тривхт, помогающий главному герою сказки жениться на дочери великана — прекрасной девушке Олвен. Для этого Кулхвч должен выполнить ряд поручений великана, в этом ему помогает даже король Артур со своими воинами. Имя Тврч Тривхт этимологически соответствует ирландскому Тогс, которое можно понимать одновременно как *верховный вепрь* и как *верховный правитель, вождь*. Кстати, кельтские друиды-жрецы сами называли себя *вепрями*.

Изучая культуру этого древнего народа, Н.С. Широкова подметила еще один очень важный момент, — с образом вепря, или кабана, в кельтской религиозно-мифологической традиции тесно и неразрывно связан образ медведя. Например, в галло-римских надписях бог торговли и покровитель путешественников Меркурий имел эпитет либо Mossus (кабан), либо Artaios (медвежий). На галльском языке медведь, как отмечалось, назывался Artos (Artos), на древнеирландском — Apt (Art). Имя Artos содержится в названиях нескольких кельтских поселений. Наряду с медведем у кельтов почиталась также и

¹ Пауэлл Т. Кельты. Воины и маги. — М.: Центрополиграф, 2003. — С.168—169.

медведица (Artio). В качестве примера служит небольшая бронзовая скульптурная группа, найденная в окрестностях Берна (Швейцария), датируемая II—III в. н. э.

Скульптура изображает богиню Артио, сидящую перед огромным медведем с разинутой пастью. Рядом с женщиной стоит корзина с фруктами, вероятно, предназначенная для угощения почитаемого зверя. Трактовали ученые эту скульптурную группу по-разному; по одной версии, богиня Артио, будучи покровительницей медведей, была также покровительницей земного процветания и плодородия, разновидностью богини-Матери. Другие же, наоборот, считали, согласимся и мы с ними, что богиня Артио является богиней-медведицей. Здесь центральная роль отдается медведю, которого женщина лишь сопровождает.

Кроме того, в кельтской традиции медведь являлся царским (королевским) символом. Так одного из верховных королей Ирландии звали Арт (*медведь*). Как упоминалось, имя знаменитого короля Артура также происходит от имени Арт (*медведь*).

В цикле артуровских легенд нашло отражение символическое противостояние (борьба) медведя и вепря, где король Артур (*медведь*) постоянно охотится на чудесного вепря Тврч Тривхта, правда, охота так и не увенчалась успехом. Вероятно, здесь символически показана борьба двух кельтских фратрий или групп населения, тотемными животными которых были — у одних, более высокого сословия — медведь, у вторых, потерявших власть — кабан или вепрь.

Здесь уместно вспомнить знаменитого французского философа, писателя, обладавшего эзотерическими (тайными) знаниями, Рене Генона (1886—1951). Ему одному из немногих европейцев, наряду с Е.П. Блаватской (1831—1891), удалось проникнуть в восточные эзотерические

учения и получить реальное посвящение. Упоминание этих знаменитых фамилий вызовет, конечно, кислую мину и саркастическую улыбку у некоторых ученых. К сожалению, российскому читателю произведения этих двух великих людей стали известны только с середины 90-х годов. Думаю, не требуют особого представления книги «Разоблаченная Изида» и «Тайная доктрина» Е.П. Блаватской и ряд произведений и журнальных публикаций Р. Генона. В одном из них, «Великие символы священной науки», он показал глубокий и точный анализ символизма «медведя» и «вепря».

Так вот, Р. Генон отметил, что у кельтов вепрь и медведь символизировали, соответственно, представителей духовной и светской власти, т. е. две касты — *Друидов* и *Рыцарей*, тождественных, по крайней мере, изначально, по своим основным атрибутам, — индийским *Брахманам* и *Кшатриям*. По его мнению, указанная символика имеет чисто *гиперборейское* происхождение и является одной из примет связи кельтской традиции с изначальной Традицией Манvantary, которая пришла из Гипербореи — мифической страны, расположенной на Крайнем Севере, «за Бореем».

Прежде чем представить учение Генона, наверное, необходимо разъяснить те определения, которыми он оперирует. Во-первых, в своем произведении «Духовное владычество и мирская власть» (перевод А. Фоминой) философ дал следующее толкование главным кастам — представителям *духовных и светских сил*, а также другим понятиям. В различные исторические эпохи, пишет он, обнаруживаются следы часто встречающегося противостояния представителей двух сил — духовной и светской, каковые бы формы они не принимали в разные эпохи и разных странах. По индийскому учению, первоначально существовала одна *каста* (от латинского *castus* — «чистый»;

замкнутая, обособленная группа людей), которой было дано имя Хамса, что означало «очень высокий духовный уровень». Этот *высокий духовный уровень* всегда превосходил уровни всех *четырех* каст, появившихся позднее, между которыми и были распределены различные социальные функции.

Принцип разделения каст, сетует Генон, в отличие от Востока совершенно непонятный на Западе, основан на различии природных качеств разных людей, а незнание этого обстоятельства часто приводит к путанице и беспорядку. Именно это незнание привело к появлению теории «равенства», столь ценимой в западном мире, однако, убежден философ, в реальности не существует никакого равенства. На самом деле, по его мнению, каждый человек в силу своей собственной природы способен выполнять одни определенные функции и не пригоден к выполнению других. В обществе, построенном строго на традиционной основе, способности всех людей должны быть определены согласно четким правилам, а различные типы функций должны быть распределены согласно тщательно проведенной классификации «природных индивидуальностей», что позволило бы каждому занять предназначеннное ему место, а социальному порядку стать четким выражением иерархии. Именно такова, по убеждению Генона, основная причина существования каст.

К первой касте Брахманов принадлежали ученые, подвижники, жрецы; ко второй — Кшатриев — воины, управляющие, цари; к третьей касте Вашью — ремесленники, торговцы, земледельцы, лекари, артисты и другие, а к четвертой касте, под названием Шудры, принадлежали простые рабочие. Существовала и пятая каста, Чандалы, к которой относились люди с модным сейчас названием — асоциалы (т.е. обыкновенные «бомжи»), в Индии они назывались «неприкасаемыми».

Разделение на касты, далее продолжает он, с соответствующей дифференциацией социальных функций приводит в конечном счете к нарушению первоначального единства; именно таким образом происходит разделение двух властей — духовной и светской, которые представляют соответственно функции двух первых каст — касты Брахманов и касты Кшатриев.

Это разделение властей произошло в последней из четырех эпох за все существование человечества, которую индийская традиция называет Кали-Юга или «темный век», и которая соответствует нашему времени. Согласно этой традиции, сейчас идет шестое тысячелетие четвертого века Кали-Юги (длительность которого составляет 432 000 лет), начавшееся в пересчете на наше летосчисление в полночь с 17 на 18 февраля 3102 года до н.э. Манvantара, в свою очередь, означает соответствующий мировой период существования человечества (длительностью каждый 306 720 000 лет), которых может быть всего четырнадцать¹.

Именно в начале нашего «темного века», утверждает Генон, светская власть одержала верх над властью духовной. Однако первые восстания Кшатриев против власти Брахманов могут относиться и к более раннему периоду времени, чем начало этого века.

Вот это противостояние двух сил, это соперничество были представлены в кельтской культуре в образе битвы медведя и кабана, что соответствует символике гиперборейского происхождения, связанной с одной из наиболее древних, если не самой древней, уверен Генон, традиций человечества, с истинной первоначальной Примордиальной Традицией. Первозданная Традиция распалась затем

¹ Миологический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1991. — С. 343, 644.

на ряд отдельных традиционных форм, каждая со своей системой второстепенных наук: алхимией, астрологией, нумерологией и т.д. Все эти науки носят символический характер, т.е. они могут преподаваться только через определенные соответствующие символы.

По представлению Генона (статья «Атлантида и Гиперборея»), исток всех традиций является северным, «нордическим», а еще точнее полярным, поскольку именно это утверждают бессмертные Веды. Земля, где солнце вращается над горизонтом, не заходя за него, по его мнению, действительно должна располагаться либо рядом с полюсом, либо непосредственно на нем самом. Поэтому, согласно Генону, изначальным и высшим Сакральным центром, хранившим Примордиальную Традицию, была Ultima Thule, которая находилась в гиперборейских районах. Именно гиперборейская Туле было сакральным островом и его расположение, утверждал философ, изначально было полярным в самом буквальном смысле.

Затем, по прошествии лет, когда духовный первородный центр стал недоступен обычному человечеству, произошла замена *гиперборейской* традиции на *атлантическую*, зародившуюся в древней Атлантиде и имевшую собственный духовный центр (вспомним Платона). И кельтская традиция, считает Генон, может рассматриваться как одна из «точек соединения» традиции атлантической с традицией гиперборейской, являясь как бы буфером между ними. Говоря об этой «точке соединения» или «соприкосновения», Генон имел в виду в первую очередь друидизм.

С этой целью философ анализирует символизм образов вепря (кабана) и медведя. Вепрь (*varâha*) фигурирует в индуистской традиции как третий из десяти *аватар* (воплощений) Вишну — высшего божества в индийской мифологии, в нынешней Манvantаре. Более того, вепрь

фигурирует и во всей Кальпе, поэтому весь цикл проявления нашего мира обозначен в ней как (*Shwēta-varâha-Kalpa*) — «цикл белого вепря». *Кальпа* по индуистскому мифологическому исчислению равна «дню-и-ночи» главнейшего божества, творца мира Брахмы, которая продолжается 8 640 000 000 человеческих лет. Вот почему, уточняет Генон, полярная «священная земля», место пребывания изначального духовного центра этой Манvantary, названа также *Vârâhî* — «земля вепря».

Кроме того, отмечает Генон, именно здесь пребывала первичная духовная власть, поэтому представители такой власти отсюда получали также и символ *вепря*, как свой отличительный знак, а затем сохраняли его в продолжение времен. Вот почему друиды называли себя вепрями. Здесь можно усмотреть и намек на удаленность от внешнего мира, ибо вепрь всегда считался «отшельником».

Рассматривая название Варахи (*Vârâhî*) — «земля вепря», Генон делает особо важные замечания. По его мнению, т.к. Вишну является *солярным* или *солнечным* богом, поэтому, по аналогии, Варахи тождественна с «солнечной землей», которая есть еще одно наименование гиперборейской Тулы — изначального духовного центра. С другой стороны, корень *var* (*vâr*) индийского названия вепря в нордических языках встречается в форме *bor* (кабан по-английски — *boar*, по-немецки — *Eber*). Отсюда он делает вывод, что более точный перевод Варахи (*Vârâhî*) — Борея.

Генон абсолютно справедливо замечает, что в соответствии с обозначением, принятым когда-то греками, в основном все пользуются термином «Гипербorea». Хотя сам факт такого употребления свидетельствует о том, что греки, по меньшей мере, в эпоху «классицизма», утратили понимание изначального смысла данного названия. На самом деле, достаточно было бы использовать про-

сто слово «Борея» (по-гречески Борея — *север*, Гиперборея — *крайний север*), тем более, что это слово имеет эквивалент в санскрите Варахи (*Vârâhî*), которая переводится как «земля вепря». Следовательно, делает вывод Генон, вопреки возобладавшему с тех пор словоупотреблению надо называть изначальную Традицию не «гиперборейской», а просто «борейской», тем самым, утверждая ее безусловную связь с Бореей или «землей вепря».

Французский философ подметил еще одну особенность. Обратив внимание на «полярный» аспект вепря, Генон считает, что в древности кабан олицетворял северное созвездие, позже получившее название Большой Медведицы (оно имело еще много других имен и среди них — Весы, Плеяды). В этой перемене названий Генон видит знак того, что кельты очень точно символически изображали именно борьбу вепря и медведя, т.е. восстание представителей светской власти против превосходства власти духовной, причем эта борьба шла с переменным успехом на протяжении последующих исторических эпох. Вот почему, считает Генон, имя *бор* (*bor*) могло быть перенесено с вепря на медведя (по-английски — *bear*, по-немецки — *Bar*), а сама Борея — «земля вепря», могла вследствие этого в определенный момент стать «землей медведя». Это было время господства Кшатриев, которому, согласно индуистской традиции, положил конец Парашу-Рама — шестая аватара Вишну. Воплотившись в сына брахмана Джамадагии — Парашу-Раму, Вишну истребил множество Кшатриев и освободил от их тирании Брахманов¹.

Далее Генон отмечает, что в индуистской традиции самым распространенным именем Большой Медведицы является *Sapta-riksha*. Санскритское слово *рикша* (*riksha*), хотя правильней оно пишется, как *ṛkṣas*, означает *медведь*,

¹ Мифологический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1991. — С. 10.

на кельтском языке — это *art*, на греческом — *arktos*, на латинском — *ursus*. Кроме того, по его мнению, рикша (*riksha*) есть также, в самом общем значении, звезда, то есть в конечном счете — это *свет* (*archis*, образовано от корня *arch* или *ruch* — *блестать* или *освещать*). То есть существует близость в символиках между *медведем* и *светом*, и она не является исключением. Например, у кельтов и у греков *волк* (волк по-гречески — *lukos*, а свет — *luke*) соответствует солнечному богу Аполлону.

Большой интерес представляет тот факт, что медведь часто обозначается символически в женском аспекте, как это можно видеть в названии созвездий Большой и Малой Медведиц, и подобный символизм нисколько не противоречит тому, что он приписывается военной касте рыцарей-всадников. В начале и при нормальном ходе событий эта каста, считает Генон, играет «рецептивную» или «воспринимающую» роль, то есть женскую роль по отношению к касте друидов-жрецов, потому что именно от последней она получала не только знания о «тайной доктрине», но и также легитимацию своей собственной власти, которая предоставляется ей по «божественному праву». Затем, когда эта военная каста, нарушив субординацию, начинает претендовать на превосходство, то тут, по мнению Генона, ее преобладание сопровождается доминированием женских элементов в символизме традиционной формы. И часто, как следствие такого изменения, устанавливались женские формы жречества, как это было в случае друидов, у кельтов.

В заключение Генон добавляет, что оба эти символа, вепря и медведя, необязательно всегда находятся в оппозиции друг другу во взаимной борьбе. В иных случаях они могут олицетворять власть духовную и власть светскую в их нормальных и гармонических взаимоотношениях, как это можно видеть по легенде о Мерли-

не и Артуре. Мерлин — друид и вепрь Броселиандского леса — является другом и воспитателем короля Артура, чье имя происходит от имени медведя *art* (*art*). Следы этого единства можно обнаружить, считает Генон, в самом имени друидов — *dru-vid* означает «сила-мудрость», причем оба эти понятия олицетворялись дубом и омелой. Друиды были подлинными наследниками изначальной Традиции, и символ «борейский», символ вепря, является их достоянием.

Что же до рыцарей (воинов), подводит черту Генон, своим символом имеющих медведя (или медведицу), то специально для них предназначавшаяся часть Традиции включала элементы, происходящие из традиции атлантической. И это различие могло бы способствовать объяснению некоторых более или менее загадочных моментов последующей истории западных традиций.

Глава 2

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ У СКАНДИНАВСКИХ НАРОДОВ

В канун Великой Отечественной войны Е.А. Рыдзевская, великолепный знаток скандинавской письменности, по просьбе археолога Н.Н. Воронина (1903—1984), сделала интересную подборку древних саг, повествующих об особом, уважительном отношении к медведю у скандинавов¹.

В одной из них, под названием «Flórmanna saga», повествующей о событиях, происходящих в Гренландии в конце X века, рассказывается, как медведь проник в дом, напал на мальчика и был убит. Вождю Эйрику Рыжему все это очень не понравилось, но, как гласит сага, «некоторые люди говорили, что у Эйрика было в отношении этого медведя древнее суеверие (с оттенком почитания)». В другом известном скандинавском произведении «Старшая и Младшая Эдда» иногда передаются дурные предзнаменования в образе медведя, врывающегося в дом или разрушающего его; здесь также говорится о магических рунах, вырезанных на медвежьем когте. Это свидетельствует о том, что, вероятно, лапы медведя использовались у скандинавов для каких-то магических ритуалов.

Происхождение некоторых героев саг от медведя и женщины является весьма характерным, по выражению Н.Н. Воронина, «обломком медвежьего культа у северных

¹ Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Этногенез восточных славян. Т.1. — МИА СССР. — №6. — М.-Л., 1941.

народов». Таков рассказ «*Hrólfs saga*» о сыне норвежского конунга Ринга Бьорна, превращенного злой мачехой в медведя, и его жене Бере. Бьорн запрещает жене, в случае его смерти, есть медвежье мясо. Один из их сыновей, по имени Бодвар, носит прозвище *bjarki* — медвежонок и обладает способностью превращаться в медведя. Считается, что это переработка в сказочном духе предания о датском ярле в Нортумберленде при короле Кнуте Великом (995—1035) — Сиварде *Digri*, отец которого — *Bjgrn Berruson* — был сыном медведя и женщины.

Медвежий сын фигурирует также и в исландских сказках. По мнению немецкого ученого Л. Вайзера (1927), медведь, наряду с другим почитаемым животным — волком, являются наиболее яркими выразителями пережитков тотемизма у северных германских народов. Из области фольклора она отмечает интереснейший свадебный обычай, сохранившийся в Швеции: «убийство» человека, переодетого медведем, после чего все «пьют его кровь»¹.

Медвежья шкура у исландцев является определенным талисманом: по исландскому поверью родившийся на ней не будет страдать от холода, — так в «*Havardar saga isfirdings*» упоминается молодой исландец, обладающий *bjarnylr*, т. е. медвежьим теплом.

Борьба между людьми иногда передается в образе борьбы зверей. Так, в «*Svarfdoela saga*» при столкновении двух противников раб одного из них видит на поляне драку кабана с белым медведем (вспомним Р. Генона). В другой саге, повествующей о заселении Исландии в IX—X веках, изображается ссора двух исландцев, обладающих свойством *оборотничества* (превращаться в зверя и обратно), при этом некий «ясновидец» видит драку вышедших вечером из своих владений медведя и быка.

¹ Weiser L. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbunde. — 1927. — C.53.

О почитании медведя свидетельствуют находки в погребальных памятниках I тысячелетия Скандинавского полуострова и Готланда. По мнению Н.Н. Воронина, они с полной убедительностью свидетельствуют о распространении обычая положения вместе с покойником медвежьей лапы или шкуры с лапами. В ряде погребений с сожжением очень часто встречаются медвежьи когти.

Но наибольший интерес представляет раскопанный курган на острове Готланде в Балтийском море. Погребение в нем было связано с легендой, повествующей о магической силе медведя. Некий злой человек после своей смерти не давал покоя живым. Один кудесник взялся положить этому конец, и когда оживший мертвец появился, накинул на него медвежью шкуру. По другому варианту легенды, беспокойный покойник был вырыт из могилы и зарыт в другом месте, причем его покрыли медвежьей шкурой, положив заклятие — лежать ему столько лет, сколько волос на покрывшей его шкуре. Каменная насыпь (курган), о которой все это рассказывалось, была раскопана в 1920 году, причем в ней было обнаружено погребение с предметами I—II вв. н. э., а над скелетом и под ним были найдены медвежьи когти¹.

Находили глиняные медвежьи лапы в курганах с сожжением VII—IX вв. на Аландских островах и в смежной им части Скандинавского полуострова — Седерманланде². По мнению Н.Н. Воронина, позднее медвежья шкура стала заменяться подделками-амuletами в виде глиняных изображений лап этого зверя. В курганах как мужских, так и женских погребений, обычно лапа находилась или в погребальной урне, или рядом с ней, иногда она была положена отдельно на плоском камне.

¹ Hansson H. En grav och en tradition. Fornvännen. — 1923. — C. 225—229.

² Kivikoski E. Eisenzeitliche Tontatzen aus Åland. — ESA. — IX. — C. 380.

* * *

В скандинавских сагах упоминаются также загадочные местные богатыри — *берсерки*, обладавшие страшной силой, несокрушимой мощью и дикой отвагой. По толкованию некоторых исследователей, *Berserker* (*берсеркер*, *берсерк*) переводится как *медвежья шкура* или *в медвежьей шкуре*. Та же Л. Вайзер считала, что в этих интереснейших персонажах скандинавских произведений можно увидеть пережитки родовых объединений с их общим тотемом — *медведем*¹.

Упоминания о необычных воинах, богатырях, боевые качества которых выходили далеко за пределы человеческих возможностей, существуют в сказках, мифах, преданиях, былинах практически у всех народов. Вспомним и наших богатырей из русских народных сказок и былин. Однако одним из самых таинственных и загадочных персонажей прошлого является, конечно, скандинавский *берсерк*.

С древнейших времен «боевая раскраска» воинов имела, скажем «по-современному», свой имидж. Каждое племя воевало под символом какого-нибудь животного, являющегося их тотемным зверем, которому они поклонялись. В некоторых источниках упоминается о полном подражании воинов своему тотемному зверю, — от движений до его образа жизни. Оттуда, наверное, и пошли выражения «сильный как бык» или «храбрый как лев».

Примером подражания тотемному зверю, как своему боевому наставнику, служил существовавший в давние времена обряд посвящения — *инициация*, т.е. когда юноша вступал в ряды взрослых воинов, то он должен был

¹ Weiser L. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbunde. 1927. — С. 53.

продемонстрировать свои боевые умения, ловкость, мужество и храбрость. Одной из форм инициации служила схватка с тотемным зверем, завершавшаяся поеданием мяса культового животного и питьем его крови. Считалось, воину это должно было придать силу и ловкость, отвагу и ярость дикого зверя. Иначе говоря, победа над тотемным животным символизировала передачу юному воину самых ценных звериных качеств. В результате тотемное животное как бы не умирало, а воплощалось в этом ратнике. Вероятно, именно такими обрядами-посвящениями можно объяснить существование в древние времена каннибализма у некоторых племен.

А у скандинавских берсерков медвежий кульп играл основную роль. Вероятно, это отразилось в их повседневной одежде — наброшенной на голое тело медвежьей шкуре, почему собственно эти воины и получили такое название. Однако, как отмечают некоторые исследователи, правильней было бы назвать берсерка не просто человек-воин «в медвежьей шкуре», а как «некто в медвежьей шкуре, воплотившийся в медведя». Именно воплотившийся в медведя, а не просто одетый в его шкуру.

В более поздние времена термин *берсерк* стал синонимом слова *воин* или, скорее, *разбойник*, потому что под этим именем подразумевался такой воин, который был подвержен приступам бешенства, необузданной ярости. Причем во время боя берсерк мог прийти в такое исступление, что его сила увеличивалась многократно, он абсолютно не замечал физической боли, и, что самое страшное для своих и тем более для чужих воителей, берсерк часто совершенно не мог контролировать собственные действия. То есть если он «заводился», то могли пострадать и свои и чужие. Норвежские конунги предпочитали иметь в своих войсках таких бешеных воинов, но обыкновенные люди старались избегать общения с ними, посколь-

ку берсерк всегда представлял потенциальную опасность для окружающих, а справиться с ним было практически невозможно. Именно поэтому в мирное время, в промежутках между боевыми походами, берсерки жили отдельно от основного поселения на почтительном расстоянии, на огороженном высоким частоколом участке.

Берсерком мог стать не каждый, об их появлении сложно что-нибудь сказать. Некоторые считают, что эта редкая способность впадать в «звериную ярость» передавалась по наследству из поколения в поколение, ей невозможно было научиться. В одной из саг, например, говорится о человеке, имевшем 12 сыновей, и все они были берсерками: «У них было обычаем, находясь среди своих и почувствовав приближение ярости, сходить с корабля на берег и кидать там большие камни, выворачивать с корнем деревья, иначе в ярости они покалечили бы или убили родных и друзей».

Как один из способов достижения необходимого транса перед боем у них использовалось вино, галлюциногенные растения, в частности обыкновенный мухомор; не исключено, что уже в то время использовались и какие-то наркотические вещества, а иногда местными колдунами применялся гипноз.

«Сага об Инглингах» описывает, что в бою берсерки «рвались вперед без доспехов, грызли края щитов как бешеные собаки или волки, пуская пену изо рта, и были сильными словно медведи или быки. Они убивали врагов с одного удара, но ни огонь, ни железо не могли ранить их самих. Они нападали стаей с ужасными воплями и воем, как дикие звери, и никто не мог их остановить».

По словам сподвижника Рене Генона, последователя эзотерических учений Ганса Зиверса, практика ритуальной ненависти максимально полно сохранилась именно в «берсеркерстве». По его мнению, *берсеркеры*, так он их

называет, относятся к арийскому братству Кшатриев, касте воинов, о которых упоминалось выше, причем только к той ее части, которая знала секрет «боговселения в битве» или «Одино-вселения» (Один — главный бог и бог войны у скандинавов). В самом слове *берсерк*, считает Г. Зиверс, есть корень *ber*, обозначающий медведя в индоевропейских языках. Берсеркеры в момент поединка настолько напитывались священной яростью, что якобы могли трансформироваться в другое существо, в частности в медведя. А как нам уже известно, медведь (или медведица) являлся символом кшатрийской власти в целом. На физическом уровне он получал всю полноту воинской силы и так как становился неуязвимым для врагов, то разрушительную мощь его агрессии невозможно было остановить никакими человеческими усилиями. Берсерк, как бы превращаясь в медведя, одним своим диким видом подавлял разум противника и вселял в него ужас. Сохранилась летопись одного похода римлян на север, в которой упоминаются «варвары, одетые в шкуры медведя». Полтора десятка этих варваров в считанные минуты в буквальном смысле порвали на куски более сотни римских хорошо вооруженных и обученных легионеров. И когда берсерки покончили с ними — в непотушенной ярости бросились убивать друг друга.

Обычно берсерки умирали сами, потому что убить их в бою было невозможно. Смерть могла их настигнуть после битвы от обыкновенного нервного истощения (сердечного приступа), либо от потери крови (во время боя, в трансе, они не замечали ранений).

Г. Зиверс подметил эту интересную черту норвежских *берсеркеров*, — мирное время они больше всего проводили во сне, т.е. спали почти круглосуточно (кстати, вспомним зимнюю спячку медведей). Часто они погружались в сон так глубоко, что даже во время морских походов ви-

кингов, когда назревала критическая ситуация нападения противника, их приходилось будить с огромными усилиями. Но когда *берсеркера* все же удавалось разбудить (иногда лишь под конец сражения) его священный гнев был беспределен, и его вступление в битву, как правило, однозначно разрешало исход боя¹.

С закатом викингской эпохи воины-медведи становятся изгоями, начиная с XI века термин *берсерк*, наряду с другим — *викинг*, употребляется только в негативном смысле. Более того, с наступлением христианства этих человеко-зверей стали изображать как существ, одержимых бесовскими силами. В «Саге о Ватисдале» рассказывается, что прибывший в Исландию епископ Фридрек обнаружил там много берсерков. Они творят насилие и произвол, отнимают женщин и деньги, а если им отказывают, то обидчика убивают. Они лают подобно свирепым псам, грызут край щита, ходят босыми ногами по раскаленному кострищу, без попыток хоть как-то контролировать свое поведение — сейчас бы их назвали «беспредельщиками». По отношению к населению острова они стали настоящими изгоями. Поэтому по совету новоприбывшего епископа берсерков начали травить, как зверей, отпугивать огнем и забивать насмерть деревянными кольями (т. к. считалось, что «железо» не берет берсерков), а их тела сбрасывались в овраг без погребения. После XI столетия в сагах вы уже не найдете упоминания об этих удивительных людях-медведях.

¹ Зиверс Г. Метафизическое буйство арийского медведя // Элементы, №7, М., 2000.

Глава 3

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ У РУССКОГО НАРОДА

Путешествуя по северу в 1876 году, шведский географ и естествоиспытатель Г.Г. Сандберг обнаружил на правом берегу реки Золотицы большое количество кремневых изделий в виде «громовых стрелок», а также странные фигурки каких-то животных. Эти находки заставили Сандберга предположить, что на берегу Белого моря «было место производства каменных орудий, откуда они могли расходиться по всему северу России»¹.

Узнав об открытии шведского ученого, в 1877 году по заданию Комитета по устройству Антропологической выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии из Москвы на Север отправились учёные Н.К. Зенгер и А.И. Кельсиев. На неолитической стоянке у д. Нижняя Золотица на берегу Белого моря ими было обнаружено более пятидесяти экземпляров кремневых орудий — скребков, ножей, пилок, «громовых стрелок». Находок было так много, что местная ребятня их просто собирала шапками и приносила московским ученым.

Среди находок попадались очень редкие, любопытные экземпляры — это были изображения каких-то животных; особенно поразила учёных фигурка тюленя, которую, по словам Н.К. Зенгера, он приобрел у одного зо-

¹ Антропологическая выставка 1879 г. Вып. 2. — Отдел доисторический, II. — Отдел доисторических древностей. / Составлено Д.Н. Анушиным. — С.5.

лотицкого помора: «Так, самые лучшие экземпляры моей коллекции мне пришлось достать покупкой от золотицкого помора Леонтьева, встреченного мною на Каменном ручье, где он промышлял семгу. Он уступил мне несколько «громовых стрелок» и так называемую им «рыбку». Эта рыбка, найденная им тут же на золотицком берегу, — фигура обтесанного кремня действительно представляет явственную форму рыбы или, даже вернее, тюленя с головой, парой конечностей вместо хвоста... Найденный кремневый тюлень, — совершенно справедливо замечает Н.К. Зенгер, — насколько мне известно, есть первая итиса, нигде до сих пор не встречающаяся»¹.

Действительно, это было изображение тюленя, мы сами в этом убедились, когда побывали в Историческом музее в Москве, где данная кремневая поделка находится сейчас на стенде, посвященном неолиту.

Кремневые изделия неолитического человека, собранные Зенгером и Кельсиевым, вместе с пожертвованной коллекцией Сандберга из 77 предметов, в 1879 году экспонировались на Антропологической выставке в Москве, имевшей оглушительный успех. С ними могли познакомиться как русские исследователи, так и ряд присутствующих гостей из-за рубежа, в числе которых были Г. де Мортилье, Э. Шантр, Г. Ванкель, И.Р. Аспелин и другие.

Кроме золотицких, на выставке экспонировались находки из других мест России: Тульской и Муромской губерний, Татарии. Среди них выделялись две кремневые фигурки сходного характера с одной из неолитических стоянок в окрестностях Казани, а также целая серия подобных изображений из обширной Волосовской стоянки близ Мурома.

¹ Зенгер Н.К. Поездка на Золотицкую фабрику доисторических орудий в Архангельской губернии. — М., 1877. — С.3—4.

С этими фигурками животных связана интересная история, о которой поведал советский археолог С.Н. Замятнин, собравший уникальный материал об миниатюрных кремневых находках эпохи неолита¹.

Оказывается, после выставки изображения большей части кремневых находок опубликовал граф А.С. Уваров в своем капитальном труде «Археология России». Однако неожиданно доверие и, как следствие, научный интерес к этим уникальным древним поделкам были подорваны не кем иным, как присутствовавшим на выставке в ранге почетного гостя господином де Мортилье. Как выяснилось, чуть позднее, в восьмидесятых годах, под Вероной были обнаружены сходные фигурки, и в рецензии на публикацию, посвященную этим находкам, де Мортилье категорически заявил, что русские кремневые находки, воспроизведенные Уваровым, поддельные. Необоснованные высказывания крупнейшего авторитета в археологии того времени не могли не оказать своего влияния. Интерес к уникальным российским находкам значительно упал, хотя позднее западноевропейские ученые подтвердили подлинность кремневых скульптур и упоминали в своих работах наши фигурки.

Стоит отметить, что после беломорских, волосовских и казанских кремневых (подчеркиваем, кремневых) зооморфных изображений, по свидетельству С.Н. Замятнина, было обнаружено незначительное число новых подобных находок. Он изучил географию около тридцати неолитических стоянок, где были обнаружены кремневые фигурки, и оказалось, что область их распространения охватывает всю северную половину европейской части России, от побережья Белого моря и Большеземельской тундры

¹ Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Севера-Восточной Европы // Советская археология, X, 1948.

на севере, до Волги (от верховьев до Казани) и среднего течения Оки и Суры — на юге и от Валдайской возвышенности до Камы. А в деревне Яреньге, расположенной на Летнем берегу Белого моря, почти одновременно с Зенгером археолог К.П. Рева обнаружил великолепную по технике, не уступающей золотицкой, кремневую фигурку медведя, точнее — его распластанное изображение. И на поселении неолитического человека Золотец I в низовьях реки Выг (Карелия) археологами найдена напоминающая предыдущие кремневая скульптурка медведя¹.

Очень похожие кремневые изображения распластанного то ли животного, то ли человека, археологи нашли и в других местах северо-запада России: на стоянках под Волосово и Панфилово Нижегородской (Горьковской) области, у озера Мстино и села Алексеевское Вышневолоцкого р-на, у сел Ферапонтово и Чаронда Вологодской области. Более грубые по обработке, но идентичные по сюжету фигурки отысканы в местечке Ибердус в верховьях Оки, в урочище Халамониха Ивановской области.

Все указанные кремневые скульптурки, по мнению С.Н. Замятнина, являются изображением человека. Однако, на наш взгляд, они представляют собой не человеческие изображения, а распластанные фигурки животного, вероятней всего, того же медведя. Они имеют небольшой размер, обычно длиной от 3 до 7,5 см, с тщательно закругленной головой и слабо выраженными конечностями. Посчитав их за изображения человека, Замятнин на одной фигурке разглядел даже груди и нашел, что перед ним древняя женская скульптурка.

Следующую группу кремневых поделок уважаемый археолог представил, как изображение «каких-то мифологических существ». Причем у одной из них, с Волосовской

¹ Археология Карелии. — Петрозаводск, 1996. — С. 183.

стоянки, по «приостренной голове, удлиненной сложным головным убором, возможно украшенным лунным символом» он нашел сходство с наскальным рисунком Пери-носа Онежского озера. По нашему мнению, здесь опять же изображены распластанные, правда, не все удачно обработанные, фигурки животного, не исключено медведя.

В группе кремневых изделий, названных Замятниным «символическими изображениями», привлекает внимание одна фигурка из стоянки близ деревни Дуденевой Калининской области. По характерному контуру и положению головы легко опознать изображение медведя с обращенной вверх рогами лунницы на спине. Совершенно идентичное изображение существует на камнях упомянутого Пери-носа Онежского озера.

Из всех памятников изобразительной деятельности нашего северного неолита, сделал заключение С.Н. Замятнин, эти миниатюрные скульптуры именно с петроглифами (наскальными рисунками) обнаруживают наиболее тесную связь. Сюжетная близость этих древних памятников связана с одним и тем же циклом обрядов, отправлением племенных культов, где указанные кремневые фигурки и петроглифы занимали одно из центральных мест.

Ученый подметил еще один важный момент: не случайным является само обстоятельство изготовления изображений именно из кремня (равно, как и выбивание их на камне). Кремень в ту эпоху все более терял свою исключительную роль как основной материал для изготовления орудий, т. к., когда кремневые фигурки изготавливались на Севере, южнее уже широко внедрялись медные и позднее бронзовые подобные изделия. Несмотря на это, кремень долгое время продолжал использоваться в области культа и, сохранившись как пережиток, прочно удер-

живал здесь свое значение, чем и было вызвано появление кремневых скульптур.

Ту же мысль подчеркнул исследователь золотицких древностей А.Л. Маслов, побывавший на Зимнем берегу Белого моря в 1901 году, «перед нами налицо влияние именно Волжско-Камского культурного очага, который изобиловал многочисленными подобного рода находками, но только там они были металлические. Эти фигурки, литые из бронзы, были выразителями религиозных воззрений, пережитками которых являются <...> культ медведя у остяков. Появление таких фетишей, сделанных из кремня, в период исключительного пользования каменными орудиями, свидетельствует, прежде всего, о ритуале и о существовании уже религиозных, хотя, быть может, и примитивных понятий»¹.

Время бытования кремневых скульптур — это время позднего неолита и энеолита, именно тогда, продолжил С.Н. Замятнин, возникло широко распространенное представление о боге-громовнике и его каменных стрелах-перунах или «громовых стрелках» (а позднее каменных молотах).

Названия кремневых фигурок «громовыми стрелками» (стрелами-перунами), вероятно, можно объяснить тем обстоятельством, что значительная часть рассмотренных изображений и по общим очертаниям, и по своим размерам (3—5 см), как справедливо заметил С.Н. Замятнин, подходит к наконечникам стрел. В этой связи, к словам ученого хотелось бы добавить одно замечание. Фигурки, определяемые им как изображения выдры или бобра, превратятся в тех же медведей, если у этих животных (предварительно перевернув фигурку на 180 градусов)

¹ Маслов М. К археологии Летнего и Зимнего берега Белого моря // ИАОИРС, №19, 1913..

сов), мысленно убрать хвостовую часть, с помощью которой, вероятно, фигурка зажималась в расщепленном конце деревянной стрелы.

* * *

Почитательное и уважительное отношение к медведю, а точнее, медвежий культ, существовал не только у финно-угорских, самодийских народов и скандинавов, но и у наших предков — славян и руси, причем у последних, он может, даже больше проявился. К сожалению, этот вопрос, по большому счету, никогда не подвергался тщательному изучению с привлечением соответствующих данных исторических, археологических, этнографических, искусствоведческих и прочих наук. А этих данных, кстати, накопилось много, причем, что очень важно, они имеют самое непосредственное отношение к нашей с вами отечественной истории — истории Руси и русского народа. Мы только прикоснемся к этому важнейшему вопросу, а точнее, постараемся продолжить тему, которую поднимал в 40-е годы прошлого столетия известный историк и археолог Н.Н. Воронин¹.

Но прежде чем рассказать об этом, вначале познакомим вас с любопытной легендой об основании города Ярославля. Эту легенду ученые обнаружили в старинной рукописи архиепископа ярославского Самуила, жившего в XVIII столетии. Он же, в свою очередь, разыскал старинный документ, оригинал которого не сохранился в Ярославском Спасском монастыре. Что интересно, там же

¹ Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Этногенез восточных славян. Т.1. — МИА СССР. — №6. — М.-Л., 1941.

была позднее обнаружена и знаменитая рукопись «Слово о полку Игореве».

Краткое содержание легенды, приведенной в «Сказании о построении города Ярославля», следующее. На берегу Волги и Которосли, среди лесов и пойм, находилось селище с характерным названием Медвежий угол, населенное язычниками. Они были искусными охотниками и рыболовами, занимались скотоводством, от которого главным образом и кормились. Почитали скота бога Велеса. Иногда позволяли себе разбойничать на Волге. А потом произошло их столкновение с князем Ярославом Мудрым (978—1054), вставшим на защиту проходящих по Волге купеческих караванов. Ярослав побеждает местных поселян, поучает их, как жить и «не творить обиды», предлагает им креститься. Однако жители Медвежьего угла остались верны своей религии, хотя и поклялись «жить в согласии» и платить дань.

Через некоторое время Ярослав приехал к ним за сбором дани и решил заодно окрестить их. Тогда против князя выпустили некоего «лютого зверя» и псов; князь убил «лютого зверя», который так и не назван по имени, а псы его не тронули. Убийство «зверя» произвело на жителей Медвежьего угла такое сильное впечатление, что они моментально пали ниц перед князем.

Ярослав упрекает их в нарушении клятвы — «служить мне, князю вашему» — и издевается над их богом Велесом, не сумевшим удержать своих поклонников от клятвопреступления; говорит, что он приехал сюда не для звериной потехи, а «с сотворить победу». Затем на том месте, где он бился со «зверем», Ярослав Мудрый закладывает строительство церкви Илии, в день которого он «победил хищного и лютого зверя» и строит город, населенный им христианами. Так около 1010 года на месте селища

Медвежий угол основался город Ярославль, названный по имени князя.

Вероятно, никто не будет оспаривать, что под «лютым и хищным зверем» надо понимать ни рысь, ни волка, ни кабана, а медведя, да и название селища говорит само за себя. То, что он не назван по имени, подчеркнул Н.Н. Воронин, весьма важно и указывает на его священное значение и характерный для населения запрет (табу) имени «медведь». Более того, тут видно, что легендой отмечается символическая борьба с языческим поклонением этому зверю, окончившаяся победой христианства. Отсюда напрашивается вывод, что в здешних местах с незапамятных времен существовал какой-то древний культ медведя.

Еще в начале прошлого столетия (в 1910 г.) И. Борщевский, автор книг о прошлом Ярославля, при разборе Самуилова «Сказания» уделил большое внимание пресловутому «зверю» и «Медвежьему углу». Он один из первых сделал предположение, что Медвежий угол был поселением какого-то племенного рода, имевшего своим тотемом медведя, ссылаясь при этом на находки глиняных изображений медвежьих лап в курганах села Михайловского, раскопанных ранее археологом И.А. Тихомировым, а также на герб княжества, представляющий медведя, стоящего на задних лапах и держащего на плече алебарду¹.

Чуть позднее такое же суждение о тотемизме медведя высказал в своей книге «Язычество и Древняя Русь» Е.В. Аничков, указав при этом на распространность медвежьего культа у славян и финнов и на существование аналогии ему у народов Сибири и Севера².

¹ Борщевский И. Ярославль в его прошлом и настоящем. — Ярославль, 1913. — С. 9.

² Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. — СПб., 1914. — С. 272—274.

На наличие медвежьего культа или почитание медведя в Поволжье, идущего с глубокой древности, как подчеркнул Н.Н. Воронин в одноименной статье, указывает совершенно бесспорно и местный археологический и этнографический материалы. В качестве примера приводятся описания находок, относящихся к так называемой, фатьяновской культуре (II тысячелетие до н. э.), основные памятники которой, как известно, сосредоточены именно в Ярославской области. К ним относятся, в первую очередь, Фатьяновский (открытый в 1873 году) и Великосельский могильники, а пределы распространения всех находок очерчиваются обширным районом Волжско-Обского междуречья и частично Шексны¹.

Среди костяных находок, подтверждающих существование медвежьего культа, выделяются два просверленных медвежьих зуба, обнаруженных в Фатьяновском могильнике, а также ожерелье из звериных зубов и костяные цилиндры — из Великосельского.

Граф А.С. Уваров (1825—1884), известный археолог, почетный член Петербургской АН и один из основателей Исторического музея в Москве в своем фундаментальном труде «Археология России» указал на ряд таких необычных находок из фатьяновских погребений. Он сообщает, что в одном из них на шее «костяка» (скелета) было ожерелье, состоящее сплошь из звериных зубов; отдельные зубы были покрыты орнаментом, имели просверленные отверстия и являлись клыками медведя, а другие принадлежали кабану, рыси, лисе².

В начале прошлого столетия были найдены ожерелья из зубов и трубчатых костей археологами Макаренко в

¹ Городцев В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Исторического музея за 1914 г. — М., 1916. — С. 126

² Уваров А.С. Археология России. Т. 1. — М., 1881. — С. 399, 408—409, Атлас, табл. II.

погребениях около села Троицкого на Волге и Виноградовым у Ивановой горы на реке Рузе¹.

Огромный вклад в изучение фатьяновской культуры внес Дмитрий Александрович Крайнов (1904—1998), известный археолог, доктор исторических наук, более 40 лет посвятивший исследованию Волго-Окского междуречья. С 1926 года он участвовал в археологических экспедициях под руководством В.А. Городцева на Севере и в центральной части России.

Помимо основной работы, Крайнов сумел окончить музыкальное училище и получить в 30-х годах звание оперного певца. У него сложилась очень трудная судьба. Во время войны попал в окружение и в плен, через два года был освобожден нашими, остался воевать на фронте, но в конце войны был несправедливо осужден (по «занемитой» 58 статье) и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых работ. После досрочного освобождения стал активным участником археологических экспедиций в Ярославской, Ивановской и Калининской областях, организованных Институтом археологии РАН. Почти до конца жизни участвовал в полевых исследовательских работах, под его руководством раскопками 1987—1993 годов вскрыто более 60 погребений неоэнолитического времени (III—II тыс. до н. э.).

Особенно интересна стоянка Сахтыш на Верхней Волге, где во многих погребениях были найдены останки медведей. Мужские захоронения обычно сопровождались украшениями из зубов медведя или волка с клыками и когтями бурого мишки. И располагались они иногда равномерно по всей длине костяка мужчины: на груди, вдоль ног и в области таза; иногда только в грудной клет-

¹ Макаренко Н. Поездка 1903 г. по верхнему течению Волги. — ИАК. Вып. 6 — С.83-84; Виноградов К.Я. Три этапа культуры у Ивановой горы. — М., 1929. — С. 16—25.

ке, один раз у левой бедренной кости. Все эти находки относились к волосовскому времени, т.е. около 2000—1800 лет до н.э¹. Позднее наряду с погребениями человека стали находить даже целые скелеты медведей.

Самыми массовыми находками из фатьяновских могильников были кремневые клиновидные и боевые каменные топоры, а также медные топоры в футлярах.

В 1972 году на стоянке близ с. Селище Калининской (Тверской) области, в 30 км от озера Селигер, был случайно найден каменный топор-молот с головой медведя на обухе, мастерское исполнение которого поставило его в один ряд с лучшими образцами древнейшей культуры. Незаурядные художественные способности первобытного мастера позволили создать ему удивительно живой образ могучего зверя².

Ближайшей аналогией этому топору-молоту, вероятно, можно считать также случайно обнаруженный на территории города Ростова топор с обухом в виде головы медведя, выполненный в высочайшей технике шлифовки и сверления, отнесенный учеными к образцам фатьяновской культуры бронзового века.

По этому поводу известный советский археолог Петр Николаевич Третьяков (1909—1976) заметил следующее: «Поражающая с первого взгляда стандартность инвентаря фатьяновских погребений, несомненно, свидетельствует о его ритуальном значении»³. Действительно, учеными отмечено, что существование медвежьего культа

¹ Погребения на стоянке Сахтыш IIa // www.elibrary.ru/books/alekseeva

² Студзицкая С.В. Фигурные топоры-молоты из новых поступлений государственного Исторического музея // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — Л.: Наука, 1983. — С. 130—131.

³ Третьяков П.Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Сборник «Из истории родового общества на территории СССР» — Изв. ГАИМК. Вып. 106. — С. 102.

проявляется у фатьяновских племен именно по древним находкам в Верхней Волге. И не исключено, что появление культа медведя у фатьяновцев явилось результатом соприкосновений с местным населением. Это, в первую очередь, относится к волосовским племенам, у которых культ медведя по археологическим данным четко зафиксирован учеными, о чем упоминалось выше¹.

К числу подобных находок, наверное, можно отнести сверленые каменные молоты, тыльная часть которых украшалась головой медведя, но только обнаруженных уже в Карелии. Здесь, как и в костяных и глиняных скульптурах, четко просматривается стремление древнего художника подчеркнуть те особенности зверя, которые выделяют именно этот вид из прочих представителей животного мира. Известному исследователю Севера Н.Н. Гуриной приходилось часто встречаться с подобными изделиями неолитического человека, и она утверждала, что эти изображения медведя повторяются на многих десятках каменных молотов эпохи неолита на весьма обширном пространстве северо-запада Европы — в Карелии и Финляндии². Это, несомненно, говорит о каком-то архаичном ритуальном почитании медведя.

Даже в советское время в Поволжье сохранились остатки этого древнего культа. По свидетельству большого знатока ярославского края С.Н. Передольского, при обследовании им в 30-х годах прошлого столетия района, примыкающего к знаменитому торфяному Берендееву болоту, он видел в лесу большое вырезанное из дерева изваяние медведя, обитое железными листами. Образ мед-

¹ Студзицкая С.В. Фигурные топоры-молоты из новых поступлений государственного Исторического музея // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — Л.: Наука, 1983. — С. 135.

² Гурина Н.Н. Мир глазами древнего художника в Карелии. — Л.: Наука, 1967. — С. 13.

ведя в очень архаических формах дожил в народном искусстве жителей Ленинградской области до наших дней: такова вырезанная в 20-х годах колхозником И. Рогушкиным деревянная статуэтка медведя, напоминающая архаизмом своих форм изображения медведя на бронзовых бляхах Пермского звериного стиля¹.

Помимо Поволжья медвежий культивируется почти на всей обширной территории северо-запада. Одним из первых, кто сообщил о его существовании на Новгородской земле, был юрист по образованию, а по призванию — историк, археолог, антрополог, краевед, знаменитый новгородский хранитель древностей Василий Степанович Передольский (1833—1907). Об этом человеке хотелось бы рассказать особо, т.к. он мало знаком не только широкому кругу читателей, но и даже специалистам, а его интереснейшая книга «Новгородские древности», вышедшая в Новгороде в 1898 году, никогда больше не переиздавалась, и ее очень сложно найти в провинциальных библиотеках.

Сын дьячка, родившийся 26 декабря 1833 года в Лужском уезде, Василий Степанович должен был стать священником, но какой-то экстраординарный случай заставил его бросить духовную семинарию и поступить в 1855 году на юридический факультет Петербургского университета, а по окончании поступить на государственную службу².

Опять же, как и В.Н. Татищев, молодой государственный чиновник в свободное от работы время и «на общественных началах», стал активно заниматься изучением древностей Новгородского края. Увлечение древ-

¹ Динцес Л., Большаева К. Народные художественные ремесла Ленинградской области // Советская этнография, №2, 1939, с. 13.

² Для подготовки главы использована статья «Василий Степанович Передольский» // Интернет.

ней историей началось еще в юности. Под руководством преподавателей новгородской гимназии, таких же страстных любителей старины, он облазил все подцерковья и чердаки, обнаруживая там старинные рукописи, грамоты, книги среди завалов хлама, которые должны были разбить монахи, но из-за своей лености и тупости они просто сжигали эти бесценные документы или бросали их на дно Волхова, чтобы не утруждать себя рытьем в каком-то «мусоре». Сколько тайн унесли с собой воды Волхова, да и других рек России! Такое отношение к своей истории коснулось не только новгородской земли — это беда всего русского народа.

Сразу вспомнился недавний телевизионный сюжет о том, как корреспондент местной газеты, находясь в глубинке Архангельской области, абсолютно случайно обнаружил часть уникальной рукописной книги начала XVIII века, которая служила у хозяйки деревенского дома... подставкой под сковороду или самовар. Низкий поклон ей, что хоть не сожгла.

Такое равнодушие к прошлому своей земли В.С. Передольский считал признаком грубоcти и необразованности у любого народа. Его беспокоила судьба рукописей и древних фресок, построек Детинца и Ярославова дворища, земляных укреплений города.

Потом появился интерес к археологии. Прежде чем серьезно заняться этим ответственным делом, В.С. Передольский побывал во Франции, Германии, Англии, где перенимал опыт и приобретал знания по археологии и антропологии. По возвращении на родину он принял решение оставить службу в Министерстве внутренних дел и посвятить себя изучению и коллекционированию древностей.

Поначалу специальных археологических раскопок Передольский не производил, потихоньку копался в канавах, колодцах, на строительных площадках, покупал без раз-

бору у населения предметы старины. Его имя стало известно специалистам только в 1888 году, когда он в 6 верстах от Новгорода, в местечке под названием Коломцы, открыл следы поселения каменного века. После обследования поверхности слоя Передольский собрал около 2 тысяч различных предметов: осколки костей, черепки посуды, наконечники стрел, кремневые ножи и скребки. Затем он расширил свои поиски и за 10 лет увеличил свою коллекцию до 60 тысяч экземпляров. Только удивительная тщательность и скрупулезность этого человека, его бережное и ответственное отношение к прошлому родной земли позволило обнаружить в одном месте, не на очень обширной территории, такое огромное количество подземного материала. Культурный слой Коломцов до двух метров толщиной, открытый под четырехметровым пластом глины, хранил многочисленные поделки из кости, тесаного камня, сланца, яшмы, янтаря. В 1889 году была организована первая выставка коломецких находок в Археологическом институте Петербурга, имевшая широкий резонанс среди ученого общества. А вскоре Василий Степанович становится почетным членом этого уважаемого учебного заведения.

Потом были раскопки в других местах Новгородской губернии, пропитанной древностями. За несколько лет археологических работ Передольский собрал уникальную, по мнению русских и европейских ученых, коллекцию черепов, насчитывающую более 800 экземпляров, «единственную не только в России, но и в Европе». Затем был ряд выставок, после чего к В.С. Передольскому пришли широкая известность и научный авторитет.

В 1894 году по инициативе уважаемого ученого в Новгороде создается Общество любителей древностей, ставившее своей целью изучение памятников старины, находящихся в пределах Новгородской губернии, и на-

блюдение за их сохранностью, а также сбор, описание и хранение остатков старины, проведение раскопок, сбор рукописей. И 60-летний старик с энтузиазмом берется за хлопотную председательскую работу. Но препятствия местных властей помешали деятельности общества. Особенno возмущали Передольского случаи варварского расхищения и продажи церковниками старинной утвари и книг, разрушение старинных построек, неудачное «обновление» древних фресок соборов. Сколько раз он обращался к властям, сколько давал советов о бережливом отношении к исторической памяти, но, к сожалению, так и не был услышен.

Знаменитая коллекция Передольского размещалась в доме, где жила его семья. Экспонатам давно стало там тесно, они не помещались в выделенных помещениях. Научные учреждения Петербурга не раз предлагали в ответ на прошение о предоставлении помещения для хранения коллекции, передать ее в их ведение, но упрямый старик хотел видеть свою коллекцию именно в Новгороде, а не в столицах или в других городах. И был абсолютно прав. Местные же власти не сочли возможным выделить хорошее казенное помещение, и (обратите внимание, нисколько не меняются со временем привычки «власти придержащих») предложили своему знаменитому земляку как бы в насмешку одну из башен новгородского Детинца, грязную, сырую, использовавшуюся как отхожее место. Знакомая картинка, не правда ли?

И тогда этот патриот своей земли, именно таким высоким словом его можно назвать, уже в преклонном возрасте решается на постройку двухэтажного деревянного дома на деньги, взятые взаймы. Строительство дома на углу Ильинской и Никольской улиц против церкви Филиппа Апостола завершилось лишь к зиме 1901 года. На первом этаже этого дома разместилась коллекция, на

втором — семья. В музее, о котором он мечтал долгие годы, хозяин любил сам встречать гостей-посетителей.

Об огромной популярности музея говорит тот факт, что только за два года существования, его посетило более 2 тысяч человек. Появление этого музея стало заметным событием в культурной жизни Новгорода. Целыми днями Василий Степанович сидел за разборкой и изучением своих находок, из-под пера этого удивительного человека вышло несколько рукописей, посвященных прошлому Новгорода.

Но зимой 1906—1907 годов произошло непоправимое, В.С. Передольский простудился в плохо отапливаемых помещениях первого этажа, где постоянно находился и работал, сильный бронхит перешел в воспаление легких и в марте 1907 года ученого не стало.

* * *

Но вернемся к медвежьему культу, в незапамятные времена существовавшему в новгородских землях. В.С. Передольский сообщает, что в урочище Коломцы на берегу озера Ильмень, где он обнаружил неолитическую стоянку древнего человека, «мы находили если не всегда, то очень часто пальцевые кости медвежьей лапы зарытыми в одну яму с костями человека»¹. В другом месте он опять указывает на подобные находки. При захоронениях, пишет он, вместе с человечьими костями находились кости животных, «между которыми нередко были медвежьи, а один раз пять фаланг лапы очень крупного мед-

¹ Передольский В.С. Новгородские древности. — Новгород, 1898. — С. 175.

ведя»¹. Передольский, описывая находки большого количества медвежьих костей, среди них выделяет подвески, изготовленные из зубов-клыков этого зверя с просверленными отверстиями². Как видите, поражает идентичность новгородских находок с откопанными подобными образцами в Поволжье и других местах.

Объясняя эти находки, В.С. Передольский высказался в пользу существования медвежьего культа у населения Коломцов и сделал предположение, что и летописный «Зверинец» в Новгороде XI века ведет свое происхождение от глубокой древности, являясь местом «общественного содержания священных зверей»³.

Другой известный археолог, член-корреспондент АН СССР Александр Андреевич Спицын (1858—1931) в начале прошлого века проводил со своими коллегами археологические раскопки во Владимирской губернии и указал на находки в курганах Петряхи вещей фатьяновского типа. Кроме того, в древнейших славянских курганах северо-западной области с сожжениями в сопках VIII—X веков были найдены, как он пишет в своих отчетах, «с костями человека кости животных, преимущественно домашних, но нередко также медвежьи кости»⁴. При этом А.А. Спицын подчеркивал очень важную мысль, говоря об одном из них — Васильевском могильнике, что тот является отложением одного из «древнейших суздальских русских поселений».

¹ Передольский В.С. Бытовые остатки наследников Ильменско-Волховского бассейна. — СПб., 1893. — С. 132.

² Передольский В.С. Бытовые остатки наследников Ильменско-Волховского бассейна. — СПб., 1893. — С. 12, 106, 118, 120.

³ Передольский В.С. Новгородские древности. — Новгород, 1898. — С. 176.

⁴ Спицын А.А. Сопки и жальники // Записки русского археологического общества (ЗРАО). Т. XI. Вып. 1-2 (нов. серия). — СПб. — С. 142—143.

Будучи уже в звании генерал-лейтенанта артиллерийских войск, страстный любитель старины Николай Ефимович Бранденбург (1839—1903) проводил в 1878—1902 годах обширные археологические раскопки в Приладожье, до этого обследовал крепость в Старой Ладоге (1885), одновременно пополняя соответствующими экспонатами артиллерийский музей в Петербурге, управляющим которого он являлся. Хотя генерала интересовали совершенно другие находки, но тем не менее любопытный знаток старины обратил внимание на странный материал, свидетельствующий о каком-то древнем культе: «Что же касается находок медвежьих когтей, то известно, что еще и в настоящее время суеверное почитание медведя составляет своего рода культ, существующий среди многих инородческих племен нашего Севера и Сибири. И на древностях пермских и сибирских нередко повторяется изображение того же животного; у финнов медведю приписывается человеческий разум и воздают особые пред всеми другими животными почитания; у древних скандинавов медведем олицетворялось их божество — *Тор* и т.п.»¹.

Н.Е. Бранденбург отметил, что медвежьи кости встречаются исключительно в древнейших курганах южного Приладожья. Однако одновременно он увидел, что «в Приладожье на найденных ногтевых фалангах не замечается каких-либо приспособлений, например, сверлин для носки их в виде украшений или амулетов, как в других местностях (при этом он сделал ссылку на Лядинский могильник Тамбовской губернии, в котором найдены медвежьи кости с отделкой для их привески), что может указывать

¹ Бранденбург Н.Е. Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России, №18, с. 15.

на их тесное жертвенное значение»¹. В погребениях, которые он обследовал, с кальцинированными человеческими останками находились кости различных животных, но преобладающими среди них являлись конские — в 8 могилах, и медвежьи — в 9. При этом, подчеркнул археолог, из медвежьих костей встречались только когтевые фаланги². Точно такие же, как в Коломцах около Новгорода, во Владимирской губернии и Поволжье.

Древние традиции совершения таких магических медвежьих ритуалов сохранились и в более поздние времена, о чем с полной убедительностью свидетельствуют владимирские курганы, где ученые находили, правда, уже не фаланги лап медведей, а их заменители — медвежьи лапы, вылепленные из глины, обожженные на огне и необожженные.

Тот же А.А. Спицын подчеркивал эту интересную особенность владимирских курганов: «Курганы заключали почти исключительно сожжения (человека) и особенно любопытны по находке в них глиняных рук и колец». Это он так называл лапы медведя «руками». К таким курганам относятся и два случая находок глиняных медвежьих лап, уложенных рядом со скелетом покойного в погребении у села Веськово. Как увидим дальше, упомянутые глиняные медвежьи лапы и кольца тесно связаны с древнейшими курганными памятниками Сузdalского края X—XI веков.

Граф А.С. Уваров помимо Ярославской земли проводил археологические раскопки и в других губерниях, в том числе на Сузальщине. В нескольких курганах им было найдено свыше 20 глиняных изображений лап мед-

¹ Бранденбург Н.Е. Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России, №18, с. 6, 15.

² Бранденбург Н.Е. Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России, №18, с. 13—14.

ведя. Причем, как правило, лапы часто сопровождались присутствием в том же кургане глиняного изображения круга-кольца (обыкновенного бублика, сказали бы дети при виде его). В большинстве курганов Сузdalской земли наблюдалось это любопытное и загадочное сочетание глиняных кругов и медвежьих лап. А.С. Уваров подчеркнул особое значение и частоту находок этих предметов в курганах¹. Более того, прав, вероятно, Н.Н. Воронин, когда говорит, что Уваров не смог отразить в своих дневниках и записях огромного количества подобных находок, т.к. лапы и кольца, вылепленные из глины и в большинстве случаев необожженные, могли просто разрушиться и легко проходили незамеченными, по его словам, «*при знаменитой своим варварством технике уваровских раскопок*»². Отсюда напрашивается вывод, что указанные предметы были обязательным атрибутом каждого захоронения русов-славян.

Кроме того, из тех же уваровских находок выделяются единичные экземпляры медвежьих зубов и когтей в виде ожерелий, особенно интересны металлические изображения когтей и зубов, подвешенных на шнуре, из курганного могильника у села Ворогово.

А теперь переместимся на Муромскую землю. В ряде муромских могильников также имеются явные следы почитания медведя, отраженного в погребальном обряде и в украшениях. Так, в погребальном могильнике у села Подболотье кроме копий, костяных подвесок сотрудниками научной экспедиции под руководством профессора Московского университета Василия Алексеевича Городцова

¹ Уваров А.С. Меряне // Труды I Археологического съезда. Т. II. — М., 1871. — С. 820—823.

² Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Этногенез восточных славян. Т.1. — МИА СССР. — №6. — М.-Л., 1941. — С. 51.

(1860—1945) было найдено в 1910 году большое количество костей крупного медведя, в числе которых исследователи особо отметили кости лап¹.

В Тамбовской губернии участником другой научной экспедиции В.Н. Ястребовым (в 1869 году) у местечка Лядино в ряде погребений отмечены находки медвежьих когтей в составе ожерелий, подвесок, причем преимущественно в женских погребениях. Встречены такие же находки еще в одном, открытом им в 1890 году, Томниковском могильнике².

В верховьях реки Цны, в полутора сотнях километров в юго-восточном направлении от озера Ильмень и в 8 км от Моршанска, в Крюковско-Кужновском могильнике (IX—X вв.) в ряде погребений найдены медвежьи когти в составе подвесок, носящих явно магический характер. Как отметил в своем отчете участник этой экспедиции, проводимой в 1927—1929 годах, директор Моршанского краеведческого музея П.П. Иванов, в одном из погребений обнаружен «накосник», к которому прикреплены несколько медвежьих когтей, отделанных в бронзу³.

На почитание медведя, подметил Н.Н. Воронин, указывает также неоднократное нахождение медвежьих когтей и частей скелетов в древних славянских курганных погребениях Самарской губернии в верховьях Оки. Кроме того, здесь погребение часто сопровождается костями птиц и мелких животных, сложенными на специально помещенных в кургане кусках известкового камня. На-

¹ Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. // Древности Московского археологического общества. Т. XXIV.— С. 65, 69, 116.

² Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России, № 10, СПб., 1893.

³ Раскопки П.П. Иванова. Архив ЛОИИМК. Фонд ИМК. №144, 1927; №131, 1928; №230, 1929.

пример, интересны в этом отношении 17 погребений из кургана около деревни Дубровки на р. Пополоте, которые опускались в течение длительного периода времени, создав несколько «ярусов». Под первыми «ярусами» со сложенными «кучками битых костей на куске известкового камня» обнаружился «ярус», в котором были «три куска известкового плитняка, сложенные как спицы в колесе (обратите внимание — опять символический круг), а под ними останки головы медведя (челюсть с клыками) и несколько ниже — кости медведя». В четвертом «ярусе» этого кургана оказались две плиты с костями и клык медведя¹. Известный российский антрополог, географ, этнограф и археолог, академик Дмитрий Николаевич Анучин (1843—1923) в своем труде о культуре костромских курганов и находимых в них украшениях тоже особо отметил, что в местных погребениях находились медвежьи кости и когти².

Как бы подводя предварительный итог, Н.Н. Воронин сделал вывод, что указанные археологические памятники (а они здесь далеко не все перечислены) свидетельствуют о несомненном культовом значении медведя в северо-западной и северо-восточной частях лесной полосы, особенно в Новгородской земле и Ростово-Ярославском Поволжье. При этом характерно, уточнил он, что это археологические памятники не глухих углов, оторванных от связи с внешним миром, но все приведенные выше случаи находок медвежьих лап в Ростово-Сузdalской земле связаны с его древнейшими основными центрами —

¹ Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. — М., 1899. — С. 9—11, табл. V, 5.

² Анучин Д.Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. III. — С. 243, 247

Суздалем, Ростовом и городом Клещиным на берегу Переяславского озера¹.

Уважаемый читатель, наверное, обратил внимание на одну важную особенность этих странных находок. В представленных сообщениях ученых о наличии медвежьих останков в курганах Приладожья подчеркивалось, что из костей медведя встречаются исключительно ногтевые фаланги его лап. В сузальских и владимирских ранних курганах встречаются уже специально изготовленные изображения (муляжи) медвежьей лапы из необожженной глины. И наконец, граф Уваров сообщает о том, что эта лапа имела определенное место в погребении — при сожжении трупа (такой обычай существовал у наших предков до XI века) она лежала около сосуда с останками покойного, в другом случае ей полагалось лежать около его головы. Так что указанные обстоятельства, подчеркивает Н.Н. Воронин, снимают всякие сомнения в культовом значении медведя у наших пращуров.

Естественно, возникает вопрос, а какова роль медвежьей лапы в загробной жизни покойного, для чего она ложилась в могилу? Несомненно одно, она предназначалась именно для похоронного ритуала и заранее не готовилась, об этом свидетельствует факт, что способ ее изготовления был очень прост — мастера-гончары племени сразу после смерти человека в срочном порядке лепили лапу и даже не успевали ее для крепости обжигать. Первоначально, например, во времена фатьяновской культуры (напомним, это 2200—1700 лет до н.э.) рядом с покойным клади лапу настоящего, вероятно, только что принесенного в жертву медведя. Может быть, ее укладывали не со всеми, а только с важными покойниками, имеющими

¹ Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Этногенез восточных славян. Т.1. — МИА СССР. — №6. — М.-Л., 1941. — С. 53

ми у племени верховную (вождь) или духовную власть (жрец, шаман, колдун и т.д.). Было сложно снабдить каждого умершего отрубленной лапой своегоtotема — медведя. Поэтому, вероятно, и стали заменять настоящую лапу глиняной.

Существуют различные интерпретации использования нашими пращурами данных «амулетов». Тот же А.С. Уваров сравнивал глиняные лапы (иногда тоже называя их «руками») с известными «древолазными плетениями», полагавшимися, по житию Константина Муромского, в могилы чтобы, как считал любознательный граф, «душа могла взбираться на высокую райскую гору». Именно для этой цели, по его мысли, «полагались в могилы медвежьи лапы и кольца»¹.

В этой связи Н.Н. Воронин приводит сведения о древнем литовском предании о князе Свентороге, содержание которого имеет любопытную аналогию с догадкой Уварова. В предании говорится, что однажды этот князь, облюбовав предварительно место на реке Вилин, завещал сыну похоронить себя здесь и сделать это урочище кладбищем для князей и бояр литовских. По смерти отца, его наследник на месте, избранном покойным, сжег князя вместе с конем, снаряжением и с любимой охотничьей птицей — соколом. После, при последующих сожжениях умерших князей и бояр, как гласит предание, *«тогда подле них кладывали ногти рыси або медведжьи, для того имели веру тую: иж бы день судный мел быти, а так знаменовали себе иж бы Бог мел прийти и седети на горе высокой судити живых и мертвых, на которую ж гору трудно будет узойти без ногтей тых рысих або*

¹ Уваров А.С. Меряне // Труды I Археологического съезда. Т. II. — М., 1871. — С. 700—703.

медвежих, и для того подле них тые ногти кладывали»¹. В общем, суть обряд такова, что во время сожжения покойного литовские бояре бросали в огонь рысы и медвежьи когти, чтобы покойник мог вскарабкаться с помощью их на высокую гору, где обитал Бог.

Все же смысл медвежьей лапы в погребениях, и особенно глиняных муляжей лапы во владимирских курганах, сетовал Н.Н. Воронин, пока не поддается раскрытию в полной мере. По его мнению, несомненно, что это не амулеты, носимые покойным при жизни, т. к. лапа не имела отверстий; причем сделана очень грубо и плохо обожжена, что говорит скорее об изготовлении ее специально для погребального ритуала, о чем говорилось выше. Для этой же цели изготавлялось и глиняное кольцо. Ученые не смогли дать однозначного ответа на вопрос, что оно могло символизировать. По сообщению Н.А. Гондатти, у остяков существовал обряд умилостивительных приношений к убитому медведю, при котором на пальцы лап ему надевали кольца². По сообщению того же графа Уварова, в одном из курганов вместе с кольцом и лапой медведя найдена монета короля Оттона I Великого (912—973), а в другом — куфическая монета X века.

Стоит отметить, что не только медвежья лапа использовалась для ритуальных обрядов. Человеческая кисть руки, конечности других животных, лап птиц, как считает научный сотрудник Института археологии РАН А. Варенов, издавна считались символом защиты — оберегом. Наскальные изображения человеческой руки есть еще на палеолитических пещерных рисунках. Но даже в более

¹ Тихомиров И. О составе так называемых литовских летописей // ЖМНП, май, 1901, с. 76.

² Гондатти Н.А. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Т. 48. Вып. 2. — 1888. — С. 75.

позднее, христианское время Богоматерь Оранта, например, всегда изображалась с поднятыми руками, ладонями к зрителю — жест защиты, благословения. Такую же защитную функцию выполняли, считает ученый, и камни — «следовики», то есть валуны с отпечатками кисти рук наиболее почитаемых в XIII—XVII веках святых. Для этих же целей финно-угорские народы навешивали лапчатые привески к амулетам и носили на своей одежде. До настоящего времени у русских в избе над дверью вешается конская подкова, которая должна уберечь дом от невзгод и приносить счастье их обитателям¹.

Но вернемся к нашим медведям. Пытаясь раскрыть тайну медвежьих лап, найденных в курганах, Уваров указывал на основное произведение карело-финского эпоса — «Калевалу», в которой ясно выражено почитание медведей, других животных, и, отмечая особое значение у финно-угорского племени *мери* медведя и его когтей, делал вывод, что в этих верованиях отразились представления «древних финнов», уже изменившиеся под влиянием «славянской мифологии»².

В поверьях русского народа медвежьи кости, а в особенности лапа и коготь, играли большую роль. Медвежьи лапы или когти, по сообщению Б.Д. Зернова, вешались еще в начале прошлого века в качестве «скотьего бога» во дворах крестьян бывшего Дмитровского уезда. Там же в целях усмирения дворового духа приводили во двор медведя³. Медвежьим когтем лечили коров — «помочь от него, как корову *нокоть* (болезнь скота) хватит

¹ Варенов А. Утка, конь-олень — шелестящие обереги // <http://nauka.religs.ru/16/9911/16911062.htm>

² Уваров А.С. Меряне // Труды I Археологического съезда. Т. II. — М., 1871. — С. 700—703.

³ Зернов Б.Д. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография, № 3, 1932, с. 39, 40—41.

и тем де ногтем по спине трут»; еще в XVII веке существовало поверье, что голова медведя, зарытая в землю, способствовала увеличению поголовья скота в хозяйстве¹. Но самое интересное, что имя медведь являлось табуированным, т. е. запрещенным, его нельзя было называть прямо, а говорить полагалось только завуалированно, иносказательно.

Выше мы останавливались на происхождении и значении слова *табу*. Запрету могли подвергаться названия не только животных, но и вещей, событий, дней, времени суток, не только имен существительных, но и даже глаголов, например, вместо — *умер*, полагалось говорить *преставился, отдал Богу душу*. По этой причине многие прарусские слова утрачены навсегда, тё же названия животных и растений. Никогда мы уже не узнаем, как первоначально они назывались нашими предками многие тысячетия назад, и только по одной причине — существованием различных запретов — *табу* на их имя.

Такие запретные слова существовали не только у наших пращуров, но и в языках почти всех народов земли. В начале прошлого века об этом же писал замечательный русский этнограф Д.К. Зеленин: «Хотя на территории восточной Европы и северной Азии живут разноплеменные народности — славянские, финно-угорские, яфетические, турецкие, монгольские и иные, — но в отношении табу слов у них больше общего, нежели отличного»². И в большинстве они были связаны с их верованиями, получившими свое начало в глубокой древности, вероятно, от

¹ Черепнин Л.В. Из истории древнерусского колдовства XVII в. // Этнография, №2, 1929, с. 88, 92.

² Зеленин Д.К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VIII. — Л., 1929. — С. 3.

тех же мусульманских охотников, поклонявшихся своему тóтему — медведю — великому предку человека.

Запретными или подставными именами Д.К. Зеленин называл те, которые употреблялись взамен запрещенных слов. Итак, начнем с народов самой окраины России.

Широко было распространено у тунгусов название медведя *стариком* (отырку, атикан) или *черным зверем* (кара-гурусу), гольды называли его *черным стариком* (са-хар-мафа). Кроме того, существовали у тунгусов и другие подставные слова для медведя: *мохнатый, живущий в кедровнике, сгорбленный, кургузый, косой, косыгин, четверорукий* и т.д. Отправляясь на охоту, тунгус никогда не произносил слова *медведь* (*амикан* — батюшка, отец), а говорил иносказательно: «*пойду промышлять*» или «*пойду промышлять сало*», что нужно понимать, как *охотиться на медведя*.

Якуты называли медведя эсэ, что дословно переводится как *родной дед*, но это название медведя неохотно употреблялось северным народом, т.к. «имя это нехорошее, и зверь на него сердится», поэтому якуты употребляли еще и иные выражения. Например, якуты с Вилюя называли медведя словом *прадед*, а белого медведя — *белый дед*.

Селькупы, как и другие народы Севера, с особым почтением относились к медведям. Потомки медвежьего рода с реки Тым в Томской области называли медведя — *мой младший брат (ман мыдамы)*. На средней Оби медведь до сих пор именуется — *большой старик (варг ар)*. Этим названием подчеркивается мудрость и сила этого зверя. Кроме того, у селькупов (да и не только у них) наблюдался пережиток еще одного табу, связанного с культом медведя — запрет есть медвежье мясо, поскольку считалось, что медведь — почти как человек, рожденный селькупской женщиной. Это привело к тому, что в 20-х годах

прошлого столетия их развелось очень много и они наносили значительный урон хозяйству селькупов¹.

Обычным у остяков именем медведя было ósniga, которое по сути являлось эпитетом — *старик в шубе, одетый в шубу старик*. Причем это имя нельзя произносить без нужды и оно заменялось личным местоимением *он* (tu) или льстивым выражением — *отец* (jig). По свидетельству Кастрена, остыки с Иртыша величали медведя прекрасным зверем, косматым *дедушкой*. У них же нельзя говорить: *мы ободрали шкуру с медведя*, а можно лишь: *мы сняли с него его святую шубу-малицу*.

Вогулы (манси), по свидетельству исследователя этого народа Остроумова, «из уважения к медведю никогда не называют его собственным именем, а лишь намекают на него словами: *сам, дядя, почтенный т.п.*», что не мешало им, при случае, убивать этого грозного зверя. Для медведицы существовало еще одно вогульское название — *матка-зверь (нен уй)*. Вотяки с Елабуги также называли медведя уважительно — *несатай*, т.е. *дед с отцовской стороны*. Путешественник Георги отметил у вотяков правило: «Медведя надобно не прямым звать нарицанием (названием), но старичком, *мома*».

У ненцев грешно и до настоящего времени, особенно женщинам, упоминать имя белого медведя — *ошкуй*, и «самоедка никогда прямо не скажет про белого медведя». Кастрен отмечал ненецкое (самоедское) уважительное название этого грозного зверя — *дед*.

У саамов (лопарей) Кольского полуострова известный исследователь этого народа Н.Н. Харузин отмечал «обычай не называть медведя по имени, а давать ему какое-либо прозвище, либо даже проще — избегать разговоров про него». Он же приводит в своей книге «Русские лопа-

¹ Ким А.А. Реликты культа медведя у селькупов // Интернет.

ри» свидетельство Гоггюера XVIII века, когда лопари вели-
чали медведя *дедушка* — «имя, которым лопари называют
всякого, к кому питают уважение, например, пастора, су-
дью и т.п.». По сообщению Георги, лопари называли мед-
ведя не своим именем, а «*подиубным стариком*», очень
похожим на запретное слово остыakov.

* * *

У русских имя медведь тоже было запретным. Нали-
чие такого большого количества подставных имен это-
му зверю, как у нашего народа, наверное, нет ни у одно-
го другого. На европейском Севере белый медведь до сих
пор зовется *ошкуем*. Что же касается бурого, если загля-
нуть в словарь В.И Даля, можно обнаружить 37 его назва-
ний — зверь, черный зверь, лесник, раменский, урманый,
ломака, костоправ, Михайло Иванович Топтыгин, косо-
лапый, куцый, косматый, мохнатый, леший, мишка, ми-
шук, потапыч и др. Охотники различали три вида бурого
медведя, присвоив каждому свое подставное имя: *стерь-
вятник*, считавшийся самым большим и плотоядным; *ов-
сяник* — охочий до овса, малины и кореньев; *муравьят-
ник* — самый малый и злой, обычно с белым «ошейником»
на шее. У медведицы также было свое запретное имя —
мечка, другие клички — *Матрена, Аксинья, матка; меч-
ка с медвежатами — матуха*, а при ней обычно был *пес-
тун* — ее прошлогодний медвежонок¹.

Русские на Колыме, по сообщению этнографа В.Г. Бого-
гораза (1865—1936), предпочитали вообще не говорить о
медведе: «медведь — *знатливец, ведун*, он все узнает и за-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ре-
принтное издание 1903—1909 гг. Т.2 — М.: Терра, 1998. — С. 812—813.

обиду отметит, так что русские в этом краю не решаются и охотиться на медведя с ружьем». Другим подставным именем для медведя в тех краях было — *старик*. Так уважительно русские зовут старшего в доме, домохозяина, и в применении к медведю можно предполагать близость значения обеих слов — *хозяин* и *старик*. Известно еще одно популярное прозвание бурого мишки среди русских — *дедушко*.

Медведь, сильнейший зверь северного леса, особенно изобиловал в лесах Ярославской губернии, в Пошехонье. Медведи наносили большой ущерб домашнему скоту, однако крестьяне их не били, относясь к *хозяину леса* с традиционным почтением¹. В пастушеских заговорах стада этот лютый зверь стоит без имени на первом месте. Пастух просит охраны «крестьянского живота» «от того черного зверя, от широколапого, от перехожего прокидня»². Нетрудно догадаться, что под этими «милыми» эпитетами кроется медведь.

Жители Олонецкой губернии (современные Онежский, Каргопольский районы Архангельской области, часть Карелии и Вологодской области) вообще не знали слова *медведь*, заменяя его подставными именами, иногда просто *он*, *сам* или *хозяин*. По свидетельству В.Н. Майнова, совершившего поездку в Обонежье в 80-х годах XIX века, «народ здесь никогда в рассказе не скажет «медведь», а всегда говорит «он», или иным путем старается не назвать зверя его именем: «не равен случай», толкуют они <...> Так и не добъешься, чтобы сказали «мед-

¹ Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // Ярославские губернские ведомости, №14, 1856.

² Якушкин Е.И. Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде // ТЯГСК. Вып. V. — С. 159—161.

ведь»¹. Сам — обычное в быту название для хозяина, для главного начальника, сохранившееся в употреблении до сих пор. Отсюда, наверное, пошло подставное название медведицы — *самуха*, употреблявшееся когда-то в Вологодской губернии.

Очень широко распространены были у нашего народа ласкательные названия медведя христианскими личными именами. У холмогорских рыбаков «*Миша стукалка*» служил подставным словом в замену запретного на воде имени медведя². Писатель Н.С. Лесков (1831—1895) в рассказе «Зверь» заметил, что «медведей в России вообще зовут *мишками*». Ласкательному уменьшительному *мишке* соответствует почтительное *Михайло Иванович господин Топтыгин*, как величал медведя в своих произведениях Мельников-Печерский.

Другим подставным именем для медведя у русских служило слово *зверь*. Этим же именем его называли и разные северные народы. Наверное, всем хорошо известно, как зовут не залегшего в берлогу на зимнюю спячку медведя-одиночку, — в народе ему дали меткое прозвище *шатун*, от слова *шататься, бродить*.

По большому счету, если говорить о самом слове *медведь*, то оно дословно означает — *кто ест мед или мед ведает — мед-ведь*, то есть оно само являлось подставным у наших предков. Перед нами прекрасный образец, когда подставное слово становится запретным. Тогда как же первоначально называлось это любопытное животное, какое имя носило? Ниже мы попытаемся ответить и на этот вопрос.

¹ Майнов В.Н. Поездка в Обонежье и Корелу. — СПб., 1877. — С. 227—228.

² Колчин А. Историко-статистическое и промышленное описание Пингишенского села, состоящего в Холмогорском уезде // Архангельские губернские ведомости. №19. 1869.

* * *

Как уже отмечалось, исследователей завело в тупик банальное глиняное кольцо, которое помещалось в захоронениях вместе с медвежьей лапой. Каков же был его смысл, что могло символизировать это наспех сделанное изделие из плохо обожженной глины, положенное рядом с покойным?

Помимо указанных колец или кругов, найденных в Поволжье, в Ярославской и других губерниях, значительно позднее, современными учеными были обнаружены аналогичные находки, только исполненные не из глины, а из камней. В 2004 году проводились раскопки захоронений скифского периода на Алтае. В комплексе захоронений археологи обнаружили останки людей, возраст которых превышал 2,5 тысяч лет. Самое интересное, что рядом с человеческими останками были замечены сложенные из камней поминальные круги. Это не единичные находки, такие круги, по сообщению ученых, сопровождают большинство скифских могил. По мнению исследователей, поминальные круги были широко распространенным скифским обрядом. Они сооружались рядом с курганами и тоже имели какое-то мистическое ритуальное значение. У больших курганов учёные обнаруживали по сто-двести таких колец, вероятно, по числу захороненных там людей.

В упомянутых выше погребальных могильниках VI—Х вв. у села Подболотье на Муромской земле научной экспедицией В.А. Городцова было обнаружено большое количество останков людей, у черепов которых археологи часто находили так называемые *височные кольца*. В некоторых захоронениях такие кольца были замечены даже у берцовых костей ног покойного. Судя по их большому

размеру и местоположению, они не всегда служили украшениями, как думают большинство исследователей, а, на наш взгляд, носили, вероятно, какой-то ритуальный характер¹. В захоронениях I тысячелетия на территории Ярославской, Владимирской, Сузdalской, Новгородской, Вологодской и других земель археологи часто находили останки людей с такими металлическими кольцами.

С кольцами связано огромное количество легенд и преданий, повествующих об их таинственной силе и могуществе. Интересно, что в преданиях разных народов часто встречается один сюжет. Стоит герою надеть кольцо на палец или очертить им вокруг себя круг, произносится при этом положенные заклинания, как он становился практически недоступным для враждебных внешних сил. Вспомним, как в повести Н.В. Гоголя «Вий» при наступлении ночи в церкви трясущийся от страха философ Хома очерчивал вокруг себя круг, чтобы его не нашла нечистая сила.

Замкнутый круг осмысливался как символ закрытости. Подобно любой замкнутой окружности, кольцо является символом континуальности (непрерывности) и цельности. Одновременно оно является традиционным символом бесконечности (вечности). Значительно позднее кольцо стало использоваться как символ бракосочетания. Иногда оно встречается в форме змеи, кусающей свой хвост. Сломанные кольца символизируют нарушенные обеты, потеря колец, согласно поверьям, означает несчастье.

В греческой и особенно римской античности право носить железные кольца предоставлялось в качестве почетей достойным гражданам. С давних времен с кольцами связаны различные магические представления. На-

¹ Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. // Древности Московского археологического общества. Т. XXIV. — С. 65.

пример, Аристотель (384—322 до н.э.) упоминает об оракуле, у которого совместное звучание двух подвешенных на нитках колец должно извещать о готовности к обряду. А кольца, подвешенные над доской с алфавитом, должны были, прикасаясь к определенным буквам, указать имена заговорщиков против римского императора Флавия Валента (328—378). И уже без всякой мистики, если подвесить кольцо на нитке и провести им вдоль руки человека с наложенной линейкой, можно измерить его артериальное давление с небольшими погрешностями, на себе проверено.

С умирающего обязательно снимали кольца, чтобы душа могла легко покинуть бренное тело. «Ведь душа может задержаться даже в мизинце и не иметь покоя» — уверяли когда-то древние греки.

Никто не имел права входить в святилище владычицы в Аркадии с кольцом на пальце. То, что препятствовало выходу души из тела, могло, напротив, помешать злым духам войти в него. Поэтому кольца часто использовались в качестве амулетов против демонов, ведьм и приведений. По утверждению Д. Фрэзера, такие же ритуальные запреты, связанные с кольцом, существовали и у северных народов. Так, по обычаям лапландцев (саамов-лопарей), человек, которому предстояло положить покойного в гроб, получал от родственников умершего медное кольцо, которое он был обязан носить на правой руке до тех пор, пока не опустят тело в могилу. Оно служило ему амулетом, якобы предохранявшим от любого вреда от души покойного¹.

Кстати, обрядовое употребление венков напрямую связано с магическим осмыслением их формы с круглыми предметами, тем же кольцом. Интересный обычай су-

¹ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. — М.: АСТ, 1998. — С. 261.

ществовал у славян-русов, помещавших по венку во все углы гроба или под подушку умершему, — чтобы зло не подступило. Этот обычай сохранился до сих пор. Вероятно, с этой же целью глиняные кольца ложились в могилу вместе с покойным.

Слова *кольцо*, *колесо* произошло от древнерусского слова *коло*, означающее *круг, свет, солнце*. По словам исследователя славянских древностей А.Н. Афанасьева, и колесо, и пламя являлись символами солнца. Представление солнца огненным колесом породило у наших предков обычай зажигать в известные праздники колеса, обычно это происходило в начале весны (на Масленицу) и на Иванов день, когда случался *солнцеповорот* с лета на зиму. На гору затаскивалось огромное, специально сделанное колесо, обворачивалось соломой, поджигалось и под радостные крики собравшихся людей, размахивающих факелами, скатывалось вниз в реку. Средневековые писатели прямо говорили, что колесо это принималось за священное изображение солнца. Позднее на Севере и в Сибири, русские, встречая во время Масленицы весеннее солнце, таскали сани, посередине которых закреплялся столб, а на его вершине устанавливалось вертящееся колесо, олицетворяющее новорожденное солнце¹. Обычай этот сохранился до сих пор, только на вершине столба, для желающих влезть на него во время проводов русской зимы, водружается какой-нибудь сувенир.

Существовали и другие свидетельства суеверного уважения к колесу как эмблеме солнца. Уцелела даже русская поговорка: «Жили в лесу, молились колесу». В Тамбовской губернии, по словам Афанасьева, протаскивали щенков сквозь жерло колеса для того, чтобы они впо-

¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. писатель, 1995.

следствии не могли сбеситься (то же самое проделывали и с черепом крупного медведя, только протаскивали через него больных детей); а в Смоленской — крестьяне боялись сжигать в печи старые ломаные колеса, чтобы овцы не страдали известной среди них болезнью — *вертрячкой* или *кружением*.

По древним поверьям, заболевших *куриной слепотой*, заставляли смотреть в ступицу старого колеса. Кроме того, считалось, как колесо помогает от *куриной слепоты*, так и золотое кольцо охраняет зрение от вредного действия оспы и кори. Оба слова, как подметил Афанасьев, *колесо* и *кольцо* лингвистически тождественны, и в указанном древнем поверье золотое кольцо является символом солнца.

Кстати, в древнеиндийском языке — *санскрите*, имеющим много общего с русским языком, слово *aksha* означает *око* (глаз), *ось* и *колесо*, а во множественном числе *akshi* — *солнце и месяц*.

В незапамятные времена финны принимали солнце за металлическое кольцо, в середине которого заключена огненная материя. Вот слова старой финской песни, обращенной к сыну солнца: «*Вознеси огонь на небо в средину золотого кольца, пусть оно светит днем и покоится ночью, восходит по утру и закатывается вечером*».

По замечанию Д. Фрэзера, название «огонь небесный» указывает на существование связи между земным и небесным пламенем и способ, при помощи которого огонь первоначально зажигался, говорит о том, что его считали суррогатом солнца. Очень возможно, как полагают некоторые ученые, что когда-то огонь во время празднеств добывали трением двух кусков дерева, а иногда... путем вращения колеса. По предположению Д. Фрэзера, предназначеннное для этой цели колесо изображало солнце, ассоциируясь с ним. У некоторых народов этот обычай

сохранился до наших дней, когда в день летнего солнцестояния огонь разжигался при помощи быстрого вращения колеса вокруг деревянного шеста¹.

Но вернемся к нашим медведям. Норвежские писатели O. Vorren и E. Manker в книге «Культура саамов» (перевод сделали М.В. Леонтьева и М.В. Тарасова) приводят свидетельство очевидца об обычаяе народа, обитавшего на севере Скандинавского полуострова в начале XVII века. Этот древний ритуал связан с кольцами и магическими кругами. Обнаружив берлогу, один из охотников своими следами вокруг нее рисовал на снегу круг, как бы заключая в нем медведя. Потом собирались побольше людей, и все отправлялись на охоту. Тот, кто рисовал круг у медвежьей берлоги, шел первым, держа в руках посох с назанным на него каким-то, по словам древнего автора, магическим кольцом. После того как медведя забрасывали копьями, ему посвящался куплет из «медвежьей песни» с благодарностью за то, что он позволил себя поймать и никого не повредил из охотников. Затем медведя на лопарских санях, запряженных оленями, отвозили к стойбищу. Женщинам запрещалось управлять такими санями. Более того, они не могли вообще смотреть на медведя. Продолжая исполнять «медвежью песню», охотники как бы предупреждали женщин, чтобы они не высаживались из чума. Они в это время там сидели, держа на готове медные кольца. И когда охотники, приподняв занавес из шкур, вползали в чум, женщины обязаны были смотреть на них только через эти медные кольца, одновременно дружно плюясь разжеванной ольховой корой, как бы имитируя сильно идущую кровь на лицах охотников. Шкуру со снятого трофея получал тот, у которого было магическое кольцо. Вероятно, существует какая-

¹ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. — М.: АСТ, 1998. — С. 672—673.

то связь между каменными кольцами скифов, глиняными и металлическими кольцами русов и финнов.

Итак, кольцо (или колесо) в далекой древности символизировало солнце. Среди петроглифов Кольского полуострова, обнаруженных на реке Поной, находится, по утверждению В.Н. Демина, древнейшее изображение Колы-Солнца. Оно представляет собой кольцо с жирной точкой посередине. Такие же сакральные знаки солнца зафиксированы в наскальных рисунках Урала и петроглифах на каменистых берегах Ладожского озера. А вообще этот древний символ получил широкое распространение во всех частях света и практически на всех отрезках исторического развития, начиная с каменного века¹.

Кольцо, символизировавшее солнце, имело у древних северян более широкое понятие и представляло собой изображение всего неба, где обитали боги. Некоторые северные народы приписывали нашему герою — медведю — исключительно божеское происхождение, называя его «сыном неба, который оставляет небо вопреки отцу». В «медвежьих песнях» называли медведя «сыном высшего бога, который по зависти низведен с неба на землю»². Отсюда можно вывести прямую связь между медвежьей лапой, принадлежащей «сыну неба» и кольцом, символизирующим солнце или небо, т.е. эти обязательные предметы похоронной церемонии имели одно и то же значение в сознании древних людей. Более того, одновременные находки глиняных изображений медвежьих лап и колец дают основания предполагать, что здесь, вероятно, зафиксировано затухание медвежьего культа, постепенно вытесняемого зарождающимся культом солнца или неба, которое сменится позднее культом человека.

¹ Демин В.Н. Тайны земли русской. — М.: Вече, 2000. — С.323—324.

² Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири, №1, СПб., 1890, с.110.

И в заключение рассказа о загадке глиняных колец приведем свидетельство немецкого путешественника и посла Адама Олеария (1603—1671), совершившего поездку в Московию в 30-е годы XVII века, имеющее непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. В Москве его поразило огромное количество церквей и монастырей, которых насчитывалось в то время более двух тысяч. Любознательный немец обратил внимание на то, что «каменные церкви все внутри с *круглыми сводами*». Русские, рассказывает Олеарий, не могли ему объяснить, чем это обстоятельство вызвано. По его предположению, русские это позаимствовали у древнейших народов, которые в большинстве случаев строили своды храмов *круглыми*, полагая, что «они, являясь Божьими домами, должны иметь сходство с небесным сводом». И приводит в пример рассказ о существовании в Риме прекрасного языческого храма Пантеона, имевшего идеально круглую форму, объясняя тем, что «Пантеон, как на то указывает его имя, должен включать в себя изображения всех богов и круглою формою своей сходствовать с небом». Хотя тут же приводит другое интересное объяснение, цитируя слова какого-то Боасарда: «Так как Марк Агринна построил этот храм в честь Опс или Кибелы, матери богов, имеющей под своим покровительством круглую землю, то и храм этот должен был получить круглую форму». По следующему объяснению, свидетельствует Олеарий, у древних существовал такого рода способ моления, что они во время молитвы врашались кругом, как на это указывал Плиний: «При молитве мы поднимаем правую руку к устам и вращаем все тело»¹. Как видно из приведенного, все это имеет непосредственное отношение к разгадке тайны глиняного кольца.

¹ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. — С.: Русич, 2003. — С. 280—281.

* * *

Почти у всех народов, в том числе и у русского, известны поверья и сказания о человеческом происхождении медведя. Более того, они считали, что от сожительства медведя с женщиной рождаются дети. Медведь поражал их воображение не только своей силой и оглушительным ревом, но и своим сходством с человеком. Даже у белого медведя, по утверждению путешественника А.Ф. Миддендорфа (1815—1894), северные охотники находили «весыма много сходства с человеком». В Сибири еще в начале XX столетия люди верили в то, что медведь входит в силу, подобно человеку, лишь к двадцати годам и что у него все «человечье», кроме головы и ног, которые «коротки, а были бы подлиннее, то и они походили бы на человечьи»¹. Доказательством того, что медведь прежде был человеком, служило его умение ходить на задних лапах. П.С. Ефименко (1887) приводит такое же поверье о происхождении медведя от человека, записанное им в Архангельской губернии: «Медведь прежде был человеком, но, по велению Господню, за убийство родителей сделался хищным лесным зверем»².

Остатки культа медведя, веру в его человеческое происхождение подметил на севере России (в Олонецкой губернии) другой исследователь, этнограф Г.И. Куликовский (1890). По его словам, там верят, что медведь есть человек, превращенный каким-то волшебством в медведя, поэтому, как говорили крестьяне, медведь сам никогда не нападает на человека; нападет лишь из мести за причинен-

¹ Неклепаев И.Я. Поверья и обычай Сургутского края // Записки ЗСО РГО. Кн. 30. — Омск, 1903. — С. 77—78.

² Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч.1. // ТОЛЕАЭ. Кн.5. Вып.1. — 1877. — С.172.

ное ему «неудовольствие или отмщение за совершенный грех» по указанию Бога (даже если он корову съедает, то считали, ему Бог позволил). Поэтому, говорили местные жители, охотники никогда еще не убивали беременную медведицу: она, как беременная деревенская женщина, боится, что кто-нибудь увидит ее во время акта рождения. По этой же причине даже собака одинаково лает как на человека, так и на медведя, хотя подмечено, что на других животных и птиц лает совершенно иначе. Собака как бы чует в нем человеческое существо, утверждали они, поэтому местные жители и мясо его не едят. То, что медведь есть превращенный человек, подтверждается слухами, что существует много случаев, когда «при сдирании кожи» с убитого медведя оказывалось, что под шкурой туловище медведя якобы было опоясано мужицким кушаком, или на нем даже находили остатки белья, одежды и украшений¹.

Жители Кенозерья (Каргопольский р-н, Архангельской области) до настоящего времени видят сходство медведя с человеком: «У медведя передние лапы без шерсти как у человека, организм как у человека»². Кстати, лапы его похожи на руки, он берет ими и держит предметы так же, как человек. Охотников всегда потрясала картина убитого медведя: когда он ободранный лежит на спине, то имеет поразительное сходство с человеком. Особенно это относилось к медведице, — ее туловище было удивительно похоже на женскую фигуру, и, как говаривали старики, даже «титьки есть, как у человека». Наш современник, один бывалый охотник из Иркутской области рассказывает: «Медведицу в прошлом где добыл, распла-

¹ Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири, №1, СПб., 1890, с. 114—115.

² Мазалова А.Е. Народная медицина локальных групп // Русский Север. — СПб., 1995. — С. 93.

стал когда, а она — женска и женска: груди, как женски груди, все есть. Вылитый человек. С тех пор мясо вот добуду, а исти не могу¹.

У русского старожилого населения Сибири суеверные представления о медведе сохранились до начала прошлого столетия. Научная этнографическая экспедиция под руководством А.М. Поповой на север Сибири в 1921—1922 гг. зафиксировала там много рассказов, преданий об этом особо почитаемом как туземцами, так и пришлым русским населением, звере². Вот одно из них: «Прежде, — говорят старые люди, — медведь был человеком. Когда он был человеком, он был богатым, и много работников на него работало, он только поживал, да распоряжался. Шел он раз по своей деревне, видит — идет нищий. Взял да и спрятался за садик. Не успел нищий поравняться с садиком, он вдруг выскочил и закричал, чтобы испугать. Нищий не испугался, а только сказал: «Будь же ты медведем. Пущай не будет у тебя большие руки, а будут заместо их ноги. И будет у тебя на каждой ноге по четыре пальца». Так богач и стал медведем. А народ-то потом узнал, что нищий-то был Иисус Христос». «Если, — говорится в другом предании, — снять с теперешнего медведя шкуру, то как есть человек. Только на лапах нету большого пальца. Страшно стало медведю. «Осподи говорит, если мне надо теперь бояться людей, то зачем же ты отнял у меня прихватной большой палец?» — и стал просить у Бога вернуть его. Но Бог так и не дал этого пальца человеку».

Какое значение имел «прихватной» палец, можно судить из содержания следующего сказания — однажды медведь говорит Богу: «Если бы ты мне дал большой па-

¹ Медведева Г.А. Русская охота на медведя в Сибири // Тайга, №1-2(4), 2003.

² Попова А.М., Виноградов Г.С. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Советская этнография, №3, 1936.

лец, то я бы никого не боялся», на что Бог сказал: «Если тебе дам большой палец, то собаке дам лук и стрелу, а человеку — крылья»¹.

Мотив о лишении медведя большого пальца, внушенный сравнением медвежьей лапы с человеческой рукой, был широко распространен как среди русского населения Сибири, так и у коренных народов. Это было связано, вероятно, с культовым значением лапы почитаемого зверя, о чем упоминалось выше.

Медведь всегда был излюбленным героем русских сказок. Например, есть сказка о медведе, которому охотник отрезал лапу и отдал варить старухе, а медведь, сделав себе липовую лапу, пришел к старухе с просьбой вернуть ему отрубленную лапу. «*Скрипи, нога, скрипи, липовая. И вода-то спит. И земля-то спит. И по селам спят. Одна баба не спит. На моей коже сидит. Мою шерстку прядет. Мое мясо варит. Мою кожу сушит*

. Здесь подтверждается мысль, что медвежья лапа для человека заключала какую-то магическую силу.

По стариным поверьям медведь сохраняет качества присущие человеческой природе, более того, он похож на него в своих повадках, склонностях, и самое странное, существует множество свидетельств, что «медведь охотно сожительствует с женщиной». Такие случаи зафиксированы не только в Сибири, но и у нас на Севере.

У сибирских народов, по словам А.М. Поповой, половые связи женщины с животным представлялись делом совершенно естественным. Еще в начале прошлого века вполне этому верила и русская интеллигенция. Примером может послужить воспоминание одного из администратор-

¹ Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири, №1, СПб., 1890; Сидоров А. Пережитки культа промысловых животных у охотников-коми // Кomi my, № 4, 1926, с. 33.

ров Камчатки, рассказывающим как о достоверном факте, что медведь однажды забрел в Петропавловск, увел (или утащил) местную обитательницу в тайгу и сделал ее своей женой¹. Варианты этого рассказа были довольно распространены в различных интерпретациях. Вот еще один сибирский рассказ местного жителя, записанный А.М. Поповой: «Женщина заблудилась в лесу и жила год с медведем. Жили как муж с женой... Уходит медведь из берлоги, заваливает ее лесом, коряжником, чтобы женщина не могла уйти. Кормил ее кореньями. Дает коренья, сыта, целый день неохота есть, а в сон клонит... Сном долит — лежит и спит. Мок послатый в берлоге, лежать мягко. Не одно там помещенье есть, сказывают отхоже место... Женщина прожила там с год, вся оборвалась, обносилась. А вот ум-то человеческий не потеряла. Ушел раз медведь, а ту пору охотники подошли к берлоге; женщина увидела, вскричала (им), в какое время за ней приезжать, когда медведь уйдет в лес... Сделали охотники облаву, взяли ружья, потом укараулили медведя и убили его».

В других вариантах, а таких рассказов зафиксировано много, женщина сама убегает из медвежьей берлоги к людям, а медведь устраивает погоню за ней, в бессильной злобе круша на своем пути деревья.

На возможности сожительства женщины и медведя основан мифологический рассказ, записанный недавно в Архангельской области на Кенозере: «Перед концом света останется столько праведных людей, сколько сможет поместиться на семиметровом дереве. Когда мимо дерева пройдет медведь, женщины будут спрашивать: — Не мой ли муж прошел?»².

¹ Штернберг Л.Я. Избранничество в религии // Этнография, №1, 1927, с. 39.

² Мазалова А.Е. Народная медицина локальных групп // Русский Север. — СПб., 1995. — С.94.

Трудно поверить, но уже после Октябрьской революции, в 1925 году, в Олонецкой губернии произошел такой случай. В одну из деревень повадился ходить медведь, который загрызal скот. По совету старииков, «чтобы ублажить медведя», жители решили сделать «медвежью свадьбу», «девкой отделаться» — отдать медведю девушку «на совесть... как стары деды делали... самую раскрасавицу». По жребию выбрали девушку, одели в наряд невесты и, несмотря на ее сопротивление, отвели в лес к медвежьему логову, где привязали к дереву: «*Не осуди, Настюшка. Ублажай медведюшек. Заступись за нас, кормилица, не дай лютой смертью изойти!*¹.

О большей благосклонности медведя к женщине, чем к мужчине, и о том, как этот умный зверь может «завести» человека в лес, а иногда и «вывести» заблудившегося, свидетельствуют другие «рассказы». «*За ягодами ходила одна баба, заблудилась и наткнулась на медведя. Испугалась и стоит. Медведь поглядел (на нее), пошел вперед. Она стоит. Он ей головой мотнул (чтобы шла за ним), а сам пошел. Пошел и пошел. Баба пошла за ним, — так и вышла из леса.*» «*Одне бабы пошли за ягодами и разошлись по лесу. Вот одна набрела на медведя. Как заревет да побежит от него, а он за ней, у ей подол поднялся по грудь — она и упала. Он остановился, плюнул и пошел дальше.*».

В отношении к медведю существовало еще одно, «суетение», касающееся его особого чутья к женщинам. Им до той поры не грозила опасность, пока медведь не учивал, что женщина беременна мальчиком. В противном случае грозный зверь обязательно ее «задерет», чтобы не появился будущий охотник, продолжатель враждебного рода: «*А то вот рассказывали еще, встретилась женщина с*

¹ Кривошеев. Религия славян. Древнейшее прошлое древнеславянского язычества // <http://kirsoft.com.ru/freedom/ksnews>

медведем в лесу. Он ее нюхал, нюхал и задрал. Верно, собиралась охотника родить».

На всем Русском Севере бытуют такие же поверья о том, что медведь опасен для беременной женщины, а также для женщин в период их mensis: «*По следу за беременной женщицой пойдет медведь, а если месячно, может напасть. <...> Женщина сполов нажала, беременная, он и расшивырял*»¹. Это было одной из причин, почему в этих местах беременных не брали в лес за ягодами или на покос, т. к. они могли привлечь к себе медведей и навлечь на себя беду.

Существовали различные приметы, связанные с этим зверем. На Русском Севере существует примета: девушке увидеть во сне медведя — к жениху. Хотя считалось, что видеть медведя вообще — к «фарту», к успеху, однако, появление зверя не в урочный час и не в привычном месте, рассматривалось как дурная примета. Если увидеть во сне медведя, который идет к тебе навстречу не сердитый, «а просто так идет», значит, найдешь друга. Наоборот, если увидеть во сне медведя нападающим, а себя прячущимся от него в какое-нибудь «глухое место» — к смерти.

По поверьям медведь очень не любит «насмешек» не только над собой, но и над своими собратьями. Если он не имел случая «задрать обидчика», все же «мстил» ему каким-нибудь образом. Нельзя смеяться над убитым медведем, т. к. «его товарищи задавят скотину или самого, кто смеялся». Снимая шкуру с медведя, приговаривали: «Не я тебя убил, тунгус тебя убил». Тунгус, в свою очередь, произносил те же самые слова, когда оснимывал медведя, только все сваливал уже на русского. Больше лишнего не говорили, «иначе медведь и без шкуры встанет и начнет виновного». Особо мстительным считался медведь

¹ Мазалова А.Е. Народная медицина локальных групп // Русский Север. — СПб., 1995. — С.94.

с белым «ошейником» — *муравъятник*. Боялись охотники сорокового по счету медведя. Застрелив 39 медведей, промышленник боялся *сорокового* медведя, говорил — роковой. Но, «если сорокового убил, опять будет бить тридцать девять, а сороковой опять страшит».

Всякое нападение медведя рассматривалось как факт его мести определенному человеку, в других случаях медведя якобы «Бог посыпает» для того чтобы «наказать человека за грехи». Старожилы говорили, «задрав человека», медведь «не съедает его, а забрасывает валежником».

А эту историю автор книги услышал в детстве на тоне Анфимово, что расположена на Зимнем берегу Белого моря, где его отец И.И. Леонтьев ловил семгу со своим напарником В.И. Седуновым. Невысокого роста, но крепко сложенный, Василий Иванович после службы в десантных войсках в 50-х годах подрабатывал разносной почты по тонским избушкам, коих насчитывалось в то время очень много на беломорском побережье. Была глухая и дождливая осенняя пора. Подкрепившись у рыбаков именно этой тони Анфимово, закутавшись от дождя в капюшон, Василий Иванович поднялся по чуть заметной тропинке на крутую гору, чтобы скорехонько добраться до следующей тони — Конь-Камень — идти берегом было невозможно, осенняя крутая волна наотмашь била в отвесную гору. Поднявшись наверх, он успел пройти немного, — огромной силы удар по спине свалил его на мокрый мох болота. Парня спасла от мгновенной смерти большая *кашалка* с грузом на спине и натянутый на голову капюшон брезентового плаща. Левая рука сразу онемела, кровь обожгла кожу. Он еще не понимал, кто его мог так огнеть, но затем последовали крепкие удары, которые больше приходились по огромной *кашалке* и одновременно воздух наполнился сильнейшим смрадом. Перепуганный парень наконец понял, что стал объектом нападения

большого медведя. А удары все сыпались и сыпались по спине, было такое ощущение, рассказывал папин напарник, что зверюга пыталась вбить меня в мох. Несмотря на страх, он не запаниковал. Золотицкого рыбака спасла впитанная с молоком матери сметливость, — он слышал от стариков, что в таких случаях надо притвориться мертвым. Наконец медведь немного успокоился и затих, прислушиваясь, дышит еще его жертва или надо продолжить избиение. Василий замер, чтобы не выдать себя. Затем почувствовал, что на заплечном мешке, голове и ногах появилось что-то сырое и мокрое, тяжесть которого стремительно возрастила, одновременно дышать становилось все труднее, — это медведь закладывал мхом свою жертву. Как известно, медведь никогда свежатину не потребляет, мясо должно быть обязательно протухшим. Закончив свою погребальную работу, медведь потихоньку стал удаляться. Второй раз от смерти спасла та же смекалка помора. Он не сразу вскочил и бросился бежать, как сделал бы любой на его месте, а остался лежать, не шевелясь еще некоторое время. И не зря, ведь через несколько минут хитрый зверь снова вернулся и стал прислушиваться — не дышит ли его «подопечный». Василий Иванович не струсили, выдержал и второй экзамен. Только после этого медведь как бы успокоился и пошел в ближайший лес прятаться от дождя. Минут через двадцать, истекая кровью и теряя сознание, Василий Иванович сумел выбраться из свежезаготовленной могилы и все же доползти до избушки, благо надо было спускаться под гору. Хорошо помним, как, затаив дыхание, мы слушали рассказ ныне покойного В.И. Седунова и с удивлением рассматривали огромный шрам на его руке, оставленный грозным зверем.

Каким бывает коварным и мстительным медведь, можно узнать из другого рассказа, но только уже жите-

ля Мезени (Архангельская губерния), записанного неизвестным государственным чиновником, побывавшим по долгу службы в тех местах в середине XIX века. Позднее эта былая появилась в одном из номеров дореволюционных «Архангельских губернских ведомостей»:

В декабре 1857 года, проезжая из Мезени в Усть-Цильму, я остановился в почтовом домике, при реке Мыле. Во время перепряжки лошадей, с любопытством стал я рассматривать устройство этого домика.

Внимание мое остановилось на его мебели, которую составляли стол и лавки из толстых досок, покрытые во многих местах глубокими рыхтинами. На мой вопрос о причине такого искажения грубой мебели, содержатель станции объявил, что медведь, зашедший окном в комнату, изгрыз ее. Сперва мне показалось довольно странным посещение медведем маленького домика через окно, но сомнения вскоре рассеялись. Окна почтовой комнаты не соответствовали величине строения: размеры их годились бы большому зданию. Поэтому я убедился, что в окно станции могут пролезать даже огромные медведи. Любопытство мое было затронуто, — и я пожелал узнать историю посещения медведем мыльской станции.

Предо мной стоял свидетель события — ямщик этой станции, государственный крестьянин Иван Саввинов Бобрецов, жительствующий по реке Мыле, в 5 верстах от станции, — вот его рассказ:

«В сентябре месяце 1849 года, утром, я взял с собой ружье, да топор и пошел из дома в лес, для промысла птиц и белки. Не доходя 100 сажен до почтового домика, увидал следы медведя, и потому поспешил в домик. Здесь затопил печь и хотел варить рыбу; вдруг собака залаяла. Я вышел на порог, и вижу медведя в 30 саженях, за рекой. Чтобы испугать зверя, стал я колотить в железо; а медведь поднялся на задние ноги и глядит на меня. Вот и нашло

на меня сомнение, вошел я в домик, запер двери у сеней и комнаты запорами и залез на сарай, чтобы рассмотреть хорошенъко медведя; но его уже не было: он в это время угнал мою собаку домой, к жилью. Немного спустя, вижу я, что медведь шагает обратно и прямо к домику. Обошел он вокруг стен, подошел к окну, оторвал ставни, выломал раму и влез в комнату. Здесь, все обнюхивая, заревел и с визгом стал ворочать стол, грызть лавки и бросаться в двери, но не мог сломить их, так как они были крепко уперты в стену анишугом, — все это я с крыши сарая в окно и вижу. Долго ярый зверь бушевал по комнате; потом через окно же вышел и, обежав вокруг домика, зашел окном в маленькую горенку, переворочал и наломал в ней все, что было, и, вышедши, схватил на дворе порожнюю бочку, потащил ее в лес и разбил всю на мелкие части. Я же все сижу неподвижно на крыше и гляжу, что же дальше будет. Опять идет медведь к станции; подошедши с той же стороны, оторвал ставню, выломал раму, влез в комнату, разбил третье окно, вылез с ревом и побежал по дороге на Мезень. Отбежавши с полверсты, остановился. В это время я сидел на сарае и видел всю его беготню и остервенение. Остановившись, стал он оглядываться и опять пустился к станции и прямо к сараю. Завидев меня, зверь заревел и стал бросаться на стену, и влез, было, под крышу: ухватился за тесину, но старый тес обломился и медведь упал. Злобно грызя, что попадало, он швырял, чем попало, ревел, визжал против меня; однако в другой раз влезть на крышу не пробовал, а зашел в маленькую горенку, потащил из нее в окно столик, изломал его и бросил. Потом закашлял и лег. Это было вечером. Полежавши немного, снова зашел в большую комнату, нашел там спрятанную мною провизию: хлеб, масло и птицу, разбил посуду, какая там была, согнул мое ружье и бросил его на пол. В комнате притаивал свои шаги, и

перед утром выбежал через окно. С рассветом я потерял его из виду; реву было не слышно. Что делать не знал я и сам. Долго высматривал и прислушивался во все стороны, стучал по крыше, но нигде не было ни шороху. Вот я помолился Богу, да и спустился с сарая, зашел осторожно в комнату, высмотрел там разорение, потом поспешил к речке на лодку, и отправился домой.

В это время медведь ходил в промысловую избушку, в 3-х верстах. У этой избушки выгрыз угол и, зашедши в нее, съел хлеб и сухари промышленников, сорвал со спиц невод и унес медный котелок. Невод найден в 5 саженях от избы; котла же не нашли, знать, бросил в воду.

В этот день медведь снова явился в мыльский станционный домик, разбил в сенях баклажку с рыбой и съел ее с пуд. Отсюда зверь пошел к мыльской деревне; но, не доходя до нее одной версты, остановился у речки, близ яза (закол в реке) и, по замечаниям наших промышленников, пробыл там три дня.

Возвратившись с мыльской станции домой, я рассказал об этом происшествии отцу и братьям своим. После рассказа, отец мой, Савва, сказал мне: «Я бы не боялся медведя, стрелял бы его с избы. Зачем ты из избы ушел, да еще оставил свое ружье?»

Через три дня, 70-летний отец мой, рано утром отправился из дома в лодке, за версту от селения, забить язы на рыбу. Наступил полдень, старик не возвращался домой. Вот послали 14-летнего сына его Василия, звать отца к обеду. Мальчик вскоре возвратился и говорит, что отца не нашел; а около яза, у берега, видел его шапку и рукавицы, кровь и медвежий след. Тут старшие братья мои, Иван и Петр, взяv ружья, отправились отыскивать отца, на то место, где он забивал язы. Здесь они усмотрели кровь и следы медведя, с признаками, что по ним, на 20 саженей, был тянут человек; потом увидели и медведя

над останками отца... Зверь, увидав при них собаку, погнался за нею. В это время, братья, с подоспевшими крестьянами Вожгорской деревни Фомой и Анисимом Ляпуновыми, убили медведя, сняли с него шкуру, а мясо бросили; потом собрали растерзанный на части прах отца, — и кости его зарыли в землю и донесли Лебскому волостному правлению».

Здесь прервался рассказ Бобрецова рыданием и сильным волнением его могучей груди. Его жилистые руки то хватались за сердце, то закрывали глаза, полные горьких слез. Мое безмолвное внимание к его рассказу в эту минуту сменилось безмолвным участием к его горести. Сердце мое крепко сжалось, я глядел на Ивана без мысли. Наконец тяжело и безболезненно вздохнул Иван, перекрестился, прошептал крестную молитву за уткой души и стал продолжать рассказ:

«Вот видите ли, какова наша охотничья жизнь! Всяка доля или судьба бывает. Покойник, старик наш, в свой век сам свалил более сотни медведей, а прочему зверю счету нет; ан пришлось на 71 году и собой накормить голодного зверя!...»

* * *

У жителей Олонецкой губернии, по замечанию Н.Н. Харузина (1889), было неоднозначное отношение к медведю: в одних местах его (в Пудожском уезде, Купецкое озеро) считали нечистым, жители к нему относились крайне враждебно, награждая его эпитетом *окаянный*. Совсем другое говорили в Кенозерье: «Медведь от Бога». Почти во всех местах уезда, пишет он, можно услышать, распространенный по всей России рассказ, что «*медведь прежде был человеком и обращен в медведей вместе со своей женой, по приказанию которой он слишком надоедал прошибами чудодейственной липе, которую не стал рубить, ус*»

тупив ее просьбе — за это липа обещала ему исполнять его желания. Но, пожелав по настоянию жены, чтобы все люди их боялись, старик и жена его были обращены в медведей». Передали ему еще одно предание о происхождении людей от медведей: «У моря люди живут, они такто ничего себе, да вдруг зло и сделают. Свадьба раз была, они и обратили всю свадьбу в медведей. Оттого медведи и пошли»¹.

Кстати, очень интересен древний обычай переряживание медведями в свадебных обрядах, существовавший не только у русского народа, но и у наших соседей-скандинавов. Так, в Швеции, в северной части Даларнэ, сам термин *жениться* передается через *björnas* и буквально переводится как — *обмедведиться*. Старинный свадебный обряд в ряде районов Швеции включал в себя особыю игру, в которой участвовал ряженый медведем человек с привязанной на шее бутылкой водки или брусничного сока; его ловят и «пьют его кровь» (т.е. водку или сок). При этом новобрачные сидели на медвежьей шкуре, как и гости — парами на шкурах. У саамов новобрачные обычно тоже сидели на медвежьей шкуре и их самих называли *медведями*. Шведский ученый Н.Е. Хаммарстед (1913) справедливо видел в этих обрядовых играх отражение тотемических верований, одновременно подчеркивая исключительную близость русских и скандинавских пережитков. Здесь отражаются «очень архаические представления тотемического порядка, когда медведь считался предком данного рода». В шуточной игре, когда ряженые медведем валят девушек на пол и пачкают сажей, может быть, «следует видеть отзвуки символического игрища, воспроизведившего брак медведя и женихи»².

¹ Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. — М.: Б.и., 1889. — С.53—54.

² Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Этногенез восточных славян. Т.1. — МИА СССР. — №6. — М.-Л., 1941. — С.67.

В отношении к медведю у жителей Олонецкой губернии, подметил Н.Н. Харузин, проскальзывает «какое-то смутное представление о его сверхъестественной силе, о том, что он зверь не простой». Медвежьего мяса здесь не ели и, обычно, сняв со зверя шкуру, закапывали его тушу. «Даже страшно есть» — говорили местные жители путешественнику. В этих отношениях к медведю, уверял Харузин, «нельзя не усмотреть робкого переживания древнего культа медведя, столь распространенного у многих народов <...> Какое-то смутное чувство говорит местному жителю, что медведь не чета прочим зверям и, не помня происхождения этого верования, он таит его у себя <...> и хранит этот обломок старого культа»¹.

Убитый медведь, по представлениям сибирских крестьян, мог помогать людям в их борьбе с нечистой силой. В конюшне было принято хранить отрубленную медвежью лапу, а дом, конюшню, хозяйственные постройки очищивать медвежьей шерстью. И сегодня охотники, как и прочие селяне, считают, что медвежатина обладает лечебными для человека свойствами², т. к. его мясо считалось, по словам старожилов, «здравым». Салом натирались от простуды, а смешивая его с молоком, лечили чахотку (туберкулез). Медвежье сало при смазывании целебно действовало на раны. Лечебными свойствами обладала и медвежья желчь. Медвежьей лапой царапали вымя коровы, когда она долго не доилась³.

Уже в наше время, в середине 90-х годов, этнографической экспедицией из С.-Петербурга, побывавшей в Ке-

¹ Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. — М.: Б.и., 1889. — С. 54

² Болонев Ф.Ф., Фурсова Е.Ф. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири.

³ Попова А.М., Виноградов Г.С. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Советская этнография, №3, 1936.

нозерье (Каргопольский р-н Архангельской области), у местного населения отмечено существование лечебных обрядов, в которых использовался коготь медведя. Когтем либо выцарапывается болезнь, либо он использовался в качестве оберега, — якобы болезнь «боится» острого, твердого когтя. Считается, что кровь лошади из расцарапанной медвежьим когтем ранки «выносит болезнь». Чтобы избавить ребенка от «родимца» (сильное нервное заболевание с потерей сознания и судорогами), его моют с медвежьего когтя. Еще раньше через медвежью челюсть протаскивали больного ребенка. В Кенозерье коготь медведя использовался также при лечении кожных заболеваний: «Чирей вышел, медвежий середний коготь старики раз обведут, чтобы дальше не пошел — сохнет». У жителей Ваги от грыжи поили медвежьей желчью, у кенозер от болезни горла поят «с катыка» медведя. Повсюду на Русском Севере, как и в Сибири, медвежьим салом лечат раны и ожоги¹. Салом натирались от обморожений, ревматизма и других болезней, мазали лоб, чтобы иметь хорошую память. Считалось, что съевший сердце медведя, может исцелиться разом от всех болезней.

По воззрениям русских Сибири, глаза медведя обладают особой магической силой. Убитого на охоте медведя вынимали глаза, укладывали отдельно, затем варили и съедали. Известно их использование в качестве оберега. Местные старожилы из Иркутской области рассказывали: «К зыбке весили. Сушили и весили. Вот рябенок, говорели, будет как медведь, чтоб не боялся ничего. Смелый был». По другому поверью, глаз медведя исцеляет человека, которого «бьет родимец»: «если долго носишь глаза медведя, там вшины в теплогрейку ли куда ли там, лечит, говорят,

¹ Мазалова А.Е. Народная медицина локальных групп // Русский Север. — СПб., 1995. — С.95.

родимец лечит». В Сибири также известно употребление медвежьей желчи в качестве лекарственного средства. Ее считают эффективной при «слабых легких», при желтухе, при нарывах, язвах и т.д. Обычно медвежью желчь растворяли в воде небольшими частями: «Половинку чайной ложки сухой желчи на полстакана воды кипяченой. И вот по одной, по две ложечки и пей. Тока до еды пить надо. Две-три недели попить так, и все. Помогат». Некоторые делали водочный раствор желчи. При этом рекомендуют соблюдать соотношение 1:5 или 1:10. Назначали желчь и детям, страдающим грыжей. Широко использовали желчь медведя при лечении различных опухолей, одышки, кашля и «грудных» болезней. Более того, русские считают ее хорошим кровоостанавливающим средством. При ожогах пьют медвежий жир, а также при кашле, особенно «хорошо ребятишкам от бронхита, при простуде»¹.

¹ Медведева Г.А. Русская охота на медведя в Сибири // Тайга, №1-2(4), 2003.

Глава 4

«МЕДВЕЖЬЯ ПОТЕХА» НА РУСИ

С древнейших времен в России, особенно в Поволжье, известна одна русская забава — *вождение медведя скоморохами*, свидетельствующая о почитании этого священного зверя. *Медвежья потеха* или *медвежья комедия* издавна принадлежала к числу наиболее любимых и распространенных русских забав. Заключалась она в пляске и в подражании медведями разным действиям человека, которые они выполняли по требованию *поварчика*. И это мы сейчас можем увидеть в любом цирке.

Однако в прежние времена медвежья потеха носила более глубокий смысл, связанный с верой во всеведение медведя. Так в Калужской и Тульской губерниях в начале прошлого столетия считали, что тот двор *чистый*, у которого медведь сам остановится, а куда он не идет, упирается — тот несчастливый дом. Если на дворе «не-благополучно» (скотина болеет и чахнет), то в этот дом звали *поварчика* с медведем. Если около ворот медведь начнет реветь и рыть передней лапой, значит, «для скотины во дворе нехорошо». В том месте, где он роет, надо поискать и «обязательно находят либо кость, либо волоса какие человеческие». Значит, это «со зла сделано», *наведено*. Вещи эти — *наговоренные*. Их либо сжигали, либо просто выбрасывали, и скотине сразу «лучшало». Считалось, что только медведь может найти закопанный *наговоренный* предмет, обыкновенному человеку ничего не

отыскать. Затем медведя звали в середину двора к заранее приготовленному столу с угощением — ковригой хлеба и бутылкой вина. Медведь угощался этим, а поводчик получал 5 рублей. За ночевку с медведем по деревням в прежнее время ничего не приходилось платить, наоборот, крестьяне «зазывали поводчика на драку, закликали на перебой», только бы согласился переночевать со зверем. Где строилась новая изба, — туда пускали медведя, где больной лежал — в ту хату его водили. Вера в исцеляющую силу медведя даже до войны еще не была изжита в русской деревне: старики, у которых болела脊, обращались к поводчику с просьбой: «Да потоптай, батюшка, спину». *Медвежник* шел к старику на дом, больной стелил на полу дерюгу, ложился на живот лицом книзу, и по приказанию поводчика медведь послушно топтался у него на спине в продолжение нескольких минут, пока старики не закричит: «Будет, больше не могу!». За этот своеобразный «способ лечения», называемый в народе «спину топтать», поводчик (*медвежник, ведмежник*) получал соответствующую плату¹.

Медвежья комедия появилась очень давно, однако, с принятием христианства эта забава стала жестоко преследоваться церковью, «влачающая медведи» (поводчики) вызвали резкое осуждение священства уже в ранних списках Кормчей книги — сборнике церковных законов на Руси 1282 года.

При дворе Ивана Грозного *медвежья комедия* служила царской потехой. Особенно любил Иоанн Васильевич *медвежий бой*. Известен исторический факт, что при взятии Казани на его стороне сражался целый отряд из специально обученных 20 медведей.

¹ Шереметева М.Е. Вожаки медведей в Калуге // Сборник Калужского государственного музея, 1930. — С. 59—65.

К услугам медведей частенько прибегали, если нужно было, к примеру, в кратчайшие сроки срыть крепостные стены или еще какой погром учинить. Отсюда и пошло выражение — *медвежья услуга*.

После смерти Ивана Грозного медвежья потеха снова попала в немилость властей. Особенно яростная борьба с *медведчиками* развертывается, начиная с XVII века с воцарением Алексея Михайловича. В 1657 году митрополит Ростовский Иона в Устюжском и Усольском уездах, а также в Соль-Вычегде установил закон: «Чтоб отнюдь скоморохов и медвежьих поводчиков не было и в гусли б, и в домры, и в сурны, и в волынки, и во всякие бесовские игры не играли, и песней сатанинских не пели, и мирских людей не соблазняли»¹.

Осуждали медвежью потеху и старообрядцы, известный их идеолог протопоп Аввакум с гневом писал в своем «Житии», как гонял *поварников* медведей в селе Лопатицы Нижегородской области: «Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле»².

Но тем не менее увеселение это крепко продолжало держаться в народе. Медвежье вождение прекратилось в 70-х годах позапрошлого столетия. Вышел Указ о запрете забав с медведями, и всех ручных медведей сами хозяева должны были истребить. Убили тогда тысячи медведей. (Не отсюда ли начались все наши несчастья?)

¹ Народный театр: Библиотека русского фольклора. Т.10. — М., 1991 — С. 40.

² Народный театр: Библиотека русского фольклора. Т.10. — М., 1991 — С. 493.

Один такой случай описан в рассказе русского писателя В.М. Гаршина (1855—1888) «Медведи»: «С четырех уездов сошлись цыгане со своим скарбом, лошадьми и медведями. Больше сотни косолапых зверей было собрано на городском выгоне, чтобы устроить разом большую казнь. Цыгане с ужасом ждали решительного дня, когда им придется перебить своих кормильцев... Они в последний раз совершали свой поход по деревням, ... давая в последний раз свои представления.

Настало пасмурное, хмурое, настоящее сентябрьское утро. Цыгане потеряли всякую надежду, а женщины забились в шатры вместе с ребятишками, чтобы не видеть казни. Мужчины откатили к краю становища телеги и привязывали к ним зверей. Старик Иван стоял возле огромного старого медведя: «И вот я убить тебя должен... Приказали мне застрелить тебя своей рукой; нельзя тебе больше жить на свете. Что же? Пусть Бог на небе рассудит нас с ними». Он взвел курок и прицелился в зверя. И медведь понял. Из его пасти вырвался жалобный отчаянный рев; он встал на дыбы, подняв передние лапы и как будто закрывая ими себе глаза, чтобы не видеть страшного оружия...

По всему табору затреячили выстрелы. Один медведь сорвался с цепи и понесся прочь к лесу. За ним — толпа преследователей. Несчастный забился в самую глубину кустов, рана от пули сильно болела; он свернулся в комок, уткнув морду в лапы и лежал неподвижно, оглушенный, обезумевший от страха, лишившего его возможности защищаться. Его убили поздно вечером, выгнав из убежища огнем. Всякий, у кого было ружье, считал своим долгом всадить пулю в умирающего медведя, и когда с него сняли шкуру, она уже никуда не годилась».

После Октябрьской революции все царские указы потеряли силу, медвежий промысел возродился снова, хотя, может быть, не в таких масштабах. В 30-х годах прошлого века вожаков медведей можно было еще увидеть в деревнях Калужской и соседних с ней областей, которые, вероятно, являлись последними носителями стаинного русского обычая и прямыми потомками скоморохов древней Руси.

Глава 5

МЕДВЕДЬ В ГЕРАЛЬДИКЕ ГОРОДОВ РОССИИ

У каждого города России, независимо от его размеров и числа жителей, его населяющих, имеется своя эмблема — герб. Некоторые гербы, особенно у старинных летописных городов, существуют с незапамятных времен, и в большинстве случаев попытки их расшифровки нередко заводили в тупик не только обывателей, но и профессиональных историков.

Земельные эмблемы существовали на Руси с глубокой древности. Это были личные, семейные родовые, племенные отличительные знаки, которые, в том числе, являлись знаками, обозначающими территорию. Издревле в народе было принято простейшими знаками — точками, черточками, зарубками — метить коров и лошадей, пчелиные улья, гончарную посуду; охотники метили добытую пушнину и т.д. Постепенно простейшие знаки усложнялись, менялся их смысл, многие из них стали эмблемами княжеского рода, владеющего определенной территорией, стало быть — и эмблемой этой территории. Такие же изменения происходили со знаками общиными, которые превращались в эмблемы сел и городов, где проживали члены данной общины. Часто стали применять изображения животных, порой и мифических¹. И в первую оче-

¹ Николаев Ю.К. О русской геральдике и Гербе Пермском // <http://www.perm.ru/region/symbols/?print>

редь, на наш взгляд, использовали при этом свой родовой знак — тотемное животное, изображение которого переходило в роду из поколения в поколение в виде кремневых фигурок в неолите, а затем — глиняных и деревянных скульптурок, в бронзовом литье — в более поздние времена, пока окончательно не закрепилось в символике города — гербе.

Около полутора сотен лет назад автор двухтомного труда «Русская геральдика» Александр Борисович Лакиер (1825—1870) указал, что происхождение символических фигур в гербах князей и городов «загадочно и необъяснимо» и осторожно высказался, что «при варягах» благородные туземные роды не были искоренены и влились в состав русской знати, наряду с потомством Рюриковичей, внеся, очевидно, свои родовые знаки; и тут же заметил, что гербы упрочились и получили общее распространение лишь в XVII веке, так как появление их было связано с образованием Московского централизованного государства, когда «...с образованием государственных идей, является ясная мысль о государственном гербе и гербах городских»¹.

Мы рассмотрим геральдическую символику лишь тех городов, в которых на гербе изображен медведь. И как ни странно, оказалось, что эти города располагаются как раз в тех местах, где были обнаружены следы древнего медвежьего культа.

Герб Ярославля, изображающий стоящего на задних лапах медведя с секирой на левом плече, — один из самых старых гербов. Он присутствует на тарелке царя Алексея Романова (медведь, идущий вправо с посохом), а в 1692 году, по свидетельству другого исследователя русской ге-

¹ Лакиер А.Б. Русская геральдика // Записки Русского археологического общества. Т. VII. — 1855. — С. 275, 309—310, 326.

ральдики Винклера, при изготовлении серебряной печати для Ярославской приказной избы, герб на ней был вырезан «по записной книге»: «Медведь, стоящий на задних ногах, с протазаном»¹. Более того, медведь фигурирует и в геральдике ярославского дворянства (Шаховские, Щетинины, Засекины, Львовы, Прозоровские) и стародубских родов (Гагариных, Хилковых, Гундоровых, Ромодановских)².

По поводу *протазана* — копья с плоским металлическим наконечником, возник спор, а что за оружие изображалось на гербе еще раньше? Как утверждает Н.Н. Воронин, в одной из «государственных» книг издания 1672 года это «оружие» своим странным очертанием больше напоминает о трезубце — родовом знаке Рюриковичей, только позднее этот трезубец сменился протазаном; тут же Воронин сделал любопытный намек на связь «священного зверя» ярославской «доистории» с эмблемой Рюриковичей³.

Ярославская область одна из тех, на территории которой сконцентрировалось большое количество городов и населенных пунктов, имеющих в своей символике изображения медведей. Из них можно выделить Борисоглебск (сейчас Тутаев), в эмблеме которого имеется «в серебряном поле — герб Ярославля, в венце из роз, в каждой розе поставлена одна буква названия города»; Пошехонье — «посредине в серебряном щите герб Ярославского Наместничества»; Рыбинск — содержит главную часть

¹ Винклер. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в «Полное собрание законов» с 1649 по 1900 гг. — СПб., 1899. — С. 8-9.

² Лукомский В., Типольт Н. Русская геральдика. — СПб., 1915. — С. 3.

³ Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Этногенез восточных славян. Т.1. — МИА СССР. — №6. — М.-Л., 1941. — С.69.

ярославского герба — «выходящего из-за реки медведя, держащего золотую секиру»; в гербе другого районного центра — Любима находится «выходящий медведь из зеленого поля, доказывая, что сей город принадлежит Ярославскому Наместничеству». И один город, расположенный уже в Калужской области, носит характерное название Малоярославец, поэтому «древний град Ярославль, имеющий в гербе своем медведя, подает причину и сему такой же герб предписать».

В гербе Новгородской земли изображены стоящие по бокам вечевой «степени» два медведя. Этот герб известен уже с XVI века: похожее изображение есть на печати Ивана Грозного. В высочайшем утверждении 1781 года провозглашено: «В серебряном поле златыя кресла с лежащею красною подушкою, на коей крестообразно с правой стороны скипетр, а с левой — крест, наверху кресла подсвечник с тремя горящими свечами, а по сторонам стоящие два медведя¹. Кстати, подсвечник также напоминает трезубец — древнюю эмблему Рюриковичей.

Существуют населенные пункты, гербы которых содержат главный элемент новгородской символики — двух медведей. Так, в Старой Руссе «в верхней части щита герб Новгородский, в нижней — железная сковорода, на которой варится соль». Еще два поселка Новгородской области имеют похожую символику, только у Демянска в нижней части герба показан хлебный сноп, а у Крестцов — две пересекающиеся дороги.

Столица Карелии Петрозаводск в своей главной эмблеме содержит, как и Новгород, изображение двух медведей, в нижней части — «три железных молота», свидетельствующих о рудных и плавильных работах, проводимых когда-то в этих местах. Несколько городов Вологодской

¹ Города России. Энциклопедия. — М.: Терра, 1998. — С. 305.

области, в отличие от своего областного центра, имеют в своей символике элемент новгородского герба — тех же медведей — это Череповец, Устюжна, Кириллов.

Примером того, как родовые изображения животных переходили от поколения к поколению, превращаясь затем из родовой эмблемы — своего тотемного знака — в эмблему огромной территории, является герб Пермской земли. На красном поле изображен «серебряный» медведь, на котором поставлено Евангелие в золотом окладе, а над ним крест, символизирующий принятие христианства. Гербовая эмблема «Пермская» с изображением медведя существовала на Большой Государственной печати Ивана IV, которая не сохранилась, а известна только по описанию 1880 года в книге «Снимки древних русских печатей». Изображение надписи «Печать Пермская» выполнено по кругу, в центре которого изображен стоящий молодой медведь. Высочайшим Указом от 17 июля 1783 года одновременно с основным символом Перми были утверждены гербы городов Чердыни, Соликамска, Кунгура, Осы и Оханска, как административных центров уездов, входивших в состав Пермской губернии. В гербах указанных городов «в верхней части щита герб Пермский» с медведем, а в нижней части: у Чердыни изображен олень, Соликамска — соляной колодец, Кунгура — рог изобилия, Осы — стоящий на дереве улей, Оханска — сети и мережи. Хотя во всех гербах городов их нижняя часть «означала изобилие промысла оными», однако, на наш взгляд, у города Чердыни изображен другой, широко распространенный на Севере, родовой тотемный знак — олень, которому в некоторых местах не в меньшей мере, а может быть, даже в большей поклонялись, чем медведю. У Екатеринбурга главный символ города содержит часть пермского герба — медведя, а также плавильную печь и «рудокопную шахту». В Свердловской области есть города,

содержащие такую же пермскую символику, т. е. в их гербах изображены медведи, а также другая живность: в Верхотурье — соболь, Красноуфимске — сокол, Камышлове — хлеб.

В Курганской области тоже имеются города с пермской символикой медведя, а в нижней части изображены: у Долматова — три золотых колокола, у Шадринска — куница. На наш взгляд, здесь отразились отголоски древнего культа почитаемых зверей и птиц, которые являлись тотемами своих племенных родов. Например, промысел куницы, наверное, не только в одном Шадринске изобиловал, он в значительной степени был развит по всему Северу, а вот почитание этого пушного зверька, не исключено, с незапамятных времен сохранилось только в здешних краях, поэтому именно куницу и отразили позже в своем гербе жители города.

И в заключение скажем, что в Саратовской области расположен районный центр под названием Вольск, в нижней части герба которого можно увидеть «лежащего в золотом поле медведя, каковыми зверями сия страна изобилует».

Глава 6

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ В РУССКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ И ПРАВОСЛАВИИ

У знаменитого путешественника В.Р. Арсентьева (1872—1930) есть такие слова: «*У истоков религиозного сознания превалировало такое представление о мире, когда звери были равны богам, боги — людям, а люди — зверям*». Здесь также уместно вспомнить и слова блестящего философа, социолога и революционера Г.В. Плеханова (1856—1918) по поводу мнения, высказанного в античные времена греческим философом Ксенофонтом (430—355 до н.э.): «*Ксенофонт ошибался, говоря, что человек всегда творит своего бога по образу и подобию. Нет, сначала он творит его по образу и подобию животного. Человекоподобные боги возникают лишь впоследствии... В религиозных представлениях людей долго сохраняются глубокие следы зооморфизма*». Т.е. зачатки религиозных представлений у человека связаны с тотемизмом, в частности, с почитанием животных.

Первобытному слабому человеку приходилось в силу необходимости считаться с могучими и сильными животными, намного превосходившими его своей мощью, с такими, например, как медведь, умилостивлять их, привлекать к себе. Вспомним русские сказки, где главный герой добивается успеха только в том случае, когда привлекает на свою сторону ряд животных, которые впоследствии «пригодились» ему. Наблюдая смерть животного, перво-

бытный человек верил, что из его тела, как и из тела человека, точно также должна выходить душа, которая продолжает жить на небе. Отсюда естественное почитание и умилостивление таких душ животных, признание за ними сверхъестественной, а стало быть, и божественной силы¹. Что позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что тотемизм является древнейшей первоначальной формой религии — верой в существование Бога или богов. И как результат обоготворения животных — появление вначале кремневых фигурок (тех же медведей) и позднее — литых изображений различных «звериных стилей».

Медведь же, один из самых почитаемых тотемов, постепенно превратился в мифическое существо и стал играть роль полубожества. Некоторые северные народы приписывали грозному зверю исключительно божественное происхождение, называя его «сыном неба, который оставляет небо вопреки отцу». В «медвежьих песнях», как уже упоминалось, называли медведя «сыном высшего бога, который по зависти низведен с неба на землю»². Иногда медведь означал само небо, олицетворяющее хозяина верхнего мира — бога.

Шло время, и пока дикий зверь внушал более почтения и страха, чем сам человек, — животное пользовалось божественным ореолом в глазах человека. Но по мере того, как человек развивался, появлялись орудия труда, которые выдвигали его вперед и давали преимущества перед животным миром, постепенно превращая его в «царя зверей», — в представлениях первобытного человека бог стал принимать все более и более челове-

¹ Трапезников В.Н. Чудские идолы и пермские боги // Атеист, №52—55, 1930, с. 78.

² Ядренцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири, №1, СПб, 1890, с. 110.

ческий облик. Однако старые зооморфные боги не сразу уступили свое первенство антропоморфным божествам, поэтому среди образцов звериного стиля и находятся фантастические изображения в виде людей со звериными и птичьими головами. Примером могут служить выплавленные из бронзы пермские человеческие фигуры с головой лося или птиц с человеческой головой на груди¹. Так шло врастание богов-людей в богов-животных. В конце концов, боги в человеческом представлении стали твориться по образу и подобию человека.

Поэтому в мифологических сюжетах медведь, только уже в образе «грозного космического охотника», обнаруживает тесную связь с небесным стрелком — громовником (у греков — это Зевс, скандинавов — Тор, славян — Перун, сибирских народов — Нуши-Торум, Нуум, Манга), представлявшийся северными племенами в медвежьем облике. Н.Л. Гондатти в отчете о своей поездке в северо-западную Сибирь в 1885 году приводит любопытную легенду, записанную им у сибирских народов: «Медведь небесного происхождения: он прежде жил на небе, и Торым только по усиленной просьбе медведя отпустил его на землю, которая нравилась ему своим разнообразием; но при этом Торым дал медведю приказ есть только тех людей и животных, которые в чем-нибудь провинились, в противном же случае он сам будет убит. Поэтому всякий, сознающий за собой грехи, дрожит при встрече с медведем и убить его может только человек, свободный от грехов и угодный богам»².

¹ Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии. Т.VIII — СПб, 1906.

² Гондатти Н.Л. Предварительный отчет о поездке в северо-западную Сибирь. Годичное заседание комитета для устройства в Москве музея прикладных знаний, 30 ноября 1887 г. — Москва. — С.111; Теплоухов Ф.А. Древности Пермской земли в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т.II. — 1893. — С.50—51.

Кстати, по убеждению знатока древней религии славян А.Г. Глинки, главное дохристианское божество Перун происходит от слова Торым или Торум, которое «на сарматском языке» (финно-угорском) означало *всевышнее существо, бог*. Фигура сего божества была сделана из разных материалов: туловище из дерева, голова вылита из серебра, а уши и усы изваяны из золота; ноги выкованы из железа; в руке держал нечто, похожее на молнию, которую представляли драгоценные камни — рубины и карбункулы. Перед ним постоянно горел огонь, «за не-брежение коего» жрец-волхв наказывался смертной казнью — сожжением на костре. Перун особо почитался, по утверждению А.Г. Глинки, в Киеве и Новгороде. В честь этого божества было сооружено несколько храмов и большое количество *кумиров* (изваяний). Особенно выделялись «божницы» — одна в Киеве, «над Боричевым потоком», построенная князем Владимиром, а другая в Новгороде — воздвигнутая его дядей Добрыней, направленным им туда посадником или наместником. По принятию Русью христианства эти храмы были разрушены, так же, как и кумиры Перуновы¹.

Бог грозы (грома) Перун, главным оружием которого были упомянутые выше *громовые стрелки (стрелки перуновы)*, выступал иногда в виде богатыря Ивана Медведка — главного героя русских народных сказок: от головы по пояс он был человек, а нижняя половина — медвежья².

Вторым по значению после громовержца Перуна был славянский скотий бог Велес или Волос. В древнейшие времена Велес считался звериным богом и принимал облик медведя. В наступивший период политеизма (много-

¹ Глинка Г.А. Древняя религия славян. — Митава, 1804.

² Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. писатель, 1995. — С.197.

божия) бог Волос-Велес в какой-то степени продолжал выполнять функции тотема, связь которого с самим медведем-тотемом прослеживается весьма убедительно. Лучшим подтверждением служит тот же ритуальный топор с головой медведя, найденный в Ростове, где около тысячи лет назад было капище Велеса-Волоса, и на месте которого позднее построили христианский храм святому Вла-сию. Медвежья лапа, оберегающая крестьянский двор, называлась «скотьим богом», а в русских летописях эту же роль выполнял Волос-Велес.

За покровительство домашнему скоту Волосу, после Перуна, «воздавалось величайшее почитание». Скот долгое время был главным богатством наших пращур, поэтому вплоть до средневековья слово *скот* означало не только домашних животных, но также и имущество, деньги, богатство, в результате чего Велес стал считаться также богом богатства, торговли, плодородия и т.п. Кроме того, Велес в народной традиции издревле наделялся еще одним свойством — связью с миром мертвых; в древности он, вероятно, даже считался повелителем загробного мира. При этом Велес, покровитель скотоводства, земледелия, торговли и ремесел, противопоставлялся громовику Перуну как богу не только грозы, но и битв, покровителю воинов, княжеской дружины. В отличие от Перуна, считавшегося «выспренним богом», «вне земли находящимся», Волос-Велес относился к богам земным, был «покровительствующий скоту»¹.

Упоминает имена Перуна и Велеса первый летописец Нестор: «А Ольга водиша и мужий его на рому; по рускому закону клашася оружьем своим, и Перуном богом своим, и Волосом — скотьим богом». В договоре Святослава I Игоревича (940—972) с греками говорится о тех

¹ Глинка Г.А. Древняя религия славян. — Митава, 1804.

же богах, которым они поклонялись: «*Да имеем клятву от бога, в него же веруем, в Перуна и в Волоса, скотия бога*»¹. В знаменитом древнерусском произведении «Слово о полку Игореве» указывается, что вещий Боян был внуком Велесовым.

После принятия христианства на Руси эти языческие кумиры были свергнуты князем Владимиром I Святославовичем (?—1015) и его подвижниками. В житии св. Авраамия Ростовского упоминается, как тот, поселившись близ Ростова, сокрушил своим жезлом каменный идол Велеса, которому поклонялся Чудской конец города². Во многих местах Руси до принятия христианства в честь этого *домашнего скотьего бога* сооружались многочисленные божницы и капища³.

Волос-Велес связан с почитанием медведя. Однако существовали и другие мнения. Известный филолог и этнограф И.И. Срезневский (1812—1880) признавал Волоса под именем *бога-солнца* и сравнивал его с греческим божеством Аполлоном. Такую же мысль высказал князь П.А. Вяземский (1792—1878), сближая слово Велес с греческим *гелиос* — *солнце*. Хотя с ними и не согласился известный знаток русских сказок и литературовед А.Н. Афанасьев (1826—1871), на наш взгляд, все же в их предположениях имеется рациональное зерно. По мнению специалистов, тотемическая идеология прошла последующие стадии развития: первенство зверя, затем — солнца или неба, и в заключение — человека⁴.

¹ Полное собрание Русских летописей. Тт.1—12; Новгородская Карамзинская летопись. Т.42. — СПб.: Д. Буланин, 2002. — С. 41.

² Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. писатель, 1995. — С.197.

³ Глинка Г.А. Древняя религия славян. — Митава, 1804.

⁴ Древние племена Восточной Европы. Путеводитель Эрмитажа. — Л., 1978 — С. 92.

Выше говорилось, что северные народы почитали медведя, как *сына неба*, иногда он означал само *небо*, почему тогда бы не сравнить его и с *солнцем* — светилом, дающим свет и жизнь, появление которого было особенно дорогим и желанным после окончания долгой полярной ночи. Ведь хорошо известен среди славян праздник *комоедицы*, отмечаемый 24 марта, как весенний праздник пробуждающегося после зимней спячки в берлоге медведя. После ритуальных трапез участники этого обряда одевали вывороченные шерстью наружу шубы и тулупы, ложились и перекатывались с одного бока на другой, имитируя движения просыпающегося медведя. Все это делалось для того, чтобы медведь легко встал из своей зимней берлоги. Оживание природы и появление солнца после долгой полярной ночи олицетворялось с медведем — древнейшим объектом почитания северных народов, с его весенним пробуждением от зимней спячки¹.

С медведем связаны другие календарные приметы. Считается, что на Воздвижение (27 сентября) медведь ложится в берлогу; среди зимы, на Ксению-полузимницу (6 февраля) или на Спиридона-солнцеворота (15 декабря) он поворачивается в берлоге на другой бок, а встает после зимней спячки на Благовещение (7 апреля).

* * *

Следы культа Велеса сохранились по всему русскому Северу, где встречались его статуи (*кумиры, болваны, идолы*) и народ сохранил память, воплощенную в былинах и сказаниях, о существовании в давние времена на северной земле какого-то крупного святилища Велеса. Имя этого бога засвидетельствовано многочисленными капи-

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1981.

щами Волоса-Велеса в Поволжье, на Ростовской и Ярославской землях. По мнению ученых, функцию охранителя домашнего скота медведь здесь обретает во 2 тыс. до н.э., когда в среду местного охотничьего населения вторглись племена скотоводов фатьяновской, абашевской археологических культур, которые нами рассматривались выше. Пришельцы ассимилировались среди аборигенов здешнего края, но принесли им свои обычай и верования. Вероятно, от индоевропейцев-фатьяновцев было унаследовано имя божества Волос-Велес, скотий бог в русском летописании¹.

Имя это встречается в географических названиях некоторых местностей, больше на северо-западе России — Волосово, Волосовичи, Волосское, Волосов, в Новгороде существовала Волосова улица. По мнению Н.Н. Воронова, кульп Велеса был, по всем данным, племенным культом новгородских славян. Вероятно, и в Поволжье, тесно связанном с северо-западной колонизацией, этот кульп принадлежал той части языческого славянского населения, которая была пришлой².

В «Сказании о построении града Ярославля», в частности, говорится: «*И се бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы, поганыя веры — языцы зли суще... Идол же кланястасе сии, бысть Волос, си-речь скотий бог*». Идол Волоса стоял среди Волосовской логовины, где находилось святилище, горел жертвенный огонь, совершались обряды и жертвоприношения. У жителей Медвежьего угла особым почетом и уважением пользовался волхв, отправлявший все эти обряды³. А о медве-

¹ Комаров К.И. Древние боги Ярославской земли // Интернет.

² Воронин Н.Н. Медвежий кульп в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. IV. — Ярославль, 1960. — С. 6; Этногенез восточных славян. Т.1 — №6. — М.-Л.: МИА СССР, 1941.

³ Дубов И.В. Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси (IX—XIII вв.) // Вопросы истории, №5, 1990, с.15—27.

де, которого особо почитали здесь, и с которым сражался князь Ярослав, уже говорилось.

Имя древнерусских жрецов — *волхвы* — происходит от слова *ворохатый* — это еще одно табуированное название медведя. Не исключено, что волхвы совершили свои магические обряды именно в медвежьей шкуре — *медведине*. Сам скотий бог Волос-Велес, в свою очередь, произошел от слов *волосатый*, *велесатый*, *ворохатый* — такого же многочисленного потаенного имени грозного зверя.

С Велесом связано созвездие Плеяд, одно из названий которых были Волосыни, то есть жены Волоса, и сияние которых предвещало удачу в охоте на медведя. Знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин (?—1474) упоминает Волосыни в своих записях: «*На Великий же день Волосыни да Кола в зорю пошли, а Лось головою стоит на восток*». Здесь Кола — одно из русских названий созвездия Большая Медведица, представляемая в виде повозки, а Лось — архаическое название Полярной звезды¹.

Волосу наряду с покровительством скоту придавалось значение бога, помогающего трудам земледельцев. Существовал восточнославянский обычай оставлять в дар богу несжатым несколько пучков колосьев. Жницы на Руси отправлялись в поле всегда с песнями. Одна из них, захватив пучок колосьев, завивала (закручивала) его на корню, а потом перегибала или заламывала его в какую-нибудь сторону и никто не смел тронуть его. Это называлось *завивать Волосу бороду* или оставлять, дарить на бороду куст золотистых колосьев². Издревле существовал такой обычай, перед началом жатвы первые созревав-

¹ Мифологический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1991. — С.128.

² Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. писатель, 1995.

шие колосья посвящались Волосу, а еще раньше — своему тотемному божеству — медведю.

На Севере, в Архангельской губернии существовал почти такой же обряд. Когда заканчивалась уборка хлеба, последние несжатые колосья связывались на корню, и сноп этот украшался цветами. Выражение *завить бороду*, т.е. убрать хлеб, закончить заготовку сена, выкопать картофель, сохранилось до сегодняшнего дня. Просто многие не знают, почему иногда люди после уборки урожая от радости в исступлении кричат: «У меня борода!», — и молодежь с испугом смотрит на кричащую женщину, не понимая, откуда у нее появилась мужская поросль...

* * *

Продвигаясь с юга на север, проповедники христианской веры начали яростную борьбу с языческой религией и заодно с кумирами, болванами, идолами, как внешней обрядовой ее стороной. Однако победить систему старых религиозных представлений они не смогли. Новая религия стала врастать постепенно в старую и приоравливаться к ней, места языческих богов заняли новые божества в образе святых угодников и пророков. В результате крещения Руси культ языческих богов был заменен культурами христианских святых.

Вместо свергнутого Перуна святой Илия-пророк стал «при езде на колеснице греметь, молнии пущать по облакам». От св. Илии, по народному убеждению, зависели росы, дожди, град, засуха; он считался производителем урожаев. В день, посвященный этому святому, отмечавшийся 20 июля по старому стилю, начинали зажинать рожь, т.е. вязали первый сноп, обмолачивали, приготовляли из зерна хлеб и приносили в церковь для освящения.

В некоторых местах столетиями сохранялись обряды, связанные с жертвенными приношениями, совершающиеся некогда в честь Перуна. Вся волость собиралась на Ильин день к церкви; сгоняли туда рогатый скот и после обедни выбирали одно животное, за которое платили сообща хозяину деньги, потом закалывали его, варили мясо и раздавали по кускам за деньги; выручка же шла на церковь. Не быть на этом празднестве и не получать священного мяса — считалось за большой грех. В Пермской губернии, по словам И.И. Лепехина, устраивали на Ильин день обед на мирскую складчину, убивали быка и теленка и съедали их всей общиной¹.

Языческий скотий бог Волос-Велес был заменен другим покровителем скота — христианским святым Власием Севастийским, имя которого даже фонетически сходно с именем Велеса — Влас. В день, посвященный его памяти (11 февраля — по старому стилю и 24 февраля — по новому), русские люди молили св. Власия о сбережении домашнего скота, пригоняли коров к церкви, служили молебен, окропляли их святой водой и давали им есть специально приготовленные пышки с молочной кашей, чтобы коровы были с хорошим удоем. Тогда же приносили в храм коровье масло и клали в дар перед иконой св. Власия. Народная поговорка гласила: «У Власия и борода в масле»². Оно так и называлось — *воловое* масло или просто *волога*³, посему не трудно сделать заключение, что это название имеет глубокие архаичные корни, и произошло от слова Волос. Для предохранения домаш-

¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. писатель, 1995. — С.241.

² Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. писатель, 1995.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. — М.: Тип. Терра, 1998. — С.573—574.

него скота от болезней и несчастий в коровниках ставили икону св. Власия, — т. е. образ русского святого играл ту же роль, что и медвежьи обереги для скота в виде лап, когтей и черепов, развешиваемых в хлевах.

С утверждением христианства кульп Велеса был частично смещен и культом самого почитаемого на Севере святителя Николая Чудотворца (Мирликийского). На это указывают многие народные обряды и поверья. Например, св. Николай, как и языческий Велес, считался покровителем земледелия и плодородия. Кроме того, и Велес, и Николай были связаны с водной стихией и считались хозяевами как земных вод, так и загробного мира мертвых. По русским поверьям путь на *тот свет* лежал именно через воду, реку. На святителя Николая было перенесено древнеязыческое представление о морском боже: в житии его рассказывается о чудесах, совершенных им на воде; молитвами же своими Никола-Угодник мог умирять волнения и затихать бури.

В народных поверьях св. Николай почитался «на море существом правителем» и мореходы, молившиеся Угоднику о защите от бури и потопления, порой приносили ему жертвы как языческому божеству. На Онежском озере в день Николы Мокрого старики-рыбаки делали из соломы человеческое чучело и в старой лодке отправляли по озеру, прося Николу Морского принять чучело-жертву для озера. Не исключено, что в древности подобные жертвоприношения посвящались водяному божеству, причем жертвы, судя по чучелу, могли быть человеческие¹.

Большую часть своих прежних языческих верований в добрых и милостивых богов народ перенес именно на святителя Николая, равно как верования в богов грозных и карающих — на Илию-пророка. Храмы его часто ста-

¹ Никола Зимний — <http://express.irk.ru/gazeta/nomer/4/ss.htm>.

вились русскими купцами, мореходами и землепроходцами, почитавшими чудотворца Николая покровителем всех странствующих на суше и на море. «От Холмогор до Колы — тридцать три Николы» — говорили поморы, идя на рыбный промысел на Мурман. Эта народная поговорка тонко подметила наличие множества храмов Святителя, построенных на Севере. Русские мореходы нередко хранили у себя икону Николы-Угодника и в случае опасности выносили ее на палубу, молясь святителю об избавлении от кораблекрушения и бури. Земледельцы же истари молились святому Николаю об урожае, о большом приплоде скота и всеобщем благополучии.

Дважды в году (9 мая и 6 декабря — по ст. ст., 22 мая и 19 декабря — по н. ст.) народ чествовал Чудотворца — Николу Вешнего и Николу Зимнего. Один раз — весной, когда у крестьянина начиналась страда, полевые работы; второй — зимой, когда у него все главные дела закончены, плоды трудов все собраны, наступала пора отдыха и ожидание рождественских праздников¹.

Особенное почитание святого Николая у русского народа подметили иностранцы, бывавшие в России. В своих воспоминаниях они неоднократно отмечали, что русские воздают Николе поклонение, приличествующее самому Богу. Например, Александр Гваньини, путешествующий по России в 1578 году, заметил, что русские, между святыми особенно почитая св. Николая, едва не воздают ему божеских почестей; во имя его воздвигают они особые храмы и рассказывают о нем много чудесного².

¹ Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мурликийского и слава его в России. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — С.630—631.

² Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мурликийского и слава его в России. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — С.455.

По свидетельству очевидцев, русские в XVI—XVII вв. избегали давать при крещении имя Николай, подобно тому, что невозможно было окрестить ребенка в честь самого Иисуса. У русских людей существовало своеобразное табу на его имя, они «даже избегали в разговоре упоминать само имя Николай — все из того же крайнего почтения к Святителю»¹.

Как уже упоминалось, с принятием христианства культ Волоса частично был подменен культом Николая Чудотворца, и это отождествление двух святых — языческого и христианского — определило, в свою очередь, точки соприкосновения между почитанием Николы и медвежьим культом и, как следствие, сходное восприятие Николы и лешего (домового, водяного). Проводя филологические разыскания в области славянских древностей, известный филолог, языковед и знаток истории русской церкви, профессор Б.А. Успенский (род. 1937) в своей книге подметил, что как лешего, так и медведя нужно рассматривать как ипостась (сущность) Волоса, соответственно медведь у восточных славян ассоциировался с лешим (существовала поговорка: «Медведь лешему родной брат»), который мог называться леший, лешак, лесной черт (по В. Далю)², а все эти названия являлись, как нам уже известно, табуированными или запретными обозначениями медведя.

Такое отождествление медведя и лешего существовало не только у восточных славян, оно проявилось, и может быть даже в большей степени, на северо-западе России. В частности, в Архангельской области, на Кенозере до настоящего времени бытует представление о том, что

¹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.12.

² Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.85.

медведь является хозяином леса и часто в его облике выступает леший — лесной дух. Северяне считают, что если пастух пасет в лесу, то значит, он заключает договор с лешим и пасет скотину с его помощью. Существуют определенные запреты пастуху: не ломать веток в лесу, не собирать грибов и ягод, не терять крови, т.е. не причинять вреда ни растительности, ни живности. Невыполнение этих запретов приводит к тому, что леший в виде медведя задирает скотину¹.

Народные представления о таких связях между пастухом и лешим, по мнению исследователей, находят соответствие в данных, соотносящих пастуха как с Волосом, так и с Николой-Угодником. Приведем некоторые народные выражения и поговорки: «*Наше стадо Чудотворец Никола пасет*», т. е. пастуха не держим (В. Даль); пастуха приветствовали: «*Никола в стадо!*»; а словацкое слово *veles*, так и переводится — *пастух*.

В дни почитания Николы Вешнего и Зимнего в прежние времена красили яйца. Кстати, многие, наверное, не знают, что этот обряд осуществлялся не только на Пасху, ритуальная варка яиц отмечалась и в некоторые другие дни — на Ивана Богослова (8 мая — в канун Вешнего Николы), на Петров день, на Вознесение и Троицу. Во все эти дни яйца красили, как и на Пасху.

Так вот, почитание Николы, выражющееся в специальных обрядах варки и крашении яиц, может быть поставлено в связь со специальными заклинаниями, обращенными к лешему, когда пастух перед пастьюбой вызывал лесного духа и, чтобы умилостивить его, предлагал красное яйцо². Существовал обычай приносить лешему

¹ Мазалова А.Б. Народная медицина локальных групп // Русский Север. — СПб., 1995. — С.94.

² Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.96.

яйцо, чтобы тот вернул пропавшую корову или избавил от болезни, подхваченной в лесу.

Представление о Николе, который ходит по полям для ниспослания плодородия, находит прямое соответствие в представлении о лешем, присутствующем на нивах и помогающим жнецам в их работе. Как леший-медведь, Никола воспринимался в качестве хозяина леса, выступая, в частности, как покровитель охоты. Недаром существовала пословица: «*В поле да в лесу один Никола бог*».

Еще одну очень любопытную особенность в медвежьем культе подметил Б.А. Успенский: медведь мог выступать в двух противоположных ипостасях, — он мог ассоциироваться с нечистой силой, либо восприниматься, напротив, как священный зверь, прогоняющий нечисть. Совершенно так же леший представлялся в народе то злым, то добрым существом. Это соответствовало раздвоению образа Волоса в христианском сознании, который отождествлялся как со святыми, такими, например, как Власий или Никола, так и с дьяволом¹.

Выше упоминались амулеты из медвежьей головы, медвежьих лап, медвежьей шерсти, используемых в народе как средство для охраны скота и оказания содействия его размножению. После принятия христианства совершенно такую же роль стали играть, наряду с иконой св. Власия, изображения Николая Святителя. Например, обычай вешать на конюшню медвежий череп заменился иконой Николы, помещаемой на соответствующем месте. Выше упоминалось, что у русских людей, из-за великого почитания святителя, на имя Николай, так же, как и на упоминание медведя, существовало своеобразное табу: его или вообще не называли по имени или говорили как-

¹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.99.

нибудь особенно, например, поднимая перст к небу, почтительно: «Наш бог» или просто «Он».

Медвежья лапа, как мы знаем, использовалась в архаичные времена нашими предками в ритуале захоронения покойного, — с помощью этой лапы, точнее ее когтей, умерший мог попасть в рай, расположенный на крутой гладкой горе. Без когтей невозможно было влезть по крутым склонам и попасть к богу. Медвежьи когти как атрибуты Волоса заменились позднее иконками Николы, которые клади с покойным в гроб.

Здесь не приводятся все материалы (да это и невозможно сделать), подтверждающие глубокую связь и преемственность архаических, языческих и христианских божеств и святых. Но все же, вышесказанное позволяет сделать главный вывод о том, что медвежий культ на Руси ближайшим образом соотносится с культом Николая-Угодника¹.

Прежде чем закончить тему о связи медвежьего культа с поклонением христианским святым, хотелось бы обратить внимание еще на один главный образ православного мира — архангела Михаила, имевшего самое непосредственное отношение к истории русского народа.

С принятием христианства культ громовержца Перуна частично заменился, как уже было сказано, культом Ильи-Пророка, а частично — Михаила-архангела. Очевидно, такая подмена произошла, по мнению А.Н. Афанасьева, под влиянием XII главы Апокалипсиса (одна из книг Нового Завета): «И бысть брань на небе Михаил и ангели его брань сотвориша со змием... И повержен бысть змий великий, змий древний, нарицаемый диавол». Народные предания о борьбе богатыря со змеем возникли в

¹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.110.

древнейшие времена, а в христианскую эпоху, при общем стремлении объединить воедино старое (языческое) с новым (христианским), послужили богатым источником, из которых создавались легенды о Егории Храбром, Михаиле-воине¹, воплотившиеся позднее в образы святых.

Но что самое любопытное, так это существование тесной связи и даже идентичности Михаила-архангела с Николаем Чудотворцом, которую обнаружил Б.А. Успенский в ходе своих сложных филологических разысканий. Народная форма имени Николы — *Микола* или *Микула* (вспомните былинного богатыря Микулу Селяниновича), имя которого можно обнаружить в письменных памятниках с XI века. В новгородских писцовых книгах проводится достаточно строгое различие между мирским *Микулой* и церковным *Николой*, т. е. форма *Микула* употреблялась при наименовании людей, а *Никола* — в отношении святых. Вероятно, это было связано с табуированием имени святого угодника, с определенным запретом. По предположению ученого, *Микула* представлял собой древнюю каноническую форму имени, вытесненную постепенно более правильной формой *Никола*. Т. е. форма *Микула* (*Микола*) первоначально появилась на Руси как имя святого, а затем, будучи вытеснена «более правильной» (мы же назвали бы ее *табуированной*) формой *Никола*, сохранилась в мирском обиходе².

Немецкий языковед Макс Фасмер (1886—1962) в своем знаменитом словаре сделал предположение, что народное имя *Микула* происходит от имени *Михаил*, не приводя, к сожалению, какой-либо аргументации культурно-

¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. Писатель, 1995. — С. 300—301.

² Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.18-20

исторического характера¹. Косвенным подтверждением этого мнения может служить древняя болгарская форма *Микул*, которая приводится в словарях в качестве формы имени *Михаил*. Существуют и другие варианты, например, объясняют контаминацию *Микула* с именем *Михаил* через посредничество немецкого слова *Michel*, что также правдоподобно.

На основании вышеизложенного, Б.А. Успенский сделал очень важное предположение, не лишенное, на наш взгляд, оснований, о том, что указанная форма отражает контаминацию (от латинского — *соприкоснение, смешение*) св. Николая и архангела Михаила, которая могла произойти, скорее всего, на западе славянской территории еще в докирилло-методиевскую эпоху, иными словами, кульп Николы на Руси в какой-то мере отражает кульп св. Михаила, который был принесен в Моравию и Паннонию кельтскими миссионерами. Причем это согласуется с другим выводом ученых — о существовании западнославянско-русских культурных связей, которые обусловили, возможно, проникновение христианства на русскую территорию значительно раньше владимирского периода². Свидетельством служит церковь святителя Николая на могиле князя Аскольда, построенная еще в 882 году, о чем не забыл сообщить преподобный Нестор в «Повести временных лет»³. Существует предание, что киевские князья Аскольд и Дир первоначально были язычниками, но после того как потерпели поражение в Византии, приня-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3. — СПб.: Терра, 1996. — С.75.

² Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.20—21.

³ Полное собрание Русских летописей. Т.1. — С.10.

ли крещение; Аскольд был назван Николаем¹. В этом факте может быть усмотрено первое свидетельство о культе Николы на Руси.

Кроме указанной контаминации, связанной с фонетическим сходством имен св. Николая и св. Михаила, существуют другие формы отождествления святых, объяснимые с позиции особенностей их культа.

Композиция моления «Деисус» в средневековом искусстве включает изображения Христа (посредине) и обращенных к нему в молитвенных позах Богоматери и Иоанна Крестителя. Как удалось выяснить исследователям, в более ранних деисусных изображениях св. Николай занимает место Иоанна. Никола и Богоматерь выступают здесь как основные посредники между Богом и человеком. Представление о Николе, как заступнике перед Богом, точно соответствует представлениям об архангеле Михаиле. В кельтской традиции его авторитет не уступает авторитету Богоматери. Так в Ирландии еще в VIII веке, что соответствует времени христианской миссии у славян, широко была распространена молитва, когда обращение к Михаилу обязательно сочеталось с обращениями к деве Марии, причем архангел мог стоять на первом месте: «Святой Михаил, молись за нас, Святая Мария, молись за нас». Более того, на деисусных иконах XII века, например, в Успенском соборе Московского кремля, перед Спасителем предстоят не Богоматерь и Предтеча, а архангелы Михаил и Гавриил. Известен другой тип моления, где изображаются Спаситель, Богородица и архангел, т. е. вместо Николы или Иоанна, предстоящих перед Спасителем, может фигурировать св. Михаил. Вышеизложен-

¹ Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мурликийского и слава его в России. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — С.230—231.

ное позволило сделать ученым вывод о тождественности святых Николая Чудотворца и Михаила-архангела.

Разительное сходство русского Николы со св. Михаилом, как далее подметил Б.А. Успенский, может быть обнаружено в свойственных тому и другому функциях начальника рая и водителя душ в загробном мире. Иностранные, побывавшие в России в XVI—XVII вв., свидетельствуют, что русские при похоронах вкладывали в руки покойнику «письмо к св. Николаю», которого считали стражем райских врат. Все это одинаковым образом напоминает представления об архангеле Михаиле как проводнике душ в загробных странствиях. Народ даже с молитвами одинаково обращался к этим святым: «*Михайло-архангел, Никола милостив! Сnidите с небес и снесите ключи...*». Здесь следует подчеркнуть мотив небесных ключей, соответствующий роли привратника рая как для Михаила, так и для Николы. Тождественность святых подчеркивает факт, что Никола представлялся у русского народа как умертвитель змей, что соответствует восприятию архангела Михаила как змееборца, борца с дьяволом¹.

Идентичность образов Николы и Михаила отразилась в народных преданиях, сказаниях и былинах. Так, например, в одной из них, в «Михаиле Потык», записанной известным фольклористом А.Ф. Гильфердингом (1831—1872) в Заонежье Архангельской губернии, говорится о них как о совершенно равных и одинаково глубоко почитаемых народом святых: «*Ай же ты Михайло Потык сын Иванович! Придешь как ко городу ко Киеву, состроико церковь-ту Миколину, своему ты ангелу, Михаилу архангелу*².

¹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.22—24.

² Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. — Архангельск: СЗКИ, 1983. — С.252.

И в заключение отметим, что, по мнению Б.А. Успенского, контаминация Николы и архангела Михаила дает объяснение названию медведя под именем Михаила (*Мишка, Михаил Иванович* и т.п.). Более того, вероятно, объединение св. Николая с Волосом-Велесом, с одной стороны, и со св. Михаилом — с другой, способствовало объединению с Волосом и Михаила-архангела, тем самым и называнию медведя именем Михаила. И еще, древний обычай сохранения ногтей в похоронных обрядах, генетически связанный с медвежьим культом, может иногда связываться и со св. Михаилом, т. к. народ считал, что ногти сохраняют именно для этого святого, который сгеляет из них «трубу, чтобы созывать души умерших на Страшный суд»¹.

* * *

В Поволжье существовала легенда о том, что местные народы долгое время были вынуждены поклоняться Керемету — божеству зла. По поверью, их так наказал Бог, т. к. указанный творец зла помешал выбрать этому народу правильную религию. И всякий раз, когда Керемет хотел показаться людям, то, спустившись с неба, принимал образ медведя. В этой легенде сохранились отголоски событий, связанных с периодом яростной борьбы проповедников христианства с язычниками, поклоняющихся своим древним божествам.

Исследователи «медвежьей» темы сразу обратили внимание на одно важное обстоятельство, — с самого начала распространения христианства на Руси культ медведя и

¹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. — М.: МГУ, 1982. — С.111.

его пережитки стали жестоко преследоваться церковью. Это позволяют установить и самые ранние письменные источники. Таково было запрещение употреблять медвежье мясо: из Патерика Киево-Печерского монастыря можно узнать, что церковь осуждала «латинян» за приемление в пищу *медведины*¹. В другом древнерусском письменном источнике XII века «Вопрошании Кирика» отмечается злободневность и острота вопроса почитания медведя на русском Севере, — тревожное сомнение ученико-математика, может ли священник носить одежду из медвежьей шкуры, (вероятно, повседневную одежду местных жителей-язычников), было разрешено епископом Нифонтом удивительно демократично: «*А пърт деля, в чем хотяче ходити нетоуть беды, хотя и в медведине...*»². (По В. Далю слово *медведина* имеет и другой смысл, означающее *медвежью шкуру*).

Первым христианским проповедникам было трудно искоренить эти древние верования, заставить язычников забыть «вымышенные» ими объекты почитания. Сразу хотим оговориться, помимо культа медведя у северных народов существовали и другие — поклонение небу, деревьям, рощам, камням, земле, и ряд других верований, на рассмотрении которых мы здесь не останавливаемся. Но еще раз хотим подчеркнуть, что основным первоначальным культом на европейском Севере был — *медвежий* культ, а также культ лося (согатого) или оленя, сменившиеся позднее поклонением солнцу, затем человекоподобным кумирам, и в заключение, при распространении христианства, — Иисусу Христу, Николаю Угоднику, Михаилу-архангелу и т.д.

¹ Патерик Киево-Печерского монастыря. — СПб., 1911. — С. 132.

² Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. IV. — Ярославль. — 1960. — С. 71; Этногенез восточных славян. Т.1. — №6. — М.-Л.: МИА СССР, 1941.

Принимая христианство, туземцы не забывали своих божеств, а старательно «примешивали» к учению христианства свои древние языческие понятия и обряды. На эту удивительную и одновременно странную смесь понятий языческих и христианских не раз указывают наши летописи и другие древние письменные памятники. Следует сразу отметить, что и в настоящее время образы природных божеств не канули в прошлое, они остались в сказках, легендах, былинах, сказаниях, приметах и суевериях.

По мере распространения в Русском государстве православия и вытеснения языческих богов христианскими святыми, происходило умаление значимости верований, существовавших у местного населения с незапамятных времен. Но на бытовом уровне столетиями продолжалось обращение к прежним святым — дохристианским, в том числе и тотемным — покровителям своего рода. Введенное «сверху» православие долгое время являлось во многом официальной религией, при этом новообращенные христиане продолжали поклоняться своим языческим богам (объектам почитания), приносить им жертвы, устраивать игрища (например, комоедица) и празднества (*медвежий праздник, медвежьи потехи*), называть детей древними именами, одновременно нарекая их именем христианского покровителя. Параллельное существование двух религий (православия и язычества) с течением времени приводило к их слиянию, которое вылилось, в конце концов, в своеобразную форму христианства, условно называемую *народным христианством* или *народным русским православием*¹.

Общеизвестно, что практически все православные храмы России, в том числе и Северо-Запада, стоят на

¹ Голубкова О.В. Почитание медведя в связи с культурами женских божеств у восточных славян // Сибирский этнографический вестник, №10. — Новосибирск: РАН СОИАЭ, 2002.

местах языческих капищ, в тех священных местах, где когда-то проводились обряды почитания предка-totема медведя, позднее сменившиеся культом неба и солнца, а затем — поклонением языческим небесным и земным богам: Перуну, Световиду — богу солнца, Волосу и Могошу — покровителям скота, Зеване — богине звероловства, другим.

Например, по утверждению священнослужителей, строительство первых храмов и обителей святого архангела Михаила происходило в местах, связанных с культом Перуна — верховного божества языческого пантеона, выступавшего «в сознании христианских благовестников если не самим сатаной, то, во всяком случае, одним из бесов». Храмы святого Михаила знаменовали грядущую победу христианства над язычеством в крае, обращаемом в православие¹.

После принятия великим князем Владимиром святого крещения он поставил неподалеку от Киева храм во имя архангела Михаила — именно на том месте, где пристал к берегу сброшенный по приказу Владимира деревянный Перун и где язычники, кричавшие своему богу: «Выдыбай!» (т. е. выплывай) — собирались создать капище. Здесь же вскоре возникла одна из первых на Руси иноческих обителей, поначалу еще немногочисленная, но впоследствии ставшая крупным монастырем (Выдубицким-Михайловским)².

В 989 г. св. митрополит Киевский Михаил устраивает в Киеве еще одну иноческую обитель и небольшую деревянную церковь во имя своего ангела, архистрати-

¹ Мальцев М. Святой Архистратиг Михаил — небесный покровитель русских князей // Интернет.

² Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. — М., 1852 — С. 129.

га Михаила, на горе, называвшейся в древности *Чертовым беремищем*. Здесь, по соседству, находилось языческое святилище, где ранее поклонялись Перуну и совершали требы его приверженцы. Церковь Архангела Михаила сразу же становится кафедральною, а монастырь, в дальнейшем получивший название Златоверхого Михайловского, с тех пор находился в числе важнейших православных святынь России¹.

Не стал исключением и Новгородский край. Английские путешественники Т. Соухэм и Дж. Спарк в своем описании России XVI века упоминают о некоем монастыре, носящем имя другого почитаемого христианами святого, которое прямо указывало на его связь с медвежьим культом — *Никола-медведь* (St. Nicholas Medved)². Действительно, в устье реки Волхов, впадающей в Ладожское озеро, существовал Николо-Медведский (Медведковский) монастырь, основанный в XIV или XV веке. Он был сооружен в честь Николая Чудотворца и располагался на мысе, далеко уходящем в воды Ладоги — полуострове Медведец. Урочище Медведка, о котором очень рано упоминается в договорных грамотах, было крайним пунктом новгородских владений на востоке. В 1704 г. Николо-Медведский монастырь был упразднен. Не исключено, именно об этом храме упоминали иностранцы.

В своей книге о новгородских древностях В.С. Перепольский упоминает о двух разрушенных монастырях. Первый из них, порушенный еще в X веке, носил название *Зверинский* монастырь, а второй, превращенный в развалины в XVI—XVII вв. — был назван во имя *святого Ар-*

¹ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. — М., 1852 — С. 123—124.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю.В. Готье. — Л., 1937. — С.86.

кадия, на месте которого существовала некоторое время деревня Аркажа, которую позже тоже разрушили. Местность вокруг бывшего Зверинского монастыря вплоть до XIX века носила название Зверинец¹. Выше говорилось, что одним из табуированных названий медведя было — зверь. Таким образом, есть все основания полагать, что эти монастыри носили табуированное название медведя, прихожане которые поклонялись ему, и храмы были разрушены, наверное, христианскими ревнителями именно из-за приверженности местных жителей к запрещенному церковью медвежьему культу. Что касается монастыря *святого Аркадия*, то в житии Сергия Радонежского древними летописцами медведь прямо назван *аркудой*: «Един зверь, рекомый аркуда, еже сказуется медведь». Отсюда, вероятно, пошло название и упомянутой деревни Аркажи (Аркады).

Кроме того, известный дореволюционный издатель книг П.П. Сойкин приводит в своем сборнике о действующих русских православных обителях сведения о Зверин-Знаменском монастыре, расположеннном в Новгороде на левом берегу Волхова; один из четырех храмов этого монастыря носил имя св. Николая. Это также древний монастырь, первые упоминания о нем датируются 1148 годом. Якобы там потешались князья звериной травлей, и содержался зверинец, поэтому обитель носит такое необычное название². Однако вызывает сомнение такое объяснение, всего вероятнее, что он был построен на месте языческого святилища, где поклонялись медведю или Волосу-Велесу.

¹ Передольский В.С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. — Новгород, 1898. — 175—176.

² Православные русские обители. — Издательство П.П. Сойкина, 1910. — С. 148.

Далее, известен факт, что в Петербурге в Никольской единоверческой церкви когда-то находилось деревянное изображение Николы XVII в. с головой очень напоминающей медвежью голову, переданное в советское время на хранение в Музей истории религии и атеизма.

В истории Власьевской церкви в Ярославле тоже есть интересные моменты. После пожара в 1609 году была построена новая трехпрестольная церковь, в которой Власьевский престол был освящен вторым, а первым — придел Сергия Радонежского, «такого же кормителя и усмирителя медведей». В его «Житии» говорится: «Мнози бо тогда зверие часто нахожаху на нь токмо в нощи, но и во дни, бяху убо зверей стадо волков выиюще и ревуще, иногда же и медведи... И от них же един зверь, рекомый аркуда, еже сказуется медведь, иже повсегда обычай имат приходить к преподобному». Сергия Радонежского приучил его¹.

Также известно существование церкви св. Власия во Владимирской губернии и Власьевской часовни в деревне с характерным названием Большая Медвежья бывшего Вельского уезда Вологодской губернии, где на иконах Власия Севастийского дьявол имеет морду, похожую на медвежью², что символизирует, вероятно, победу христианства над языческой верой.

В Ярославской губернии недалеко от Углича был известен Николо-Улейминский монастырь, в Тверской — Николаевский Кашинский, построенный при слиянии рек Кашишки и Вонжи; Николаевский Антониев на реке Мологе, основанный в 1461 году; Николаевский при реке Малице в 6 верстах от Твери. В Тамбовской и Самарской

¹ Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. IV. — Ярославль, 1960. — С. 46; Этногенез восточных славян. — Т.1 — №6. — М.-Л.: МИА СССР, 1941.

² Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. — М.-Л., 1934. — Рис. 71.

губерниях было по одному монастырю, также названных именем святого угодника — Николаевский Черниев на реке Цне и Николаевский Воскресенский, когда-то расположенный на живописном острове реки Большой Иргиз, протекающей через Самарскую губернию.

Недалеко от Рязани и Орла находились также по одной монастырской обители с именем этого святого: Николо-Радовицкий у села Радовицы в Рязанской губернии, известный с XV века, и Одрин-Николаевский в семи верстах от Карабаева — в Орловской губернии. В Галиче, близ местечка Городище Костромской губернии, был знаменит с древних времен Николаевский Староторжский монастырь. На границе губерний, в 38 верстах от Костромы и 28 — от Ярославля, на берегу Волги, располагалась Николаевская Бабаевская обитель. В Малоярославце Калужской губернии находится монастырь с именем святого угодника, основанный в XIV веке.

Помимо упомянутой церкви св. Власия и Власьевской часовни во Владимирской губернии при деревне Велесовой существовал Николо-Волосов монастырь, первые упоминания о котором относятся к XV столетию. Во Владимирской губернии были сооружены в разное время еще несколько обителей: Николаевский Троицкий монастырь на месте старой крепости-городища, на высоком холме у реки Клязьмы близ г. Гороховец, и Переяславский Николаевский — упоминаемый в летописях в XIV веке. В городе Юрьев-Польский расположен древнейший монастырь с именем другого самого почитаемого святого — архангела Михаила — Юрьевский Архангельский, основанный не позднее XII века, а также Михайло-Архангельская Чемерисская обитель, которая располагалась в месте слияния рек Суры и Волги.

В Новгородской губернии на реке Волхов в 1355 году во имя святого Архангела был основан Михайловский

Сковородский, а близ Старой Руссы в XIII веке — во имя другого святого — Косинский Свято-Николаевский монастыри. Недалеко от древнейшего города Старая Ладога, на берегу Волхова, располагался Николаевский монастырь, впервые упоминаемый в летописях с XIII века. А в восточной части Ладожского озера, на полуострове, в 25 верстах от Олонца находилась Андрусова Николаевская пустынь.

В Вологодской губернии с XIII столетия известен Михаило-Архангельский монастырь, воздвигнутый преподобным Киприяном в 1212 году, «который срубил себе келью и поставил две деревянные церкви в местности г. Великого Устюга, носившей тогда название Черного Яра. В 1216 г. при перенесении г. Устюга с Гледенской горы на нынешнее место св. Киприан положил начало монашеской обители, в которой был первым настоятелем». Еще один Архангельский монастырь, основанный в XII веке, находился в предместье заштатного города Лальска Велико-Устюжского уезда, на р. Лале, имевший соборную каменную церковь Преображения с приделами Михаила и священномученика Власия. При селении Минина Полянка также Велико-Устюжского уезда на левом берегу Северной Двины стояла Прилуцкая Николаевская обитель, известная уже во времена Ивана Грозного. В Вологодской губернии был одно время Архангельский Усть-Вымский монастырь, построенный у одноименного села Усть-Вым, упраздненный в 1764 г. В Сольвычегодском уезде с 1540 года существовал еще один монастырь во имя святителя — Николаевский Коряжемский¹.

На Севере тоже было два известных монастыря, возведенных в честь самых почитаемых святых — Михаила-

¹ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о монастырях в России. — М., 1852.

архангела и Николая-Чудотворца. Михаило-Архангельский монастырь располагался на окраине города Архангельска, вверх по реке Северная Двина. Как отмечено в издании П.П. Сойкина, «*это один из древнейших русских монастырей не только на Севере, но и вообще в России. Время его основания таится в глубокой древности и с точностью не может быть установлено. Предание относит основание этой обители к XII столетию*». Основателем монастыря предание называет св. Иоанна Милостивого, архиепископа новгородского (1110—1130)¹. Но первое летописное упоминание о нем относится лишь к 1419 году, когда «*мурманы (норманны) повоевавша Михаила Архистратига монастырь, церкви пожгли и чернецов всех поsekли*». В это время монастырь стоял на берегу Северной Двины, на месте, которое называется Пур-Наволок. Обитель окружал густой бор, а на много верст в окресте не было никакого жилья.

В 1584 году монастырь дал начало целому городу, получившему свое название в честь Архангела Михаила (Архангельску), хотя первоначально город был назван Новыми Холмогорами. После пожара 15 июля 1636 года, который уничтожил половину деревянного Архангельска, в том числе и весь монастырь с его церквами и кельями, обитель была перенесена в другое, более безопасное место. Грамотой царя Михаила Федоровича в 1638 году дозволялось построить монастырь «*выше города за версту, над Двиной же рекою, в Нячерах*». На Пур-Наволоке на месте сгоревшей обители поставили церковь Михаила Архангела. А еще позднее в тех местах появится величественный Свято-Троицкий монастырь.

¹ Православные русские обители. — Издательство П.П. Сойкина, 1910. — С. 55—56.

В юго-восточной части Двинской губы, напротив острова Ягры, расположился Корельский Николаевский монастырь. Время основания монастыря относится к концу XIV или к началу XV столетия. По преданию, основателем его был преподобный Евфимий, «просветитель корелов». Этот монастырь вскоре после постройки подвергся, также как и другие монастыри в этих местах, ограблению норманнами в 1419 году и был разрушен до такой степени, что некоторое время представлял собой одни развалины. Евфимий из-за недостатка средств долгое время не мог восстановить разрушенной обители, и она была отстроена заново лишь в 1471 году при помощи богатой новгородской посадницы Марфы Борецкой. В Белом море, недалеко от стен монастыря утонули ее два сына, которые были похоронены в его развалинах. Узнавши об этом, опечаленная горем мать из-за любви к своим погибшим детям, помогла восстановить храм¹.

Есть все основания полагать, что монастыри Михаила Архангела и святителя Николая были построены на местах древних святилищ, куда собирались зверобои и рыбаки, чтобы поклониться духу своих предков-животных, а позднее — чтимым кумирам.

¹ Православные русские обители. — Издательство П.П. Сойкина, 1910. — С. 44—45.

Глава 7

«МЕДВЕЖЬЕ» НАЗВАНИЕ РУСИ

Вначале вопрос о происхождении названия Руси не являлся темой нашего обзора-исследования. Но вскоре стало ясно, что пройти мимо этого важного, очень спорного и запутанного вопроса в отечественной истории — невозможно. Более того, мы просто обязаны представить свою версию происхождения названия древнейшего этноса — летописного племени *русь* — предка русского народа. Сразу хотим оговориться, авторы книги пришли к такому суждению самостоятельно, хотя, как оказалось позднее, эта гипотеза не нова. И что удивительно, исследователи, которые ее затрагивали, относились к ней несерьезно, поверхностно, считая эту версию маловероятной и даже утопичной. А суть заключается в следующем.

Существует несколько гипотез возникновения термина *Русь* и как этнонима (название народа, племени), и как хоронима (названия территории). По этому поводу еще в 70-х годах прошлого столетия советский историк В.В. Мавродин справедливо заметил, что «термин *Русь* восходит к очень древним временам, и если когда-то был не именем собственным страны и народа, а имел какое-то смысловое значение... то уже в эпоху Киевской Руси его первоначальный смысл был основательно забыт»¹.

¹ Мавродин В.В. Происхождение русского народа. — Л., 1978. — С.150.

Для начала представим беглый обзор существующих основных версий происхождения *руси*.

Одни ученые, так называемые *норманисты*, считали, что Русь как государство образовалась пришельцами-норманнами. Эти ученые стремились доказать германское, то бишь скандинавское, происхождение этого этнонима и хоронима. Другие исследователи — *антинорманисты*, наоборот, говорили об искони славянском или даже скифском происхождении этнонима *русь*. Основоположником *норманизма*, безусловно, считается немецкий историк Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738), кстати, когда-то стоявший у истоков создания Петербургской академии наук. Его труды использовал В.Н. Татищев при написании своей знаменитой «Истории Российской». Продолжателем идей Байера стал другой известный историк Герард Фридрих Миллер (1705—1783), академик Петербургской АН и немец по происхождению. Он, как и Байер полагал, что летописные варяги и русь этнически принадлежали к скандинавам-шведам. А само название «русь» он выводил от финского наименования шведов — *ruotsi*¹. Такое суждение по сей день остается на вооружении ученых-норманистов, но авторы этой книги считают это ошибочным мнением.

Действительно, прибалтийские финны по сей день называют Швецию *Ruotsi*, а шведов — *ruotsalaiset*². Считается, что финское название Швеции — *Ruotsi* произошло от *Roslagen* (*Ruslagen*) — наименования береговой полосы шведской провинции Упланд. Более того, как писал сторонник школы норманистов Е. Куник в своем известном труде «О призвании шведских родов» (1844), от *Roslagen* жители этой области (через древнесеверное *róðhr* — греб-

¹ Кузьмин А.Г. Начало Руси. — М.: Вече, 2003. — С. 30—32.

² Агеева Р.А. Страны и народы. — М.: Армада-пресс, 2002. — С. 147.

ля) получили название rodsmaen, что означает *гребцы* или *мореходы*. У финнов эти гребцы или мореходы приобрели сокращенную форму Ruotsi¹, а от них славяне якобы переняли это слово и поэтому стали называть варягов *русью*.

Вот уже почти три столетия существует эта гипотеза, и некоторые ученые пытаются найти какие-то доказательства о неместном (в данном случае неславянском) происхождении слова Русь (русь), а занесенным со стороны, из далекой Швеции. В этой связи сразу делают скропалительные выводы о якобы какой-то «ущербности» русского народа, который, оказывается, совсем иного происхождения, но только не славянского. Кстати, то, что не славянского, как увидим дальше, — действительно так, но и не германского (скандинавского) тоже.

Неосновательность происхождения слова *русь* от шведско-финского заимствования убедительно доказал польский академик Х. Ловмяньский (1898—1984). Историк-эмигрант Г.В. Вернадский (1887—1973) также категорически не соглашался с подобной, как он называл, «трансмутацией ruotsi в Rus»². Отметим одно, древнеславянский язык, как и другие скандинавские языки, выделился лишь в IX—XI вв., и он не мог «принять участие» в образовании слова *русь* по одной причине — название *русь* намного древнее³. Причем известно, что восточные славяне еще до эпохи викингов контактировали с *северными людьми* (rootsalainen по Ю. Крону от древне-фин-

¹ Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. 86 т. — 1890—1907; Ловмяньский Х. Русь и норманны. — М.: Прогресс, 1985. — С. 179.

² Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. — Тверь-Москва: Леан-Аграф, 2000. — С. 286.

³ Ловмяньский Х. Русь и норманны. — М.:Прогресс, 1985. — С. 179, 279.

ского слова *rootsi* — *север*¹), а не с какими-то *гребцами* (*roths-maen*), называя представителей будущего шведского народа — *свяями* (вероятно, их предки были *свебы* Тацита). Почему будущего? А потому, что его, как этноса (наци), тогда еще не существовало. Именно поэтому славянам не было резона давать пришельцам — Рюрику и его команде — имя *руси*, если те прибыли со *свейской* родины — Скандинавии, и тем более перенимать это название от «диких» финских племен. И еще, — надо учесть очень важное замечание ученых, — истоки названия *русь* восходят ко времени, предшествовавшему славянскому проникновению на северо-запад Восточной Европы², т.е. оно не славянского происхождения.

Скандинавская этимология, как и следовало, ожидать, подверглась жесткой критике со стороны многих исследователей. Так Е.А. Рыдзевская утверждала, что термин *русь* не мог быть скандинавским. По ее мнению, в рунических надписях страна восточных славян называлась Гардар (*Gardar*), позднее в скандинавских сагах упоминается уже Гардаики (*Gardariki*), с которыми наши ученые стали отождествлять Русь (как государство) и переводить это древнеисландское слово, как «страна городов»³, Г.В. Вернадский же расшифровывал Гардаики — «царство замков»⁴. Так что, скандинавское происхождение этнонима *русь* невозможно.

¹ Петухов Ю.Д. Норманны. Русы Севера. — М.: Мегагалактика, 2003. — С.8.

² Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX—X вв.) // Вопросы истории, №8, 1989, с. 25.

³ Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв.: Материалы и исследования. — М.: Наука, 1978. — С.140.

⁴ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. — Тверь-Москва: Леан-Аграф, 2000. — С. 285.

И самое главное, на своей родине ни шведы, ни другие скандинавы никогда себя так не называли, никакого племени *русов* не было известно в Скандинавии, *русь* не упоминается ни в одной из скандинавских саг.

Большинство славянских гипотез происхождения слова *русь* привязывают его к известным топонимам. Чаще всего название *русь* стали выводить из гидронимов (названий рек), а таких рек и речушек с корнем *рос/рус*, — оказывается, у нас предостаточно. Одним из первых, кто обратил на это внимание, был автор книги «Варяги и Русь» С.А. Гедеонов (1816—1878), чуть позднее его поддержал другой известный историк и такой же противник норманистов Д.И Иловайский. По его мнению, древнейшей формой этого названия была не *Русь*, а *Рас* или *Рось*. Потом именно эта *Рось* сохранилось в греческом языке в несклоняемой форме *rossc* (Ρωξ)¹. А далее он пишет:

«Народное имя *Рось* или *Русь*, как и многие другие имена, находятся в непосредственной связи с названием рек. Восточная Европа изобилует реками, которые носят или когда-то носили именно это название. Так, Неман в старину называли *Рось*; один из его рукавов сохранил название *Русь*; а залив, в который он впадает, имел название *Русна*. Далее следуют: *Рось* или *Руса* — река в Новгородской губернии, *Русь* — приток *Нарева*; *Рось* — знаменитый приток *Днепра* на Украине; *Руса* — приток *Семи*; *Рось-Эмбах*; *Рось-Оскол*; *Порусье* — приток *Полиста* и пр. Но, главное, имя *Рось* или *Рас* принадлежало нашей Волге».

Позднее советский историк М.Н. Тихомиров (1893—1965) развил эту мысль для подкрепления своей, так называемой «южной» концепции образования древнерусского государства. Он акцентировал внимание только

¹ Иловайский Д.И. Начало Руси. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М.: Олимп, 2002. — С.84—85.

на одном гидрониме — Рось (Ръсь) — названии право-го притока Днепра. По его мнению, в VIII—IX вв. в При-днепровье «стало выделяться племя», а именно *поляне*, которое расселилось к югу от Киева до реки Рось, по ее течению и вдоль берегов другого притока, Россавы. Может быть, считал ученый, название Роси распространилось на все среднее течение Днепра, т.к. в области *полян*, по которой протекала река Рось, по свидетельству летописей, в IX—XIII и находилась Русь. И «не варяги назва-ли страну полян *Русью*, а осевшие в Киеве «*словяни и варяги и прочие прозвавшиася Русью*»¹, — заключил он.

Однако такая гипотеза признана несостоятельной, т.к. филологи позднее неоднократно обращали внимание на то, что чередование звуков *o/u* или *ъ/y* в восточнославянских диалектах практически невозможно, о чем Г.А. Хабургаев в частности пишет: «*Нет для этого этнонима опоры на восточнославянской почве и в плане этимологическом: известные попытки связать Русь с названием реки Рось (или Ръсь) лингвистически несостоятельны — для славянских диалектов рассматриваемого времени че-редования о/u и даже ъ/y невероятны (учитывая, что тер-мин русь появляется около IX столетия!); а сам этноним в славянской среде известен только с у в корне*»². Другими словами, название *русь* не могло быть производным от корня *ros*. Более того, исследуя название реки Рось, украинская топонимистка И.М. Железняк не стала объединять его, как принято традиционно, с этнонимом *русь*, т.к. она считала, что гидроним Рось происходит от индо-европейского *ros-* в значении *вода, влага*³.

¹ Тихомиров М.Н. Происхождение названия «Русь» и «Русская зем-ля» // Русское летописание. — М., 1979. С.21—27.

² Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с за-дачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — С.215—222.

³ Агеева Р.А. Страны и народы. — М.: Армада-пресс, 2002. — С. 167.

Вероятно, именно поэтому другой исследователь Г. Тебеньков еще в позапрошлом столетии связывал слово *Русь* с языческим обрядом поклонения *rosē*, якобы существовавшем в незапамятные времена у славян¹, позаимствовав, вероятно, это сообщение у Г. Байера. Б.А. Рыбаков также производил название племени *рос-рус* от слова *rosa*, сохранившееся в географических названиях на Восточноевропейской равнине, образованное, в свою очередь, от древнейшего санскритского корня *ros-rons*². Но как уже отмечалось, такое образование слова *русь* несостоительно из-за невероятности чередования *рос* в *рус*.

У наших предков существовали различные культуры: животных, явлений и объектов природы, в том числе поклонение камням, рекам, озерам. Первые свидетельства о почитании славянами рек и водяных божеств (нимф) зафиксировано у византийца Прокопия Кесарийского в VI веке. В русских летописях также отмечены древнейшие языческие обряды почитания рек и вообще воды, сохранившиеся до настоящего времени. Ссылаясь на них, в частности на Густынскую летопись, авторитетный исследователь русско-варяжского вопроса С.А. Гедеонов отзывался о русских славянах как о *водопоклонниках*: «Языческая Русь поклонялась святым рекам; предание о реке, *глаголемой Рось*, как прародительнице народа, уцелело еще в XVII веке»³, — утверждал он.

Поэтому неудивительно, что советский писатель В.А. Чивилихин (1928—1984) считал: древнейшие поселения восточных славян, из которых позже образовались первые русские города, все без исключения обосновались на ре-

¹ Тебеньков Г. Происхождение Руси. Ч. I. — Тифлис, 1894.

² Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология, т. 27, 1953, с. 98—101.

³ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. — СПб., 1876; М.: Русская панорама, 2004. — С. 303, 325.

ках. Река в значительной степени обеспечивала жизнедеятельность наших предков: давала воду для приготовления пищи и ведения хозяйства, снабжала рыбой и водной птицей, предоставляла легкий, идеально гладкий путь по воде летом, по льду — зимой¹.

Словацкий историк и этнограф П.И. Шафарик (1795—1861) в своих «Славянских древностях» отметил, что в праславянском языке река называлась *rusa* (*rusa*). Он писал: «Это коренное славянское слово, как общее существительное имя, уже осталось в употреблении только у одних русских в слове *русло*, обозначающем ложбину, русло реки, глубь, вир; но как собственное имя рек, городов и селений, более или менее близлежащих, употребляется почти у всех славян»². Значительно раньше Готлиб Байер говорил о корне этого слова буквально следующее: «Имена *ra*, *ros* из древнейшего общего языка перешли к скифам и к другим народам и значили *реку*; в кельтском языке *rus*, *ros* значит *озеро*; <...> и, быть может, слово *rosa*, *ros*»³.

У составителя знаменитого толкового словаря русского языка В.И. Даля зафиксировано много диалектных русских слов, производных от исходного корня *рус* и связанных с водой: *Рус* — сказочное чудовище днепровских порогов; *руслень* — полка за бортом, к которой крепятся ванты; *рустов* — цепь под якорные лапы; *кровь идет рустом*, значит, она идет потоком, ручьем⁴. От того же

¹ Чивилихин. Память. Роман-эссе. — М.: Современник, 1982.

² Шафарик П.И. Славянские древности / Пер. с чешск. О. Бодянского: в 2 т. — М., 1847. — 1848.

³ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. — СПб., 1876; М.: Русская панорама, 2004. — С. 300.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. — М.: Терра, 1998. — С.1745—1746.

праславянского корня *rus* образовалось и слово *руса́лка*, с древним культом которой связано множество языческих поверий.

Большинство племен и народов на земле, полагал В.А. Чивилихин, получило свое название по месту своего преимущественного обитания, поэтому, если *руса* — река — извечное место поселений наших предков, то обобщенный этноним *русы* или *русы* издревле значило, как *живущие на реках, жители рек* или просто *речной народ*.

Его подтолкнула к такой мысли статья профессора Ф.И. Кнауэра «О происхождении имени народа Русь», опубликованная еще в 1902 году, где отмечалось, что в древнеиндийских гимнах «Ригведы», созданных в X в. до н.э., упоминается мифическая река *Rasa*, «великая мать», текущая на дальнем северо-западе, на старой родине. В другом древнейшем произведении, священной книге персов — «Авесте» (1 тыс. до н.э.), говорится о реке *Ranha*, где живут люди без вождей, где господствует зима и земля покрыта снегом. Проведя скрупулезный филологический анализ, Ф.И. Кнауэр попытался доказать этимологическое тождество этих названий с древним именем Волги — *Ra*, которое впоследствии обрело такие формы, как *Ross* (*Rωξ*) у греков и арабов, *Roscь*, *Rусь*, *Roca*, *Rusa* — у славян. Последними топонимами были названы многочисленные северо-западные реки на новых местах расселения народа, вышедшего в глубокой древности на свои исторические пути с Волги, так же как другие древнеиндоевропейцы, переселившиеся с нее на дальний юговосток, назвали один из притоков Инда именем той же реки-прадорительницы *Rasa*. Таким образом, сделал неожиданный вывод исследователь, «имя народа *русь* чис-

то славяно-русского происхождения и в точной передаче слова означает не что иное, как *приволжский народ*¹.

Существуют и другие версии происхождения слова *Русь*. По сохранившемуся в некоторых списках летописи преданию, утверждал С.А. Гедеонов, славяне прозвались *русью* от реки Рузы (Роса) в Новгородской губернии, впадающей в озеро Ильмень. Так Густынский летописец гласит, что имя Рузы производят «*иные от ръки глаголемыя Рось*²». В этой связи Н.М. Карамзин приводит такое же любопытное свидетельство: царевич Иоанн, сын Ивана Грозного, прежде чем пасть от руки собственного отца, составил Похвальное слово св. Антонию Сийскому, в котором говорилось: «Преписано <...> многогрешным Иваном, во второе по первом писатели, колена Августова, от племени варяжского, родом *русины*, близ восточных страны, межь предел Словенских и Варяжских и Агарянских, иже *нарицается Рось по реке Рузе*³». Такого же мнения придерживался и наш знаменитый земляк М.В. Ломоносов, считавший, что река Рось, приток Днепра, и особенно, подчеркнул он, город Старая Русса, «доказывают бывшие в древность жилища *рассов*⁴». Однако, лингвисты не подтверждают возможности происхождения рассматриваемого этнонима от Рузы (Старой Руссы), т.к. жители этих мест назывались бы не *русами*, а *рушанами*, что хорошо подтверждается и летописными источниками, например: «Выеха Федор посадник с *рушаны* и с Литвою».

¹ Кнауэр Ф.И. О происхождении имени народа Русь // Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве, 1899. — М., 1902.

² Гедеонов С.А. Варяги и Русь. — СПб., 1876; М.: Русская панорама, 2004. — С. 303—304.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.IX., прим. 612. — М.: Терра, 2001. — С. 418.

⁴ Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Записки по русской истории. — М.: ЭКСМО, 2003. — С.63.

Попытки связать происхождение слова Русь от острова Руяна или Руген, расположенного в южной части Балтийского моря, также не увенчались успехом. Жителей острова Ругена называли *ругами*; они принадлежали, по одной версии, к выходцам из Скандинавии — *готам*, и по другой — к одному из *венетских* племен (предкам славян), упоминаемых еще у Корнелия Тацита. Поэтому, как считали некоторые исследователи, от имени этого народа через *раны* — *руги* — *руяны* — *рутены* — *русы* образовался этноним *русь*. На что лингвисты отвечают, что здесь присутствует ряд серьезных непреодолимых фонетических препятствий, приводящих к неприемлемости такой гипотезы.

По другой версии, *русские* получили свое имя от легендарного Русса, у которого было два брата Чех и Лех, в свою очередь, давшие начало чешскому и польскому народам. Свои знаменитые «Записки о московитских делах» немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн (1486—1566), посетивший Россию в 1517 и 1526 годах, начинает как раз с указанной легенды, чтобы дать объяснение происхождению названия этого загадочного для него народа и государства:

«О происхождении названия *Russia* существуют различные мнения. Одни полагают, что оно произведено от имени Русса, брата польского государя Леха, поскольку этот Русс был-де государем русских. Другие ведут его от имени весьма древнего города Русы, неподалеку от Новгорода Великого. Есть и такие, которые объясняют это название смуглостью жителей. Однако большинство считает, Россия — это измененное имя Роксолания. Самые же московиты, отвергая подобные мнения, как не соответствующие истине, уверяют, будто их страна изначально называлась Россея, а имя это указывает на разбросанность и рассеянность ее народа, ведь Россея на рус-

ском языке и значит разбросанность или рассеяние. Это мнение, очевидно, справедливо, так как и до сих пор различные народы живут вперемежку с обитателями России, в которую повсюду вклиниваются, разделяя ее, иные земли. <...> Но каково бы ни было происхождение имени *Руссия*, народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду, называющий себя на родном своем языке *Russi*, а по-латыни име-*нуемый Rhuteni*, столь умножился, что либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются теперь одним и тем же именем *русские*.

Мы специально подробно процитировали австрийского барона, т.к. этот незаурядный писатель оказался очень плодотворным по выдвижению версий происхождения слова *русь*, впоследствии предоставившим возможность историкам написать не одну книгу и защитить несметное количество диссертаций на эту тему. Достаточно для примера вернуться к вышеперечисленным исследователям, которые в какой-то мере пытаются почти так же объяснить этот загадочный термин.

Сторонниками так называемой «южной» концепции происхождения этнонима *русь* (О.Н. Трубачев, Д.Т. Березовец и др.) предпринимались попытки связать имя Русь с причерноморскими топонимами, такими, как Россотар, Рукуста, имеющих готское происхождение, и даже с неизвестным племенем Рогас (*Rogas*) Иордана¹. Думаем, здесь и не требуется каких-то больших усилий лингвистов, чтобы опровергнуть такую гипотезу образования слова *русь*. Кроме того, О.Н. Трубачевым предпринималась попыт-

¹ Березовец Д.Т. Об имени носителей салтовской культуры // Археология. Т. XXIV. — Киев, 1970.

ка производить имя *русь* от иранских слов со значением *светлый, блестящий*, восходя к древнейшей его форме *rauxšna* и древнеиндийскому слову с близким значением *ruksa-*, которое затем должно было измениться в *russ*¹. При расшифровке имени «вероломного племени *росомонов*» (*Rosomorum*) того же Иордана, ученых интересовало только начало этого слова — *рос*. По их предположению, это осетинское (аланское) слово *рохс* — *светлый*². Делались аналогичные попытки связать *русь* и с другим похожим этнонимом — *роксоланы* — названием одного из причерноморских сарматских племен, как *белые, светлые аланы*.

Как полагала Е.Ч. Скрижинская, известный комментатор книги Иордана «*Getica*», первая часть имени *роксоланы* впервые объявилаась как самостоятельное этническое имя в сообщении сирийской хроники Захарии Ритора или Псевдо-Захарии (555 г. н.э.). После описания амазонок, помещаемых им около Азовского моря, он пишет: «Соседний с ними народ *хрос* (*hros*), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия, и которых не могут носить кони из-за их конечностей». Как бы там ни было, выходит, что к середине VI века в далекой Сирии уже знали о существовании к северу от Черного моря какого-то русского народа *рус* или *рос*, отличающегося крупным ростом³.

Другой советский историк В.В. Седов более двадцати лет назад признал, что происхождение этнонима *рось*

¹ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопросы языкоznания, 1981, № 2, с. 3—21.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «*Getica*». (Комментарий Е.Ч. Скрижинской). — СПб.: Алетейя, 2001. — прим. 389. — С.280—281.

³ Пигульская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941. — С. 166; Лесной С. (Парамонов С.) Откуда ты, Русь? — Р.-над.: Донское слово. Квадрат, 1995. — С.80.

русь «несомненно, не славянского» и не тюркского корня, ведь тогда бы этноним русский приобрел форму *орос-урус* и, в конце концов, также склонился к иранскому началу рассматриваемого племенного имени¹. Впрочем, в настоящее время нашлись исследователи, попытавшиеся реанимировать происхождение названия *руси* из тюркских слов.

Два талантливейших математика Г.В. Носовский и А.Т. Фоменко (в научных кругах их еще называют «терминаторы истории»), более известные по своим многочисленным трудам, где они пытаются пересмотреть хронологию всемирной истории, в том числе и российской, вероятно, исходя из сообщения этого ученого, выдвинули очередную версию происхождения имени *русь*.

По их мнению, «Татаро-Монголия средних веков — это сама Великая Русь», — тогда происхождение названия *Русь* надо искать в языке этого тюркского народа. Как известно, пишут авторы очередной гипотезы, Монгольская империя была разделена на так называемые *улусы* — области. И делают смелое предположение, что слова *улус*, *рус*, *Русь* якобы одного корня, т. к. налицо существует явная звуковая параллель между: *улус* — *урус* — *рус*. В заключение, у этих отчаянных историков-математиков само название *Русь* превращается в *рус*, в тюркском значении — как *улус*, которое означает часть или область Монгольской империи. Впоследствии *Русь* из области (*улуса*) великой империи превратилось в государство. В этом случае, по их мнению, слова *русский человек* могли означать первоначальное «человек из некоторой области в империи», *улуса*, и только потом приобрести значение нацио-

¹ Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М.: Наука, 1982 — С. 111.

нальности¹. Хотелось бы поблагодарить уважаемых математиков за то, что наше происхождение они произвели не от ненцев или якутов и тем более не от американских индейцев!

Существуют еще несколько версий, связанных с так называемым «цветовым» решением или объяснением запутанного термина. Некоторые исследователи полагали, не мудрствуя лукаво, что термин *русь* произошло от цвета волос наших предков, т.к. большинство их них были *русыми*, светлыми, вот отсюда, мол, и образовалось название племени *русы* или *русь*. Думаем, наивность такого объяснения слишком очевидна, поэтому к нему не стоит больше возвращаться.

Изучению происхождения названия Руси посвятил свое исследование в 1892 году профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории В.З. Завитневич. Он взял за основу сообщение известного дипломата и сочинителя, итальянского епископа Лиудпранда (умер в 971 г.) о походе киевского князя Игоря на столицу Византийской империи в 941 году, в котором говорилось:

«Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русиями, *ρουσιοῖς*, мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке *nord* означает север, а *man* — человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами».

Здесь Лиудпранд сообщает, что русские получили свое наименование от греческого слова *ρουσιοῖς* — рыжий или красный, и что это название русским дали за особый цвет их тела, отличающийся от смуглой кожи южан свое-

¹ Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? Кн.II. — М.: ACT, 1999. — С. 122.

образным красноватым оттенком¹. Кстати, о том же говорил после путешествия в верховья Волги знаменитый арабский писатель Ибн-Фадлан (922): «Я видел русских купцов... тело у них красное». Подобное сообщение имеется и в «Хронографии» византийского писателя Феофана Исповедника (760—818), где, правда, под ошибочным пониманием его фразы о «ρουστα кораблях», как о русских кораблях, скрывается совершенно другое: прилагательное ρουστος имеет значение пурпурный, багровый, а не русский, как полагали некоторые исследователи, и обозначает таким образом цвет корабля².

В описании хрониста, нападавшие «своим видом показывали кровопролитие». И вообще, пурпурный цвет напоминал кровь и огонь. Поэтому, считал В.З. Завитневич, греки так стали называть русских, а сами русские приняли это имя при подписании договора с греками в 907 году, поскольку другого собственного имени у них к тому времени еще не было³. Так что можно считать эту версию малоубедительной и даже слегка наивной.

Кстати, Черное море раньше так не называлось, в славянских языках вплоть до XVI века море именовалось Чермным, то есть Красным⁴. А красный, пурпурный цвет, как вы сейчас узнали, был всегда связан с русами, русью, русскими, их корабли и паруса были всегда покрашены в червленый, темно-красный цвет, поэтому арабские писатели прозвали когда-то Черное море Русским или Красным морем, вероятно, взяв за основу греческое слово ρουστος.

¹ Сюзюмов М. К вопросу о происхождении слова Рωξ, Рωσια, Россия // Вестник древней истории, 1940, №2, с. 121—123.

² Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 2001. — С. 92—93.

³ Завитневич В.З. Происхождение и первоначальная история племени «Русь» // Труды Киевской духовной академии, 1892. — Кн. 12.

⁴ Кузьмин А.Г. Начало Руси. — М.: Вече, 2003. — С. 253.

* * *

Очередную попытку разгадать секрет происхождения названия русского народа предпринял географ и историк В.И. Паранин, исходя из положений так называемой *ностратической теории*, которая, по его словам, позволяет в близких по транскрипции названиях географических объектов в различных частях света видеть единый смысл, что дает возможность осуществлять расшифровку обширного топонимического материала, на основе языков, иногда довольно удаленных от объекта. Причем расшифрованные данные «экстраполировать на другие территории»¹.

Уже около 100 лет существует эта пресловутая *ностратическая теория*, выдвинутая датчанином Х. Петерсеном, которую позднее обосновал советский лингвист В.М. Иллич-Свитыч (1934—1966). Согласно этой теории, существовали древнейшие системы языков, давшие основу развития всех современных языковых групп, и среди прочих ученый выделял *ностратическую семью*. Туда он относил многие языковые семьи Евразии и Африки (в том числе — индоевропейская, картвельская, семитохамитская, дравидийская, уральская и алтайская). Все они были якобы когда-то одним языком, но, разделившись много тысяч лет назад, почти не сохранили степень родства. Считается, что ностратическая теория может рассказать многое о жизни *ностратических* племен эпохи охоты и собирательства, и главное, о территории, на которой возникли и долго жили эти племена до того времени, когда они на-

¹ Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. — Петрозаводск: Карелия, 1990. — С. 116—117.

чали делиться и расходиться, в результате чего и возникло эти шесть основных языковых семей¹.

Исходя из положений ностратической теории, В.И. Паранин сделал предположение, что на севере Европы существовала группа языков, на основе которых могло появиться название Русь со значением «верховая», «южная страна», а это, в первую очередь, прибалтийско-финские языки, причем наиболее вероятным языком-основой, на его взгляд, предстает карельский. А во-вторых, считает историк, в этом регионе существуют многочисленные следы бытовавших в прошлом систем территориальной организации общества, к одной из которых восходит название Русь.

При этом В.И. Паранин обратил внимание на бытовавшую якобы некогда в Восточной Европе систему для обозначения сторон света, так называемую, «цветовую» ориентацию в пространстве, где юг в ней обозначался *красным* цветом, север — черным, восток — синим, а запад — белым. После проведенного анализа названий сторон света, какие они могли бы иметь в прибалтийско-финских языках, в одном их них, карельском, нашлось искомое: слово *ruskej* значил *красный*, *a rusko* — *заря, румянец; ruskotaa* — *краснеть*. И для него сразу стала «очевидна лингвистическая основа слова *русь* как цветового символа *южного* элемента какой-то территориальной системы»².

Затем, призвав на помощь эпос карел и финнов, Паранин обратился к знаменитому произведению «Калевала». Время действия в нем — бронзовый век, ориентиро-

¹ Арепьев Ю.Д., Маловичко А.В. Комментарии к книге Абрага Каимуллина: «Прототюрки и индейцы Америки. По следам одной гипотезы» // Интернет.

² Шарымов А. О Руси, варягах-русах и Рюрике Альдегьюборгском // <http://www.art.spb.ru/history/sharymov.html>

вочно I тысячелетие до н.э., основной сюжет заключается в борьбе за обладание чудесной мельницей Сампо между героями, обитающими в южной Калевале (Вяйнеле), с жителями Похьелы (то есть Севера). По этому поводу академик Б.А. Рыбаков когда-то заметил в своей статье «Сампо и сейды»: «Возможно, что битва за Сампо — не столкновение финнов и карел с лапландцами (саамами), а соперничество родственных между собой южных финно-карельских племен с северными тоже финно-карельскими племенами, веровавшими в того же верховного бога Укко, что и южане»¹. То есть, подчеркнул Паранин, вероятно, в «Калевале» представлено столкновение юга с севером, красного с черным, *ruskej* с *musta*. И далее развивает мысль, что в результате внутриплеменной борьбы южной части единого племени с северной (запечатленной в «Калевале», где эта борьба обрела вид битвы за Сампо), в борьбе красного с черным, южная часть обособляется от северной — при этом, по словам исследователя, «берет себе новое имя, как раз и связанное с ее географическим положением, то есть, южная, красная, *ruskej* — русь»².

Думается, Паранин здесь заблуждается, т. к. обособившиеся на юге племена не стали бы себя так называть, да и с какой стати им менять свое родовое имя! Наверняка должно произойти обратное, по логике их должны были бы обзвывать *ruskej* — южными оставшиеся на прежнем месте обитания коренные северные племена финнов, раз те отделились от них и ушли в южном направлении.

Почему-то большинство наших исследователей считает, не стал исключением и В.И. Паранин, что некогда в Восточной Европе *север* ассоциировался с черным цвет-

¹ Рыбаков Б.А. Сампо и сейды // Новое в археологии СССР и Финляндии. — Л., 1984

² Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. — Петрозаводск: Карелия, 1990.

том. Однако это не совсем так. Действительно, у народов Южной Азии при определении сторон горизонта черный цвет соответствовал северу, красный — югу. Такое цветообозначение четко зафиксировано у древних китайцев, у вьетнамцев, корейцев, в Средней Азии — древних персов, иранцев, в Южной Сибири — у некоторых тюркских народов (монголы, уйгуры, тюрки). Хотя у калмыков север уже соответствует желтому, а юг — синему цвету. В Индии юг ассоциируется с желтым, иногда синим цветом, а север — с красным¹. У древних ацтеков четыре стороны света обозначали: восток — красный, запад — синий, юг — зеленый, а север — белый цвет, и у народа майя боги были связаны с такой же цветовой символикой сторон света: один из них по имени Кан-Цик-Наль, поддерживающий небо, чтобы оно не упало на землю в его северной части, ассоциировался с белым цветом. Поэтому, так однозначно утверждать, что *черный* цвет всегда символизировал *север*, на наш взгляд, совершенно неразумно.

Думаем, не является большим секретом, что, наоборот, с древнейших, архаичных времен *север* всегда был связан с чем-то чистым, ясным, светлым, т.е. с *белым* цветом. Вероятно, все зависело от того, где находился север на карте — *вверху* или *внизу* (в *подземном мире*). Все же для большинства племен, обитавших в Северном полушарии, север находился *наверху*. Не исключено, одна из причин такой ориентации заключалась в том, что после наступления темноты Полярная звезда была первой точкой отсчета для определения направления, как на суше, так и в океане, особенно — в полярных морях.

В понимании древних жрецов, север считался направлением обновления и восстановления, получения знаний

¹ Березкин Ю.Е. Мифологияaborигенов Америки и Сибири // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/143>.

и мудрости. Север всегда ассоциировался с белым цветом, который, как снег, символизировал очищение и чистоту намерений людей. Стихией севера является воздух, утверждали шаманы, который можно сравнить с разумом. Поэтому Север считался направлением разумной деятельности, мыслей идей и творчества, именно там происходит духовное пробуждение человека¹.

* * *

А сейчас несколько слов о нашей версии происхождения слова *русь* (Русь).

Наша гипотеза происхождения *руси*, как названия племени, а в широком смысле, как *народа-этникона*, зиждется на другой, может быть, и не такой уж новой версии: древние племена получили свое название от тотемов, в основном от птиц и животных. Выше мы специально так подробно останавливались на тотемизме, распространенном в древнейшие времена у разных народов. Не стали исключением, конечно, и наши пращуры.

В самых древних письменных памятниках ведической литературы уже встречаются различные группы человеческих существ с именами животных. Так, древнеиндийское собрание религиозных гимнов «Ригведа», созданное примерно в X в. до н.э., ссылается на народ, называемый *аджас*, что означает *козы*. Другой народ, упоминаемый там же, называется *матси* и переводится как *рыбы*. Другое ведическое произведение «Атхарва веда» делает ссылку на священническую семью под названием *Кашьяпа*, означающее *черепаха*. В «Махабхарате», самом древнем народном

¹ Медоуз К. Шаманский опыт // http://www.psycity.ru/index.htm/about/text/sha_ex3.htm.

эпосе Индии, упоминается племя ядавов, называвшихся собаками. Почти всеобщим признаком древних обществ, доживших до наших дней, уверяет индийский ученый Д. Чаттопадхьяя, является то, что такие народы заимствовали свои имена из животного и растительного мира¹.

Действительно, ученые полагают, что в «Ригведе» имеются некоторые пережитки тотемизма или верований о происхождении человеческой расы или отдельных племен от животных и растений. В начале прошлого века исследователь тотемизма у американских племен Л.Х. Морган тоже заметил: «*Повсюду туземные американские роды присваивали себе имена от некоторых животных или неодушевленных предметов и никогда от человека*».

Во время первой кругосветной экспедиции И.Ф. Круzenштерна 1803—1806 годов Ю.Ф. Лисянский командовал фрегатом «Нева». У племен Северной Америки он подметил такую же интересную особенность, например, у тлинкитов существовало деление на роды, которые имели тотемные названия, т.е. назывались именами различных животных и птиц. «*Они разделяются, — пишет Лисянский, — на разные поколения, из которых главные суть: медвежье, орлиное, воронье, касаткино и волчье*». Другие позднейшие исследователи утверждают, что племя тлинкитов распалось на две большие главные тотемные группы или фратрии — на братство волка и ворона. Каждая из фратрий, в свою очередь, делилась на пять низших тотемных союзов, охватывающих по несколько сот человек. Лисянский сообщает, что тотемные союзы не совпадали с территориальными подразделениями: «*Все означенные поколения так между собой смешаны, что в каждом се-*

¹ Чаттопадхьяя Д. Локаята Даршана. История индийского материализма. — М.: Изд. иностранной литературы, 1961.

лении можно их найти всех понемногу; однажды всякое из них живет в особенном доме, над которым вырезано фамильное животное, служащее вместо герба. Они никогда не воюют между собою, но при случае должны друг другу воспомоществовать, как бы далеко ни находились».

Попытки разгадать тайну происхождения имени того или иного народа предпринимались с давних пор. Ученые никогда не уставали заниматься этимологией — наукой о расшифровке смыслового содержания, в нашем случае, этнонимов, то есть названий племен, народностей и наций. Результаты их исследований иногда были удивительными и парадоксальными. Совершенно недавно предпринял попытку исследовать этимологию названия древнекорейского государства Пуе профессор из республики Корея Че Хан У, который пришел к интересному выводу, что оно произошло от названия животного, т. е. от маньчжурского слова буксу (*вихи*) — олень, при этом ссылаясь на известный тотемизм, широко распространенный у алтайских племен. А титулы четырех его правителей, которые были предводителями четырех различных групп или племен, образовались также от различных имён животных — лошади, быка, свиньи и волка. По его мнению, имена животных в этих четырех титулах, вероятно, отражают тотемы этих племен. Названия якутских племен, считает корейский ученый, также образованы от имени ихtotема, и люди брали названия животного как их фамильное имя. По этой же причине в древние времена якуты определяли, к какому племени принадлежали люди по их фамильному имени.

Ученые утверждают, что самоназвание якутов *саха* произошло от древнеиранского слова *сака* — олень. Еще в XVIII веке шведский исследователь Страленберг впервые выдвинул гипотезу о том, что предками *саха* явля-

ются среднеазиатские саки. Кстати, скифов в Азии называли именно *саками*, вероятно, за их быстроту и стремительные перемещения на лошадях или, не исключено, они имели своим племенным тотемом оленя. Хорошо известно, в древние времена гунны и тюрки также заимствовали свои титулы от названий животных, например, *boga gagan* — король быков, *buri gagan* — король волков, *sonkor tigin* — принц соколов и т. д. Можно утверждать, полагает ученый из Кореи, эта традиция имеет нечто общее с тотемизмом¹.

Абсолютно такую же версию выдвинул другой, но только уже российский исследователь М.И. Боргояков. Изучая истоки гуннских племен, он пришел к выводу, что тотемным животным одного из рода этого народа — шаньюйского — был бык, а родоначальником другой группы гуннов считался волк или олень².

Иордан в своем труде «О происхождении и деяниях гетов», приводит очень любопытную легенду о гуннах и олене³. Охотники из этого племени, выискивая себе добычу на берегах Мэотийского озера (Азовского моря), заметили оленя, который бесстрашно вошел в воды и пошел одним известным ему путем. Следуя строго за ним, гунны сумели перейти это озеро, которое до тех пор считали непереходимым, как море. Лишь только перед ними показалась Скифская земля, олень сразу исчез. Они вернулись обратно и сообщили своим о случившемся. Рас-

¹ Че Хан У. О значении титулов правителей в древнекорейском королевстве Пэкче / Пер. П. Помогаловой, под ред. В.С. Хана // <http://world.lib.ru/k/kim-o-i/pet3rtf.shtml>

² Боргояков М.И. Гуннско-туркский сюжет о прародителе-олене (быке) // <http://kyrgyz.tsu.ru/doc/doc-17.shtml>.

³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) (перевод и комментарии Е.Ч. Скрижинской). — СПб., 2001. — С. 85.

хваливая Скифию, убедили остальных отправиться туда по пути, который указал им олень. Иордан нашел даже объяснение, почему он появился и привел гуннов в Скифию: «Сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение». Из этой легенды следует, считает М.И. Боргояков, что олень, указавший путь гуннам, был в их представлении тотемным животным-родоначальником, и его образ связывался с названным озером.

Легенда об олене была широко известна, комментируя это сообщение Иордана, пишет Е.Ч. Скрижинская, — сюжет о животном, послужившим чудесным проводником, был также широко распространен и у других писателей. В «Житии св. Северина», составленном в начале VI века, рассказывается о том, как путешественников, шедших по альпийским дорогам Норика (кстати, это летописная родина ильменских славян), застала сильная метель и они потеряли верное направление. Вдруг перед ними появился громадный медведь — «*formae ursus*» — и пошел впереди, указывая им путь. Это показалось удивительным, пишет Е.Ч. Скрижинская, потому что зимой медведи обыкновенно забиваются в берлоги для спячки¹. Вероятно, этот медведь привел их на наш Север, передав позднее им свое имя.

Древние писатели донесли сведения о том, что, действительно, многие племена получили свое название от родовых тотемов — птиц и животных. Согласно сообщению древнегреческого географа и историка Страбона, один народ, принадлежавший к древнеиталийскому племени *сабинян*, — «*пикентийцы вышли из Сабинской об-*

¹ Иордан. О происхождении и действиях гетов (*Getica*) / Пер. и комм. Е.Ч. Скрижинской. Прим. 386. — СПб., 2001. — С. 272.

ласти, причем черный дятел указывал путь их предводителям. Отсюда их имя, так как эту птицу они называют «пиком»¹. Т. е. название этого племени произошло от латинского слова *picus* — дятел, который, вероятно, был тотемом племени. Некоторые ученые считают, что у древнейшего племени Греции пеласгов белый аист также был родовым тотемом, и свое название они получили от этой птицы. Как заметил Страбон, пеласги «были кочевое племя, которое, подобно птицам перелетало куда попало, жители Аттики называли их «пеласгами»², что в переводе с греческого значит аист. Еще от Страбона известно, что когда-то существовало фракийское племя кикнов, чье названиеозвучно латинскому слову *ciconia* — аист. Более того, возможно, это племя было связано и с названием другой птицы — лебедя, переводимое с греческого языка — «кикнос». Как известно, эта благородная птица, которая по сей день пользуется уважением и почетом, была тотемом и у славянских народов.

Упоминаемые античными писателями кочевые племена под названием *берендеи* тоже, не исключено, получили такое название от своегоtotema. Считается, что первая часть этого слова — *берен* имеет происхождение от имени божества *Барга* — *Барана*, который олицетворял Солнце, а вторая — от латинского *deus* — бог, божество. Вероятно, когда-то у них баран был племенным тотемом, превратившийся позднее в божество этого племени, которое затем взяло его имя.

С древнейших времен существовало много племен, получивших свое название от другого тотема, весьма распространенного хищного животного — волка. Тот же Страбон сообщает, *даки* — фракийские племена, рассе-

¹ Страбон. География в 17. Кн. Кн.5. — М.: Ладомир, 1994. — С. 224.

² Страбон. География в 17. Кн. Кн.5. — М.: Ладомир, 1994. — С. 208.

лившиеся к северу от Дуная в начале I тысячелетия, изначально назывались *daoi*, производное от слова *daos* — фригийского наименования волка. По утверждению румынского философа Мирча Элиаде (1907—1986), от корня этого слова происходят имена фракийского бога войны Кандаона, бога Даунуса и др. Более того, по Страбону, закаспийские кочевники-скифы также носили имя *daoi*. Их этническое имя с большей вероятностью, считает М. Элиаде, восходит к иранскому слову *dahaе* — волк. Кочевые племена, заселявшие территорию на юге Каспийского моря, греко-латинские авторы тоже называли *hyrkanoi* — волки. Одно из италийских племен — гирпины, по утверждению Страбона, «получили свое имя от волка, который указывал путь их колонии; ведь самниты называют волка «гирпус»¹.

Немного раньше другой древнегреческий ученый Гераклит Понтийский (VI—V вв. до н.э.) утверждал, что имя саманитского племени — луканс — происходит от *Lucos* — волк. Как подметил М. Элиаде, племена, носящие имя волка, встречались в различных регионах, таких как Испания, Ирландия и Англия².

Еще один пример. В Забайкалье в начале средневековья — на рубеже V—VI веков, как показывают исследования археологов, поселилось монгольское племя Бурито-шоно, а тотемное название *шоно* означает — волк. К началу XIII века на территории Прибайкалья и Забайкалья заселились монголоязычные племена, и по утверждению ученых, все эти племена носили тотемные названия по имени птиц и зверей, из которых к концу XVII века сложилась бурятская народность. У бурят каждый род имел своегоtotема.

¹ Страбон. География в 17 кн. Кн.5. — М.: Ладомир, 1994. — С. 232.

² Элиаде М. От Залмоксиса до Чингисхана (перевод С. Голубицкого) // Кодры, №7, 1991.

Названия некоторых древнеславянских племен имеют свое происхождение также от имени *волка*, как это убедительно доказал исследователь из Кишинева Р.А. Рабинович¹. Историки хорошо знают, что союз славянских племен, располагавшихся в VIII—XII вв. между Одером и Эльбой, носил общее название *лютичи* (*lutici*) и *вильцы* (*wilzi*), а по Гельмольду, этот союз племен известен и под именем *велеты* (*veleti*). Так вот, Гельмольд в своей «Славянской хронике» пишет, что «эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами (то есть волками — Авт.) или лютичами»². Исследователям этимологии слова *вильцы* представляется более понятной, т. к. сходные формы присутствуют во всех славянских языках. Оно восходит к праславянскому слову *вълкъ*, сходное с готским *wulfs*, латинским *vulkus*, *volkus* — *волк*. Этимологию названия *лютичи* ученые выводят от легендарного *Люта* или от старославянского слова *лют*, *лютый* — *жестокий*, вероятно, табуированное (запрещенное) название волка. Лингвисты же сближают это слово с греческим *lukos* — *волк, волчье бешенство*³. Таким образом, заключает Р.А. Рабинович, этимология слова *лютичи* может сближать его с названием *вильцы* — *волки*.

Загадочными остаются образования этнонимов многих северных народов. Лингвисты до сих пор, например, не могут разгадать значение этнонаима *хант* или *ханты* (в древности *остяки*): по одной из версий, оно «возводится к табуистическому обозначению у хантов медведя —

¹ Рабинович Р.А. «Волки» русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима «уличи») // <http://books.swarog.ru/books/history/2rabinovich.lupus.php>

² Гельмольд. Славянская хроника. — М., 1963. — С. 38.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.2. — СПб.: Терра-Азбука, 1996. — С. 547.

контио», переводимый как злой. Другой северный летописный народ *югра* — охотничьи племена, упоминаемые впервые в Лаврентьевской летописи в 1096 году, которые якобы за быстроту передвижения и кочевой образ жизни имеют происхождение своего имени от праславянского слова *угор* со значениями змея, водная змея, угорь¹, не исключено, выполнивших в древнейшие времена роль тотемов у этих северных племен.

Тайной окутано племенное имя (самоназвание представителей племени) еще одного северного народа — *коми-зырян*. Существует несколько версий происхождения этнонима *зыряне* или, как в летописях — *сиряне, сырьяне*. Эстонская исследовательница коми языка А.-Р. Хаузенберг сделала предположение, что племенное имя могло возникнуть на основе наименованияtotема племени по следующей схеме: имя totема племени — название племени — название группы народа — наименование народа. (Эта классическая схема, вероятно, подходит для образований племенных имен других народов). В качестве древнего totема, по мнению исследовательницы, у них считался *сир* — щука. А *сирыне* произошло уже на основе русского языка прибавлением суффикса — *ян* (*ин*), как, например, образовалось, славян(ин), северян(ин) и др. Эта версия подтверждается фактами сохранения магии *сир* (щуки) в древних верованиях народа коми. В верховьях реки Камы существует приток под очень похожим названием Сирья. Древнее название этой хищной речной рыбы исчезло из обихода в южно-зырянских диалектах, считает А.-Р. Хаузенберг, по причине наложения табу на исконное

¹ Фролов В.К. Этнические имена северных народов Тюменского Приобья // <http://www.utmn.ru/frfg/no10/text02.htm>

имя щуки, своегоtotема — *сира*, а затем произошла замена его на русское заимствование *тишука, штишука*¹.

Проведя ономастический анализ около 70 названий удмуртских племен (*воршудов*), местный краевед В. Фролов пришел к выводу, что не менее 30% оставшихся родоплеменных названий *воршудов* происходят от totема, которому поклонялось данное племя. Самое любопытное, по его мнению, в Прикамье задолго до прихода финно-угров в эти края жило множество разноязычных племен, в том числе и древнерусское племя. Например, *копка* — имя этого древнерусского рода произошло от племенного totема *копалы* — самки глухаря или тетерева, а другое ассимилированное финно-уграми древнерусское племя — *котья*, получило свое название от племенного totема — *кота*. Кстати, кот — это не только обыкновенный самец породы кошачьих, но и морской зверь. В древности словом *кот*, считает исследователь, называли также куницу и хорька, а в Тамбовской области — овцу и козу, откуда якобы произошло слово *скот*. Еще одно название — *пельга*, по его мысли, возникло от древнерусского слова *пелядь*, которая водилась в изобилии на реке Печоре, *чура* — от русского слова *чурилка* — ночная птица козодой, *юра* — название связано с архаичным словом *юра* (*юрово*) — косяк сельдей, который вполне могло быть, считает В. Фролов, totемом одного из древнерусских племен². Кстати, у нас в Поморье сохранилось похожее слово — *юрок* — связка шкур морского зверя, которую, привязав за корму лодки, плавили по воде до берега беломорские промышленники-зверобои.

¹ Цыпанов Е.А. «Зыряне» — загадочный народ // <http://pechora-portal.ru/ex.html/zyrian001.htm>

² Фролов В. О чём может поведать фамилия Воротовы // www.utmn.ru/frfg/no10/text02.htm

Изучив древнейшую карту Птолемея, где указаны проживающие в те времена племена и народы, В. Фролов пришел к еще более интересным выводам. *Порсы*, обозначенные на карте Птолемея чуть западнее Уральских гор, по мнению исследователя, — это самоназвание от их племенногоtotема. Такие тотемы еще совсем недавно имели многочисленные удмуртские племена. Например, *какся* — племя или род цапли, *конъга* — племя белки, *куака* — племя вороны, *кушъя* — племя орла, *посъка* — племя стрижа и т. д. А название *порсы*, считает В. Фролов, произошло от индоиранского корня *порс*, означающее дикого кабана. На притоках Вятки археологи находили кремневые, тщательно обработанные фигурки кабана, служившие для поклонения в религиозных обрядах, посвященных своему тотему-покровителю¹.

* * *

Вернемся к нашей гипотезе происхождения названия *русь*. В предыдущих главах мы подробно останавливались на том, что большое количество кремневых фигурок медведя были обнаружены на огромной территории Севера и особенно северо-запада России. Следы почитания медведя, как своего прародителя, тотемного зверя, обнаружены во многих уголках указанных областей. Мы попытались также доказать, что существовала определенная преемственность в поклонении этому священному животному на протяжении тысячелетий, — от totема, через рождение религиозных убеждений к почи-

¹ Фролов В. Тайна карты Птолемея // www.utmn.ru/frfg/no10/text02.htm

танию христианских святых. Мы уверены, что медведь непосредственно связан с историей нашего русского народа. Более того, мы убеждены, что имя предков русского народа произошло от священного и самого почитаемого на земле зверя — медведя.

Имя *медведя*, данное славянами этому зверю, как выше говорилось, означает животное, поедающее мед или *мед ведающий*. Это его не настоящее название, а табуированное, запретное. В индоевропейских языках, как убедительно доказал А.Н. Афанасьев, медведя изображали «диким зверем, с разрушительными наклонностями и страшным ревом». Поэтому на одном из самых древних языков и родственных русскому языку — санскрите — он поименован *rksha* и буквально переводится как *терзатель, разрушитель*, вероятно, такое же табуированное, запретное имя медведя. На персидском языке он звучит — *chirs*, осетинском — *ars*, греческом — *аркти^с*, ирландском — *ursa*, французском — *ours*, итальянском — *orso*, латинском — *ursus*¹. Нетрудно догадаться, что слово *медведь* можно реконструировать на основе метатезы² (т. е. взаимной перестановки звуков или слогов в словах) санскритского *rksha*, латинского *ursus* (впрочем, и других перечисленных его европейских имен) в виде основы RUS. Значит, медведь в архаичные древнейшие времена мог называться РУСОМ (рушом), откуда легко выводятся слова *русы, Русь, руский, русские — медвежий народ*.

Почему мы заострили внимание именно на этих языках? Потому что они относятся с хронологической точки зрения к самым ранним, доисторическим языкам. По

¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. — М.: Совр. писатель, 1995 — С. 196.

² Байдин В. Человек в божьем мире // Сборник статей и материалов конференции «Христианство и экология».

мнению филолога и языковеда Л.Н. Рыжкова, «латинский язык гораздо богаче формами, чем происшедшие от него романские, поэтому восходящее движение языка (латинского), должно оттеснено ко временам доисторическим», а «русская (и вообще славянская) лексическая современность может вполне оказаться славным прошлым древнелатинского языка до его деградационных изменений, так же как и славным прошлым праиранского языка и прасанскрита»¹. То есть существует, по мнению ученого, тесная связь между русским, древнелатинским языком и санскритом.

Приводя пример смены лексики в языках первобытных людей под влиянием табу (запрета), другой известный филолог, академик Ю.С. Степанов тоже полагает, что исконным названием медведя было слово *rksos*, перешедшее затем в санскрит, латинский и другие языки в указанных выше словообразованиях. Однако позднее в целом ряде индоевропейских языков это название попало под запрет и было заменено подставным словом: русский *медведь* из общеславянского *меди-ъдь*, т. е. *поедатель меда*; литовский *lokus* из *klakis*, буквально *топотун*; немецкий *Ber* (*Bur*) из слова *bero* — *бурый*². Позже само слово медведь вторично было табуировано, стало запретным, получив десятки новых имен.

В этой связи уместно вспомнить слова ныне покойного литературоведа С.С. Наровчатова, к сожалению, мало известного современному читателю: «Может быть, будет слишком смело предположить, что в древнеславянском языке имя этого зверя (медведя — Авт.) звучало как-нибудь вроде «рос». Название реки и племени могло возник-

¹ Рыжков Л.Н. О древностях русского языка. — М., 2002.

² Степанов Ю.С. Основы общего языкоznания. Учебное пособие. — М.: Просвещение, 1975. — С.271.

нуть из тотемического осмысливания этого слова: «медвежья река — «рось», медвежье племя — «рось»... А вдруг моя догадка не так уж произвольна, и окажется, что «медведями» русских называли когда-то не только добродушно-иронически, а по начальному значению этого слова»¹.

Абсолютно правильно мыслил умница С.С. Наровчатов: не зря нас за рубежом назвали и до сих пор прозывают «русскими медведями», причем не только за нашу неторопливость (медленно запрягаем, да быстро едем), но и за физическую силу, выносливость, упорство, способность идти до конца в случае опасности. Настоящего русского (не путать с «новым русским») лучше не задевать, особенно его семью, родных и близких, не говоря уже о его Родине!

¹ Наровчатов. С. С. Необычайное литературоведение. — М.: Молодая гвардия, 1973 — С. 79.

Глава 8

ИСТОКИ РУСИ: НА ЮГЕ ИЛИ НА СЕВЕРЕ?

Борьба между *норманистами* и *антинорманистами*, продолжающаяся уже несколько столетий, не затихла до сих пор (судя по вступительной статье к книге С.А. Гедеонова «Варяги и Русь», переизданной в 2004 году). Как выше говорилось, сторонники *норманнской* теории происхождения Руси как государства, утверждают, что начало ей дали призванные «из-за моря» варяги-русы или норманны-скандинавы. Историки-антинорманисты отстаивают, наоборот, славянское происхождение Русской земли. Причем те и другие разделились еще на два лагеря, на стороне одного стоят «северяне» — адепты первичного образования Руси как государства, в Приладожье и Приильменье. Сторонники «южной» гипотезы, которых оказалось большинство, отстаивают начало Русской земли в Среднем Приднепровье со своей столицей в Киеве. Кто же из них прав? Рассмотрим позиции тех и других ученых.

Известный русский историк В.О. Ключевский (1841—1911) в своем «Курсе русской истории», придерживаясь *норманнской* теории, полагал, что «*русь* среди восточных славян еще не славяне», а пришлый господствующий класс варяжского происхождения. Первоначальное значение *руси* было племенное, указывал историк, но потом слово *русь* получило сословное значение, т. е. *русью* стали называть высший класс русского общества, а точ-

нее княжескую дружины, состоявшую из тех же варягов. Позднее Русь и Русская земля получила географическое значение: после соединения варяжских княжеств в Новгороде, Изборске, на Белом озере под началом киевского князя. Именно тогда Киевское княжество получило значение Руси, Русского государства. А появление Рюрика в Новгороде, как выразился Ключевский, «неудобно считать началом Русского государства: тогда в Новгороде возникло местное, и притом кратковременное, варяжское княжество»¹. С чем очень трудно согласиться.

Подобных взглядов придерживался другой сторонник норманнской школы, не менее известный, русский историк С.М. Соловьев (1820—1879), который полагал, что «под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отчество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских; на востоке, у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским»². Указав на великий водный путь, соединявший когда-то на севере Ладожское озеро и на юге Киев, а также важность его в нашей истории, Соловьев решил, что именно «по его берегам образовалась первоначальная Русская государственная область». При этом он отдал предпочтение южной части этого водного пути, подчеркнув, что «название русь было гораздо более распространено на юге, чем

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Кн. 1. — Р-н-Д: Феникс, 2000. — С. 125—135.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1 (Т.1—2). — М.: Фолио, 2001. — С. 98—99.

на севере»¹. Почему историк сделал такой вывод, неясно, т. к. далее он не дает комментариев, посчитав, вероятно, что здесь и не требуется никаких доказательств.

Неудивительно было, что и украинский историк Н.И. Костомаров (1817—1885) видел начало Руси также на юге. При этом он сетовал, что древний летописец почему-то не назвал южные славянские племена, обитавшие в Приднепровье, *русью*, хотя, по его мнению, это название распространилось уже в XI веке «на Волынь и на нынешнюю Галицию, тогда как, по-видимому, не переходило еще на северо-восток ни к кривичам, ни к новгородцам». А в XII веке, подчеркнул историк, «под Ру́сью разумели вообще юго-запад нынешней России. В смысле более обширном название Ру́си иногда распространялось на земли, связанные с Ру́сью, сперва политически подчиненные Ру́си или Киеву». Далее он уточнил свою мысль: «Название Ру́си за нынешним южнорусским народом перешло к иностранцам, и все стали называть Ру́сью не всю совокупность славянских племен материка нынешней России, а собственно юго-запад России»². Новгороду же у него была уготована роль приатка южной Руси, которая «пошла иным, своеобразным путем возрастать отлично от севера». По словам историка, «Новгород, обособленный со своею землею на севере, постоянно стремится к югу; он ближе к Киеву, чем к Полоцку или Смоленску». Когда же, подчеркнул Костомаров, «Новгород был стерт» и из разных земель составилось Московское государство, оно «легко назвалось Ру́ским, и народ, его составляющий, усвоил знакомое прежде

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1 (Т.1—2). — М.: Фолио, 2001. — С. 99, 118.

² Костомаров Н.И. Две русские народности // История Руси Великой. Т.11. — М.: Мир книги, 2004. — С. 425.

ему название»¹. Оставим пока без комментариев эту версию начала Руси, с которой также трудно согласиться.

Не мог допустить, чтобы Русь получила свое начало с севера, и ярый противник норманистов Д.И. Иловайский. Придерживаясь *славянофильской* теории, он в споре с немецким историком А.А. Куником, опубликовавшим в 1878 году арабские известия о *руси* и славянах, с твердой убежденностью доказывал, что «Русь распределила свое господство не с севера, а с юга»². А иначе, по его мнению, не могло и быть, потому что тогда надо соглашаться с Несторовской летописью, в которой, как он считал (и справедливо! — Авт.), много путаницы, и тем самым признать образование Русского государства скандинавами.

Как уже упоминалось, большой удар по норманнской теории в 1876 году нанесла книга-исследование С.А. Гедеонова «Варяги и Русь», по мнению специалистов, не-превзойденная по количеству привлеченных источников и широте охвата материала. Подвергнув резкой критике первого летописца, писавшего об основании русского государства лишь спустя два с половиной столетия, Гедеонов вопрошаєт: «Откуда мог он узнать, что достоверное о началах Русской земли?»³. И сделал заключение, что Нестор писал о начале истории *Руси*, «основанной не на фактах, а на предположениях». Однако это не помешало историку, опираясь на летописные данные того же Нестора, доказывать не *северное* или *норманнское* происхождение русского государства, а — *южное, славянское*.

¹ Костомаров Н.И. Две русские народности // История Руси Великой. Т.11. — М.: Мир книги, 2004. — С. 426—428.

² Иловайский Д.И. Еще о происхождении Руси // Начало Руси. — М.: Олимп, 2002. — С. 525—526.

³ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. — СПб., 1876; М.: Русская панорама, 2004. — С. 315.

В одном месте, комментируя сообщения византийских и скандинавских писателей, Гедеонов пишет: «Под названием Гардарики они понимали всю Русь вообще... Собственно Русь, в племенном смысле, они называли Кенугард, т. е. Киевской областью¹. Далее он уточняет свою мысль, указав при этом на народное имя Руси, принадлежавшее всем славянским племенам, но в заключение делает упор на ее племенное название якобы образовавшееся именно на юге: «Как племенное, имя Руси принадлежит южным племенам, искони признавшим старейшинство Киева... В теснейшем смысле Русью именуются только поляне и Киев; русский синоним киевского; Киев был настоящим центром Руси², причем приводит эти слова, ссылаясь на ту же раскритикованную им летопись Нестора. Какая-то получается избирательность в отношении древнего письменного источника, кстати, этим же «страдали» и «страдают» другие исследователи. Здесь, допустим, у Нестора все правильно, а что не подходит под мою теорию или концепцию, значит, в таких случаях летопись обязательно врет. Странная получается логика.

Если обобщить взгляды сторонников «южной» версии происхождения Руси, то она сводилась к следующему. Колыбелью Русского государства являлись земли среднегоПриднепровья, на территории которой обитали племена полян со своей столицей Киевом. Именно полян и их землю первоначально прозвали Русью, которая после присоединения других славянских земель северян, кривичей, древлян и т. д. распространила свое имя и на них. Именно из Приднепровья, считают «южане», шла дальнейшая

¹ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. — СПб., 1876; М.: Русская панорама, 2004. — С. 311.

² Гедеонов С.А. Варяги и Русь. — СПб., 1876; М.: Русская панорама, 2004. — С. 312.

колонизация Руси на север — в Приладожье и Поволжье, на территорию Волжско-Окского междуречья.

Такого единодушного мнения придерживалось большинство ученых советской исторической школы, такие известные, как М.Н. Тихомиров, Т.Н. Третьяков, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, В.В. Мавродин, А.Н. Насонов и многие, многие другие. Из современных российских историков, как пропагандистов южной версии происхождения Руси, можно выделить А.Г. Кузьмина, Е.С. Галкину, ученого с Украины Ю.А. Шилова, а также господ Толочко.

Русская земля, делает общий вывод А.Н. Насонов, получила свое название от имени южного местного населения (это *поляне*, очень похоже на *русь*? — Авт.). «Имя это местного, исконного происхождения», продолжает советский ученый, «в изучаемую эпоху оно было уже народным и, может быть, когда-либо в очень далеком прошлом было *племенным*».

Хотя считается, что «современными российскими учеными собраны и проанализированы многочисленные данные, убедительно доказывающие, что термин Русь изначально был связан с территорией юга России», такое заключение уважаемых академиков, оказывается, базируется все же лишь на двух-трех фразах из летописи постоянно критикуемого ими преподобного Нестора, где он, в частности, пишет (ПВЛ по Лаврентьевскому списку): «Съде Олегъ княжа въ Киевъ, и рече Олег: «Се буди мати градом Русьским»¹, относимое летописцем к 882 году. И вторая его фраза, когда Нестор перечисляет племена, общающиеся на славянском языке, упоминает и приднепровских полян: «Ляхове и Поляне, яже нынъ зовомая Русь»².

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. — Л., 1926. — С. 23.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. — Л., 1926. — С. 25.

Это сообщение датируется летописцем 898 годом и, самое главное, обратите внимание на неслучайно им обретенное слово *ныне..*.

Но о *Руси и русах* было известно в Европе значительно раньше, причем даже за несколько веков до рождения летописной Киевской Руси. Имеются и многочисленные свидетельства арабских, персидских и других восточных авторов о существовании доолеговской Руси. Все сообщения, конечно, не перечислим, но остановимся на отдельных, наиболее интересных.

Наши современные ученые полагают, что первым актовым упоминанием о Руси служит свидетельство византийского патриарха Фотия (810—886), где он, как участник событий, сделал описание осады Константинополя народом *рос* в 860 году². Хотя существуют и другие свидетельства, более ранние, но они не всегда принимаются историками однозначно.

Известный теперь российскому читателю по своей книге «Откуда ты, Русь?» историк-эмигрант С.А. Парамонов (С. Лесной) привел сообщение о найденных в Грузии манускриптах, содержащих интересные сведения об истории русского народа. Среди 16 древних документов, поступивших в 1901 году в церковный музей Тифлиса, оказался один объемистый «грузинский пергаментный манускрипт 1042 г. об осаде Царьграда в 626 году», в последней части которого было помещено следующее сообщение: «*Осада и штурм великого и святого града Константино-поля скифами, которые суть русские*». В той же рукописи есть еще интересное свидетельство о том, как император Ираклий пытался ранее откупиться от руссов: «*В 622 году Ираклий за большую сумму денег уговорил «скифов, кото-*

² Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 2001. — С. 93.

рые суть русские, не тревожить империю, и потом отправился отомстить Хосрою»¹. Причем, что интересно, эта тифлисская рукопись написана в 1042 году, т. е. на 70 лет старше «Повести временных лет» Нестора.

Н.М. Карамзин приводит другое раннее свидетельство о *росах*, правда, очень сомневаясь в его правдивости: «Никифор Григора, писатель XIV века, уверяет, что еще при дворе Константина Великого, один росский князь был стольником»². Кстати, указанный император правил Византией в 306—337 годах. Но все же Н.М. Карамзин полагал, что только Бертинские летописи первыми упоминают о *росах*.

Считается, что это одно из самых древних сообщений о Руси, хотя и спорное, ставшее уже, наверное, классическим, которое не может обойти ни один историк при освещении запутанного вопроса о происхождении русского государства и народа. Так называемые Бертинские анналы написаны Пруденцием, придворным капелланом императора Людовика I (814—840) Франкской державы. В них говорится, как в 839 году (еще до пришествия Рюрика в Приладожье и Приильменье) к Людовику явилось посольство византийского императора Феофила (829—842), который «прислал также... некоторых людей, утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рось (*Rhos*); король (*rex*) их, именуемый хаканом (*Chacanus*), направил к нему (Феофилу. — Авт.), как они уверяли, ради дружбы. Он (Феофил. — Авт.) просил..., чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться [на родину], так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, про-

¹ Лесной С. Откуда ты, Русь? — Р-н-Д.: Донское слово. Квадрат, 1995. — С. 80—81.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I, прим. 112. — М.: Терра, 2001. — С. 337.

легал по землям варварским и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав цели их прибытия, император узнал, что они из народа свенонов (*Sueonum*) и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честным намерением, или нет. Об этом он не замедлил... сообщить Феофилу, а также о том, что из любви к нему принял их ласково и что если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помочь; если же нет, то с нашими послами отправят их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить». (*Annals Bertiniani*, a. 839. P. 30—31. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Пер. А.В. Назаренко).

Мы специально процитировали весь текст, т. к. это сообщение является основным аргументом в споре как «норманистов» с «антинорманистами», так и сторонников «южного» варианта возникновения Руси — с «северянями». Вот уже несколько столетий ведется жесткая полемика вокруг этого будто бы незначительного сообщения древнего придворного писаря, и сколько было сломано копий за это время!

Так что же за государство возглавлял хакан росов, и где оно располагалось? Смутило историков, конечно, что Людовик этот неизвестный народ отнес к свенонам или как считает большинство исследователей — к шведам или норманнам, злейшим врагам Франкской империи и других жителей Западной Европы.

Но, судите сами, с какой стати византийский император стал бы подсыпать своему другу, правителю другой страны, викингов, «прославившихся» в те времена своими грабительскими набегами. Предположения Людовика не имели под собой почвы (хотя были подозрения счастье их за шпионов), и придворный писарь о них ничего больше не сообщает. *Росы* именно поэтому и попали в анналы, т. к. показались для франкского императорского двора какими-то необычайными гостями, с которыми им впервые пришлось столкнуться.

«Антинорманисты» же ухватились за никак, по их мысли, не скандинавское слово *хакан*, которое якобы могло появиться только на юге, у хазар. Как справедливо заметил А.В. Назаренко, действительно, само заимствование тюркского по происхождению термина *хакан*, казалось бы, указывает на юг Восточной Европы по соседству с Хазарским каганатом, располагавшимся между Доном и Нижней Волгой. Такая точка зрения в настоящее время и превалирует. Но сегодня, по данным современной археологии, в Приладожье и Приильменье, продолжил учёный свою мысль, сложилась противоположная точка зрения, что *хакан росов* правил в Ладоге¹.

Вероятней всего, *росы* объяснили Людовику, что они с Севера, поэтому он и отнес их к *норманнам*, к *северным людям*. Большинство учёных в голос утверждают, что это *киевские русы*, возвращающиеся к себе на родину. Однако как проще вернуться из Константинополя в родной Киев — через Черное море, поднявшись по Днепру или обогнув всю Европу, по Варяжскому морю? Ответ однозначен. Поэтому, без сомнения, все говорит о том, что эти *росы* могли быть только с далекого Севера, им действи-

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 2001. — С. 289.

тельно было проще через Балтийское море добраться до родных мест — Новгорода или Ладоги.

Несмотря на устоявшуюся точку зрения, что *русь* (Русь) берет начало на юге, в Приднепровье, считаем ее ошибочной. В действительности же *русь* впервые образовалась на севере, но не от скандинавов, варягов и других пришельцев, а скорее, наоборот.

Вопреки устоявшемуся мнению, еще в начале прошлого столетия, авторитетный знаток восточной истории, академик В.В. Бартольд (1869—1930) выразил свои сомнения по поводу южнорусского происхождения *руси* в своей статье «Арабские известия о русах», которая вошла во 2-й том его полного собрания сочинений, изданного в 60-е годы «хрущевской оттепели». Кстати, сейчас очень трудно найти именно эту книгу в периферийных библиотеках. Отдельные выдержки статьи Бартольда опубликованы недавно в сборнике «Славяне и Русь» под редакцией известного российского историка А.Г. Кузнецова, приверженца «южной» гипотезы происхождения Руси.

Рассматривая известие о прибытии в 839 году к Людовику послов кагана Руси, В.В. Бартольд, предварительно изучив труды авторитетнейшего знатока древнерусских летописей А.А. Шахматова (1864—1920), сообщил буквально следующее: «*В 1916 году Шахматов писал: «Едва ли можно усомниться в том, что эта Русь прибыла в Константинополь из южной России*. Мне это мнение тогда же показалось ошибочным: я был убежден, что имеется в виду то же русское каганство... о котором говорят арабы и которое можно искать только на севере. Известно, что к этому мнению пришел и сам Шахматов в своей работе 1919 г.¹; там сказано, что послы русского кага-

¹ Речь идет о двух известных работах А.А. Шахматова «Введение в курс истории русского языка» (Ч.1, Пг., 1916) и «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг., 1919).

ната возвращались к себе на родину, т. е. на северо-запад России...»¹.

Более того, В.В. Бартольд обратил внимание еще на одно сообщение о *русах*, исходившее от арабского писателя Муслима Ибн Абу ал-Джарми, кстати, почти хронологически совпадающее с известиями из Германии 839 года. Этот высокообразованный араб оказался среди освобожденных мусульман при обмене пленными между арабами и греками в 845 году. Находясь в пленах продолжительное время, он собрал подробные сведения о Византии и соседних странах, включая Русь. Сочинения этого автора не дошли до нас, прямая ссылка имеется, по словам Бартольда, в географическом труде Ибн Хордадбеха, законченном в 885 году. Среди сообщений о *русах* имеются сведения и об их знаменитом таинственном «острове», на котором они обитали. Подобные сообщения есть и у других арабских писателей: Ибн Русте (903 или 923), Мукаддаси (Х в.), Гардизи (XI в.), у которого, кстати, упомянутый «остров» находится «в море» и имеет население 100 000 тысяч жителей². Ибн-Русте, в частности, заявляет следующее (эти события ученыe относят примерно к 870 году):

«Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы. — Авт.) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, которого называют «каганом русов». Они производят набеги на славян, причем садятся на корабли, от-

¹ Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Сочинения, Т.2, ч.1. — М., 1963. — С.819.

² Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 2001. — С. 208—213.

правляются к славянам, захватывают их в плен, увозят их к хазарам и болгарам и продают. Пашен у них нет, они пытаются только тем, что увозят из земли славян... у них нет ни поместий, ни деревень, ни пашен, их единственное занятие — торговля соболями, белками и другими мехами» (Арабские известия о русах. Сочинения (Т.2). В.В. Бартольд. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Пер. А.П. Новосельцева).

Почти два столетия ведутся споры о местонахождении «острова русов». Сторонники «южной» гипотезы предлагают искать его в Киеве, в Тмутаракани, дельте Днепра или Дуная, Приазовье, Крыму, других местах. Специалисты-востоковеды, например, В.Р. Розен, Ф. Вестберг, В.В. Бартольд, из современных ученых — А.П. Новосельцев помещают загадочный остров на севере Европы — кто в Скандинавии, кто в районе Новгорода или Верхней Волги¹. Тот же В.В. Бартольд заметил, что «наиболее правдоподобно предположение, что автор IX в. (Иbn Русте — Авт.) имел в виду область русов у Ильменя... Древнейшее поселение в этом месте — Городище при выходе Волхова из Ильменя, в местности окруженной со всех сторон болотами и речными протоками. Слова о «трех днях пути» объясняются, конечно, только ошибкой арабского автора; таково было, вероятно, пространство не острова, но всей области русов»². По мнению Л.Н. Гумилева, под термином «остров» понимался любой изолированный регион³. Еще обратите внимание, русы и славяне

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. — М.: Логос, 2001. — С. 212.

² Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Сочинения, Т.2, ч.1. — М., 1963. — С. 823—824.

³ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: АСТ, 2002. — С. 190, прим. 16.

совершенно два разных племени, народа, причем отношения между ними были откровенно враждебными.

Приведя это сообщение Бартольда, современный писатель В.В. Кожинов предположил, что под «островом», «занимающим три дня пути», имеется в виду вся лесная и болотистая территория, расположенная между озерами Ладога и Ильмень. Во всяком случае, подчеркнул писатель, «речь шла, конечно же, не о Киеве и не о Южной Руси»¹. А задолго до него, при описании славянских древностей, выдающийся чешский историк и археолог Любор Нидерле, ссылаясь на те же арабские источники, упомянул, «что обитали русы на севере на большом острове, окруженном болотами, что указывает на их первоначальные места обитания между озерами Ильмень и Ладожским»².

Обратите внимание, в вышеприведенном арабском тексте четко зафиксировано указание на то, что русы были с Севера. Почему-то сторонников «южной» версии не удивило, что русы не знали пашен и обработки земли, коими пресыщена почти вся южная часть Европы, на это как бы просили обратить внимание и арабы, но русы знали охотничий промысел, поэтому торговали мехами соболей, белок и других пушных зверей. У любого наверняка вызовет справедливое сомнение факт обильного присутствия «в степях Украины» соболей, белок и других пушных зверей, — все же они обитали исключительно в северных лесах. Такую маленькую подробность должны бы знать ученые-историки, отстаивающие «южную» версию. Причем именно обширные *северные* болота и леса с сырым воздухом и своей промозглостью могли так удивить арабов, что они всегда отмечали такую особенность земли русов.

¹ Кожинов В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. 1997.

² Нидерле Л. Славянские древности. — М.: Алетейа, 2000. — С. 160.

В начале 90-х годов очень интересную версию местонахождения «острова русов» представил все тот же В.И. Паранин в своей книге «Историческая география летописной руси», где он говорит: «Большинство исследователей признают сведения об острове фантастическими и не принимают во внимание, поскольку не находят реально существующего острова, который бы походил на описанный древними арабскими авторами... Между тем остров со всем комплексом приведенных в источниках свойств реально существует, а вернее, существовал еще относительно недавно на севере Восточной Европы. Речь идет о территории, которая в настоящее время носит название Карельского перешейка и которая действительно в прошлом представляла собой остров, поскольку система Вуоксы в районе Выборга соединялась с Финским заливом... Вуокса была одной из проток, соединяющих Финский залив с Ладогой; другой протокой была Нева, а между ними простирался остров, который и размерами, и ландшафтами, и своим географическим положением совпадает с островом Рус из арабских источников. Они служат еще одним основанием для локализации исторического ядра Древнерусского государства на территории нынешнего Карельского перешейка»¹.

Не обошел стороной этот острый и запутанный вопрос выдающийся русский писатель и историк Л.Н. Гумилев. В поисках местонахождения Русского каганата, упоминаемого выше, в конце концов, его взоры устремились на Север. По свидетельству тех же арабских писателей (ал-Балхи, ал-Истахри, ибн Хаукаля — X век), русы подразделялись на три группы или «племени», каждая из которых имела отдельного правителя и свою территорию:

¹ Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. — Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 120—121.

«Русы. Их три группы (джинс). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И самая отдаленная их них группа, называемая ас-Славийа, и [третья] группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли призывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители — Авт.) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозят из Арсы черные соболя и олово... Эти русы торгуют с Хазарами, Румом и Булгаром Великим...» (Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. / Пер. А.П. Новосельцева).

Два упомянутых центра русов у большинства ученых не вызвали особых разногласий в правильности их трактовки — Куйабу соотнесли с Киевом, а Славийю — со славенами новгородскими. Что же касается третьей группы — Арсанийи, то единого мнения не существует по сей день. Причем Л.Н. Гумилев полагал, в то время «Куяба», т. е. Киев, не был городом русов, а, видимо, принадлежал волынским славянам — дулебам, царь коих, по Масуди, носил имя Дира, т. е. Дир... Но в конце IX в. Киев был захвачен русами, сначала Аскольдом, потом Олегом»¹. Таким образом, Киев также становится русским, но только в 882 году. Что дало повод другому исследователю, переводчику арабских известий о Руси А.П. Новосельцеву еще раз подтвердить, — «остров» или правильней страна русов, располагался «где-то в северной части Восточной Европы».

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: АСТ, 2002. — С. 168.

пы», а третью группу русов — Арса — он помещал между современными Ростовом и Белоозером¹.

Приведенные свидетельства подтверждают версию, что *русь* появилась задолго до похода князя Олега в Киев. Причем зародилась *русь*, как этнос и как географическое понятие, именно на Севере, в долетописные незапамятные времена, но об этом почему-то умолчал наш Нестор. Что же его смущило?

Как видно из ПВЛ, монах очень путается с началом Русской земли: «*В лето 6360 (852), индикта 15 день, начению Михаилу царствовати, нача ся прозывати Русская земля*»². Хотя, как известно, византийский император Михаил III взошел на престол на 10 лет раньше, в 842 году. Причем такое суждение Нестор вынес из какого-то «летописания греческого», где упоминается, как *русь* приходила в Константинополь. Есть все основания полагать, что одним из источников для написания «Повести временных лет» послужила «Хроника Георгия Амартола», по словам Ф.И. Успенского, лучшего византийского летописца, закончившего свой труд как раз на описании 842 года, когда умер царь Феофил³, кстати, тот самый, который отправил «послов дружбы» — *росов* в 839 году к франкскому императору Людовику. Думается, если же Нестор был знаком с другим византийским трудом — «Житием» св. Георгия Амстердамского, где упоминаются «варвары Руси», напавшие на Амастриду (южное побережье Черного моря), ориентировочно в 820 году⁴, то, не исключ-

¹ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — С. 417—419.

² Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ. — Т.VII.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. — М.: АСТ-Астремль, 2001. — С.575.

⁴ Лесной С. Откуда ты, Русь? — Ростов-н.-Дону: Донское слово. Квадрат, 1995. — С. 89—90.

чено, что начало земли Русской наш летописец положил бы именно в этом году.

Если снова обратиться к летописи, то увидим другое удивительное свидетельство — Нестор второй раз возвращается к началу Русской земли. После знаменитых событий 862 года, когда были призваны для княжения три легендарных брата Рюрик, Синеус и Трувор, он снова утверждает: «*И от тех варяг прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людъе Новогородьци от рода Варяжска, прежде бо бъша Словени*» (ПВЛ по Лаврентьевской летописи). И чуть позднее, в 882 году, когда Олег после убийства Аскольда и Дира — прежних посланцев Рюриковых, стал княжить в Киеве, печерский монах неожиданно объявил его «матерью городов руских». Вот именно на этих маловразумительных и неточных, исключающих элементарную логику, свидетельствах и написан важнейший кусок нашей истории — начало образования Руси.

Стоит ли удивляться, ведь ученый монах Киево-Печерского монастыря принял за составление летописи около 1113 года, т. е. спустя 200—300 лет после описываемых событий. В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, да и другие историки частенько сетовали на неточности Нестора, который отчасти сам являлся компилятором уже существующих, более древних летописей и попавшихся под руку византийских манускриптов. В ПВЛ очень много легендарных сведений, полученных, видимо, им из устных народных преданий и былин. Причем его свод летописей, названный учеными «Повесть временных лет», не раз переписывался и не исключено, что туда могли вкрасться ошибки, а иногда, как утверждают специалисты, делалось это намеренно.

Как убедительно доказал А.А. Шахматов, составлению «Повести временных лет» предшествовали два древнейших свода летописей — Киевский и Новгородский, кото-

рыми, возможно, пользовался Нестор при написании своего труда¹. Причем все говорит о том, что монах больше склонялся к первому, т. е. к Киевскому своду. Мы не будем рассматривать подоплеку такого отношения Нестора к древним летописям, не будем рассуждать о причинах этого отношения, носящих иногда политический характер, — по этому спорному вопросу имеется обширная литература специалистов, но то, что он «позабыл» взять из новгородских летописей, как установлено учеными, известия о первоначальном значении главных городов Руси — Новгорода и Ладоги, а также об образовании северного русского государства — это точно. А ведь некоторые новгородские летописи несколько иначе толкуют этот важнейший вопрос в нашей истории.

Взять ту же Иоакимовскую летопись, которую донес до нас В.Н. Татищев в своем бессмертном труде. В этой связи будет уместно привести слова патриота русского народа С. Парамонова (Лесного), которые он написал еще в 60-е годы прошлого столетия в Канаде: «Советские историки совершили колоссальную ошибку, отбросив Иоакимовскую и другие новгородские летописи как апокрифические. Новгородские летописцы, естественно, знали и писали гораздо более об истории Новгорода, чем это делал киевский летописец, который даже не считал Рюрика за «русского» князя, и не потому, что Рюрик не был славянином, а потому, что Рюрик княжил в «Славонии» (Новгороде), а не в Киеве»².

О происхождении Руси В.Н. Татищев прямо заявляет: *«Иоаким от начала пришествия славян область Новго-*

¹ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. — М.: Академический проект, Жуковский: Кучково поле, 2001. — С. 3—4.

² Лесной С. Откуда ты, Русь? — Ростов-н.-Д.: Донское слово. Квадрат. — 1995. — С. 257.

родскую Русь именует, а Нестор сам себе противоречит»¹. Правда, никто не будет отрицать, что поляне, обитавшие по Днепру, когда «призвались» Рюрик со товарищи, находились под гнетом хазар и усердно платили им дань. Но затем «два мужа его племени» Аскольд и Дир в 862 году неожиданно засобирались в Константинополь, но по пути застряли в Киеве. В Иоакимовской летописи сохранилось такое же известие, но совершенно по-другому трактуемое: «Славяне, живущие по Днепру, называемые поляне и горяне, утесняемы будучи от хазар, которые град их Киев и прочие захватив, собирали дани тяжкие и работами изнуряющие, прислали к Рюрику старших мужей просить, чтоб послал к ним сына или иного князя княжить. Он же [Рюрик — Авт.] дал им Оскольда и воинов с ним отпустил. Оскольд же, придя, стал править Киевом и, собрав войско, победил сначала казар, потом пошел в ладьях ко Цареграду...»². Вот об этом важном событии, где говорится о призвании варягов-руси в Киев, почему-то все остальные летописи молчат.

Нет оснований предполагать здесь вымысел новгородского летописца, как справедливо подметил В.В. Кожинов, ибо летописец знал, что Аскольд, кстати, «оказавшийся вскоре вассалом хазарского кагана», был низложен и убит Олегом как «незаконный» правитель, и сообщение о прямом «назначении» Аскольда в Киев самим Рюриком слишком очевидно подрывало авторитет Олега³. Но причина свержения Аскольда была, вероятно, в другом, — как пишет В.Н. Татищев, «блаженный» Аскольд был крещен⁴, т. е. он стал человеком-вероотступником

¹ Татищев В.Н. История Российской. Т.1. — М.: ACT, 2003. — С. 352.

² Там же.

³ Кожинов В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. — 1997 // Интернет.

⁴ Татищев В.Н. История Российской. Т.1. — М.: ACT, 2003. — С. 55—56.

для своих же северных хозяев-язычников. Да и факт постройки христианской церкви св. Николая на могиле Аскольда говорит об этом.

Не исключено, что в сообщении Иоакима запечатлен реальный факт просьбы южных славян о защите от хазарского господства. Сообщение это свидетельствует о том, продолжил свою мысль В.В. Кожинов, что киевская ветвь восточнославянских племен воспринимала власть северорусского кагана (вспомним сообщение Бертинских анналов) «не как нечто чуждое, «норманнское», но как родственную, «свою» — государственность, под рукой которой оно стремилась оказаться»¹. Поэтому есть все основания полагать, что на Севере задолго до появления южной Киевской Руси уже существовало государство или, во всяком случае, его первичное образование под названием Северная Русь.

С такой точкой зрения согласны и некоторые другие ученые, правда, они находятся в меньшинстве, — инакомышляющих тут же записывают в *норманисты*. Свидетельства источников IX в., утверждает известный исследователь истории Севера Д.А. Мачинский, при составлении их с данными археологии указывают на Поволжье как базовую территорию *руси* первой половины IX века и на Ладогу как ее центр. Это подтверждается данными «саг о древних временах», сохранившие память о ситуации, когда главной резиденцией конунга в Gardar/Gardariki была Aldeigja/Aldeigjuborg (Ладога), а Nogardar/Holmgardaborg (Новгород, т. е. Рюриково городище) если и упоминается, то в конце саги и как более поздний центр, уверяет учений. К 830 году в Поволжье существовало «социальное образование рос/русь», именовавшее свою базовую тер-

¹ Кожинов В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. — 1997 // Интернет.

риторию Gardar; главная резиденция ее хакана (конунга, князя), судя по всему, считает Д.А. Мачинский, должна располагаться (в соответствии со свидетельствами ПВЛ) в пределах нынешней Старой Ладоги. А единственный возможный конкурент — Рюриково городище, уверяет он, — возникло не ранее середины IX века и стало центром Волховско-Ильменской Руси не ранее 860-х годов¹.

Задолго до него такой же точки зрения придерживался шведский историк Страленберг, который считал, что Гардарик (Gardarik) является названием первой столицы страны, на территории которой позднее образовалась Русь: «Ладога или Гарделик была первая резиденция, Новгород — вторая, Киов — третья, Володимер — четвертая, Москва — пятая, Санкт Петербург — шестая», — писал он². Представления о Ладоге как первой столице Руси полностью разделяли и великие русские историки В.Н. Татищев, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский.

В заключение мы хотели бы представить нестандартную трактовку или версию — откуда берет начало *русь* и *Русская земля*? Приведем слова исследователя этого вопроса С.А. Кирилина, который считает, что «*прадолина предков русского народа находилась на самом севере славянского ареала..., а Киев и среднее Поднепровье никакой колыбелью Русского государства не являлось, колыбель эта находилась на Севере — в земле ильменских славян*»³. Он утверждает, что столица «ильменского государства» сначала располагалась в Ладоге, а в середине IX века была перенесена «на Городище, расположенный вблизи нынешнего Новгорода». Формирование Русского государства на

¹ Мачинский Д.А. Волховская Русь (VIII—IX вв.) // Интернет.

² Страленберг И.-Ф. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого.

³ Кириллин С. Расовая теория и «украинский вопрос» // <http://www.kolev3.narod.ru/books/rasa.kiril.htm>.

Волхове исследователь примерно датирует рубежом VIII и IX веков.

Можно согласиться с ним, что сильного племени *полян* с древней столицей в городе Киеве никогда не существовало, — данные исторической науки неопровергимо об этом свидетельствуют. Согласитесь, Нестор в ПВЛ ведь очень скромно пишет о племенах, которые якобы дали началу русскому народу: «*Поляне бо своих отецъ обычай имут кроток и тихъ... А Древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто*» (Лаврентьевский список). Ничего себе *родники*!

Напомним еще, что там, на Юге, существовал и Хазарский каганат — мощнейшее государство, образованное в середине VII века на территории Северного Кавказа, Приазовья, Крыма и степей до Днепра. Хазары в VII—Х веках осуществляли полный контроль над всеми землями к северу от Черного моря, включая среднее Поднепровье. Сейчас хорошо известно, что земли *полян* и *северян* входили в состав Хазарского каганата и находились не один десяток лет в даннической зависимости от степных кочевников.

Более того, в последнее время появились сообщения исследователей (того же С. Кирилина, А. Бычкова), которые приводят любопытные свидетельства древних авторов, имеющие непосредственное отношение к будущей «матери городов русских». Оказывается, Киев возник «не как столица мифического государства полян — Русии», а как хазарская пограничная крепость на северо-западе владений каганата и первоначальное его название было *Куйава* (Kuyawa). Причем город получил название не от летописного *полянского* князя Кия, которого никогда не существовало, а *вазира* хазарских войск, хорезмийца под именем *Куйи*, основавшего эту крепость во второй поло-

вине IX в. в качестве меры предосторожности после падения Аварской державы.

Оказывается, Кий был выходцем из Хорезма (настоящее его имя — Куйя). После переселения части хорезмийцев-мусульман в Хазарию, где они расселились по границе государства, Куйя стал *вазиром* Хазарии, эта должность после его смерти досталась его сыну — Ахмаду бен Куйя.

Титул *вазира* имел командующий постоянной наемной армии хазарских правителей¹. Арабский писатель X века ал-Масуди в своей книге «*Muruj al-dahab*» (около 943—947) пишет следующее: «*В этой хазарской стране мусульмане являются преобладающей силой, потому что они составляют царскую армию. Они известны в этой хазарской стране, как арсии (*al arsiya*), и они пришельцы из страны Кваризм (Хорезм — Авт.). В древние времена, вслед за появлением ислама, появились в их стране засуха и мор, и поэтому они пришли к хазарскому царю. Они были людьми сильными и смелыми, и хазарский царь полагается на них в своих войсках. Они остались жить в его стране на определенных условиях. <...> Кроме того, им принадлежала должность вазиров. В настоящее время (как и обычно) вазир один из них. Его имя Ахмад б. Куйя*» (цитата из книги А. Бычкова «Киевская Русь», с. 432).

Существует и другое свидетельство еще одного арабского писателя и путешественника Ал-Гарнати, подтверждающее, что Киев даже в 1155 году не был городом русов и продолжал оставаться под влиянием тюрков-мусульман: «*И прибыл я в город [страны] славян, который называют «Гор[од] Куйав». А в нем тысячи «магрибинцев», по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак]...*».

¹ Бычков А. Киевская Русь. Страна, которой никогда не было? Легенды и мифы. — М.: Астрель, 2005. — С. 314.

Сведения о мусульманах в Киеве приводятся и в книге о происхождении Руси профессора Кембриджского университета, украинца по происхождению, специалиста-тюрколога Омельяна Прицака, усиленно критикуемого в настоящее время именитыми академиками бывшей советской исторической школы. Кстати, он утверждает, что *Киеву-Куйаву* предшествовала крепость под другим названием — *Самбат*, чье название расшифровывается как «субботний рынок» и происходит от ивритского (еврейского) слова *шабат*, чем вызвал еще большее негодование указанных историков.

Первоначальное название Киева именно как *Куйава*, четко зафиксировано в некоторых иностранных источниках X—XI вв. К ним относятся сообщения греческих авторов, например, Константина Багрянородного (середина X в.), арабских — Аль-Истахри (первая половина X в.) и других, в которых Киев назван *Kuyaba*; немецких (Титмар Мерзебургский, начало XI в.) — *Cuiawa*. Ну, а затем, претерпев фонетические изменения, название Куйава на языке славян превратилось в Киев. По поводу же существования легендарного Кия печерский монах при написании ПВЛ сомневался сам, в одном месте называет его обычновенным перевозчиком через Днепр, в другом — князем, одновременно вопрошая: «*Аще бо бы перевозник Кий, то не ходил Царюгороду*» (Лаврентьевский список).

Северная Русь или просто Русь всегда находилась во враждебных отношениях с хазарами, т. к. те контролировали в среднем и нижнем течении Днепра известный водный путь, называемый «из варяг в греки», и доставляли немало хлопот русским купцам, ездившим торговать в Византию. Однажды, в 839 году, как выше упоминалось, русам пришлось возвращаться на родину даже через Балтийское море. Поэтому, естественно, русские отряды неоднократно пытались завладеть ключевым стратегическим

пунктом на Днепре — крепостью Куйава. Таких отрядов, как известно, было несколько: во главе с Аскольдом, Олегом и Игорем. Решающим оказался поход Олега, который отбил у хазар и включил Приднепровье в состав *русских* земель, перенеся позднее столицу в переименованную *Куйаву* — *Киев*.

Так что, по нашему мнению, первоначально территории приднепровских племен считалась как бы *колонией* (*доменом*) Северной Руси, а столица была в Новгороде. Область вокруг Киева была названа *Русской землей*, чтобы обозначить перед ее бывшими поработителями — хазарами — теперешнюю принадлежность к Северной Руси. Совершенно понятны становятся и слова Нестора, на которые мы просили обратить внимание, где он за 898 год упоминает, что «*поляне, яже нынъ зовомая Русь*», т. е., как бы подчеркивал, что это племя стало только недавно называться *русским*, слово «*ныне*» (сейчас) по-другому нельзя трактовать. Итак, *поляне* и другие приднепровские народы, раньше усердно платя дань хазарам, после обращения к Рюрику стали данниками северных соседей — *русов*.

Было подмечено еще одно интересное свидетельство древнерусской летописи, которое трактовалось учеными исторической школы совершенно по-другому. В ПВЛ после рассказа о взятии Киева говорится: «*Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣном, Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля...*» (Лаврентьевский список). Ранее в нашей исторической науке, как тонко подметил С.А. Кирилин, это место трактовалось так, что Олег наложил дань на северные племена — ильменских славян, кривичей и мерю. Судите сами, здесь отсутствует элементарная логика, — почему Олег, только что заняв Киев с войском, состоящим из воинов северных племен, вдруг налагает на

эти самые племена дань? Неправильное прочтение летописи привело к такой грубой ошибке. Он не налагал дань на ильменских славян, а «устави» дань в их пользу со стороны покоренного населения Киева и полянской земли. Такой небольшой нюанс, зато основательно меняет дело: если в отношении северных племен-завоевателей говорится «устави дань», то в отношении завоеванных южных племен говорится «взложи». Что подтверждается свидетельством самого Нестора: *«Иде Олег на Съверяне, и победи Съверяны, и възложи на нъ дань легъку, и не даст им Козаромъ дани платити»* (Лаврентьевский список).

Летописи однозначно говорят о том, как в Среднее Поднепровье попало имя Русь. Пришедшее с Севера войско Олега называлось Русью, об этом прямо говорится в Лаврентьевской летописи, что «бъша у него Варязи и Словьни и прочи прозвавашася Русью». Таким образом, оказывается совершенно несостоятельным представление о среднеднепровском, «южном» происхождении Руси, как бы не «толковали» это украинские господа Толочко и другие.

Заключение

В последнее время появилось много желающих приизнать (или унизить) русских как народ. Причем это делается через наши центральные газеты, например, как ни удивительно, через солидную «Литературную Россию» (а стоит ли чему сейчас вообще удивляться, ведь продажней города, чем Москва, как не стыдно это говорить о нашей столице, в мире не найти!). В статье, опубликованной в этой газете под названием «Русские, кто они?», американский журналист О. Диксон, претендую на последнюю инстанцию в освещении истории Руси, причем, по его словам, «настоящей, а не придуманный современными доморощенными «мыслителями» (значит, к ним относимся и мы, авторы этой книги), и, ссылаясь на некоторых российских «просветителей», сделал русский народ «продуктом» или конгломератом монголов, финнов и угров¹. Старо, как прошлогодний снег.

То, что некоторые чудаки, вроде нас, пытаются найти настоящие истоки нашего замечательного народа, начало образования Руси, — это не национализм, «подогреваемый проснувшимися после перестройки животным желанием возвысить себя за счет других», это абсолютно нормальное стремление попытаться самим разобраться в исторических реалиях, тех хитросплетениях и лабиринтах

¹ Диксон О. Русские, кто они? // Литературная газета, 1 ноября 2002, № 44.

нашей истории, в которых очень просто потеряться, и, наконец, понять, что на протяжении столетий и даже тысячелетий история нашего народа постоянно искажалась и охивалась с помощью подобных «писак» (не поворачивается язык называть их писателями), существовавших во все времена, являющихся в большинстве случаев обычновенными «заказниками» определенных политиков.

Русь, а позднее Россию никто никогда не хотел видеть сильной. Значит, действительно русский народ на протяжении всей истории чем-то выделялся среди других этносов, и его надо было уважать (кто-то просто боялся) или ненавидеть, поэтому во все времена было много желающих принизить русских.

Русские, вероятно, выбраны Богом для самых трудных испытаний, которые можно придумать на всем белом свете, для того чтобы остальные, переняв наш горький жизненный «опыт», не получали столько мучений, которые выпали и выпадают на долю русского многострадального народа. Несмотря на бездарных правителей, пытавшихся всегда свалить все беды на своих граждан, именно поэтому Богом выбран терпеливый русский народ, т. к. только он один может вынести столько испытаний, страданий и мук.

Нам не стыдно за свой народ, — как бы его не приижали, как бы не предрекали ему ближайшей гибели и скорого вымирания, но он еще восстанет, восстанет из пепла, как сказочная птица Феникс!

И как бы не утверждали различные американские диксоны и им подобные, что «никаких дедушек — хранителей традиции Древней Руси нет», пока мы живы, живы наши дети, мы обязательно сохраним наши традиции. Главное сейчас — не лишиться веками накопленного духовного богатства русского народа, который остается последним оплотом, последним очагом духовности, культуры и истинной Веры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	5
Глава 1. Культ медведя у древних людей и у народов Севера России	9
Глава 2. Культ медведя у скандинавских народов	65
Глава 3. Культ медведя у русского народа	73
Глава 4. «Медвежья потеха» на Руси	132
Глава 5. Медведь в геральдике городов России	137
Глава 6. Отражение культа медведя в русском язычестве и православии	143
Глава 7. «Медвежье» название Руси	175
Глава 8. Истоки Руси: на Юге или Севере?	209
Заключение	236

**Леонтьев Александр Иванович
Леонтьева Марина Владимировна**

ИСТОКИ МЕДВЕЖЬЕЙ РУСИ

Редактор В. Г. Манягин

Художественный редактор А. Г. Сауков

Верстка А. А. Кувшинников

Корректор Н. Н. Самойлова

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825

Оптовая торговля: Центр политической книги — 937-2822, 8-903-519-8541

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ТД АМАДЕОС» — 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский».

Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-8541

Сайт: <http://www.algoritm-kniga@mail.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Подписано в печать 02.11.2007.

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 4000 экз. Заказ № 6828.

**Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.**



То, что медведь – символ России, знают практически во всем мире. «Русский медведь» такое же устойчивое словосочетание, как и «римский орел» или «британский лев».

Медведь изображен на гербах многих российских городов. Он герой народных сказок. Но все это только отголоски того мистического почитания, которым этот зверь пользовался у наших языческих предков. О том, как возник культ медведя на Руси, как развивался и как повлиял на русское национальное самосознание, – эта книга.

ISBN 978-5-9265-0371-2



9 785926 503712 >